

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

История развития науки. Развитие медицинской физиологии. ...

Блок, Николай Николаевич

10
2015
Часть XIV

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 10 (90) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, доктор филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

На обложке изображен Николай Николаевич Блохин (1912–1993) — российский хирург-онколог, академик АН СССР и АМН СССР, общественный деятель.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Аксёнова Н. В.**
Мужские образы в рассказе Е. И. Замятина
«Ловец человеков»..... 1361
- Аксёнова Н. В.**
Женские образы в рассказе Е. И. Замятина
«Ловец человеков»..... 1363
- Аманова Г. Т.**
Культурно-когнитивный аспект перевода 1366
- Асадуллина Л. И., Дусеев И. Р.**
Грамматические средства выражения категории
времени в этнически соседствующих языках
(на примере селькупского и татарского
языков)1367
- Бохонная М. Е., Шерина Е. А.**
Символическое содержание письменных
принадлежностей в языке среднеобской
чапушки 1370
- Волобуев К. В.**
Источники формирования и пополнения
испанской лексики 1373
- Вульпя Е. В.**
Анализ лексических трансформаций в переводе
мультфильмов на примере мультфильма
«Мадагаскар» 1374
- Гарипова А. А.**
Особенности перевода метафор с английского
языка на русский в сфере авиастроения1377
- Григорович Е. А.**
Развитие отечественных межъязыковых
исследований в период с XI по XVIII век 1379
- Демина А. В., Данков А. Г., Хоречко У. В.**
Анализ иероглифов, содержащих ключ
«знак солнца» ☀ 1382
- Демина А. В., Данков А. Г., Хоречко У. В.**
Этимология иероглифов, содержащих ключ
«знак солнца» ☀ 1384
- Денико Р. В.**
Дифференциация явлений заимствования
и переключения контекста
в русском языке 1386
- Донченко А. В., Тагина Е. К.**
Национальная специфика фразеологических
единиц китайского языка 1389
- Жумаева Ш. Ш.**
Etymological and semantic criteria in polysemy
and homonymy 1391
- Зими́на А. С.**
Особенности образования терминов
автомобилестроения путем метафоризации
в английском и русском языках..... 1394
- Игнатенко К. В., Куимова М. В.**
К вопросу перевода пословиц и поговорок
с цифрами и числами (на примере русского
и английского языков)..... 1396
- Исанова Д. А.**
Особенности контекстуальной
псевдоэквивалентности 1398
- Кадочникова С. Г.**
Англицизмы: современная реальность
или вынужденная необходимость? 1399
- Калаева Д. С., Никольская Ю. В., Куимова М. В.**
Some English idioms (through the example
of the word «book») 1402
- Калажокова Р. З.**
Дискурс: разновидности, специфика,
мнения 1403
- Коберник Л. Н.**
«Любовь» в контексте метафорического
моделирования..... 1405

Кобякова И. К., Кобзева Н. А. Translation Problem of Humour.....	1408	Путинцева А. А., Привороцкая Т. В. Сопоставительный анализ оригинала и перевода стихотворения Бин Синь «Бумажный кораблик»	1437
Лебедева И. О., Хоречко У. В. Сравнительный анализ концепта «цвет» в русском и китайском языках (на примере фразеологизмов, содержащих колоратив «белый»)	1410	Сидакова В. С., Куимова М. В. About metaphor and its types.....	1440
Лебедева И. О., Хоречко У. В. Сравнительный анализ концепта «цвет» в русском и китайском языках (на примере фразеологизмов, содержащих колоратив «желтый»)	1412	Тиллаева Ш. М. Нормативные аспекты перевода.....	1441
Левина Э. М. Имя собственное в лексикографической практике	1414	Тихонова Е. В. Компоненты устного билингвального дискурса (на материале китайского языка)	1443
Лиходкина И. А. Особенности передачи мифонимов из русских народных сказок на английский, французский и итальянский языки	1417	Тухтахуджаева М. У. Современные подходы к исследованию отрицания	1446
Митяева А. П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов	1420	Хафизова Л. И., Хоречко У. В. Особенности образования терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования (на примере китайского языка).....	1447
Мохаммади М. Р., Голькар А., Гахремани Х. Способы выражения глаголов движения с приставкой «с-» в персидском языке	1423	Шапошник Н. А., Чекалина Т. В. Концептосфера «любовь» в романном творчестве Маргерит Дюрас (на материале романа «Модерато кантабиле»).....	1450
Попова Д. Е., Хоречко У. В. Терминология китайской медицины. К постановке вопроса	1428	Щитов А. Г., Доан Тхи Кам Чьеу Язык в русских и вьетнамских пословицах: образы и смыслы	1453
Поспелова С. Н. Направления и методы изучения детской речи в отечественной и зарубежной лингвистике	1432	Щитова О. Г., Цзэн Шуаншуан Иноязычная компьютерная терминология в русской и китайской лингвокультурах	1455
Привороцкая Т. В., Волкова Ю. С. Языковые реалии как отражение национально- культурной специфики на материале рассказа Лу Синя «Лекарство»	1434	Яковлева Е. А., Данков А. Г., Хоречко У. В. Ключ 目 mù «глаз» в составе китайских иероглифов (в продолжение вопроса)	1458

ФИЛОЛОГИЯ

Мужские образы в рассказе Е. И. Замятина «Ловец человеков»

Аксёнова Наталия Валерьевна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: Е. И. Замятин, «Ловец человеков», символичность, образы, мужское, традиции, Англия.

Рассказ «Ловец человеков» (1918), идея которого появилась во время пребывания Е. И. Замятина в командировке в Англии, и написанный уже в России, принято относить к группе английских произведений писателя. Находясь под впечатлением от поездки за границу Е. И. Замятин описывает Англию и англичан именно с присущей ему смеси иронии и юмора. Все, что ранее он написал в «Островитянах»: все ощущения и переполнявшие его чувства, эмоции, он также включил и в рассказ, но здесь образы англичан и самой Англии претерпевают изменения, персонажи лишаются сатирической окраски, смягчаются.

Название рассказа «Ловец человеков» взято из известной библейской цитаты, в которой говорилось, что бывшие рыболовы, последователи Иисуса, стали ловцами человеков: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его в лодке с Зеведеем, отцем их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Матф. 4:18–22) [1].

Замятин пародийно переосмысливает пафос первоисточника об обращении человеческих душ к истинной вере, предлагая читателю современную гротескную историю о «ловце человеков».

Нам представляется интересным рассмотреть мужские образы в рассказе, т. к. и к мужские, и женские образы повествователь наделяет особыми качествами. Мужские образы вписываются в канву повествования резкими штрихами, они более резкие, и к ним писатель относится не с меньшим трепетом, чем к женским. Мужские образы в рассказе раскрываются через их взаимоотношение с женским началом, и поэтому заслуживают отдельного рассмотрения и сравнения между собой. В рассказе «Ловец человеков» мужские образы представлены

двумя полярными сторонами: мистером Краггсом, добровольным борцом с пороком и влюбленным в жизнь и женщин органистом Бэйли.

Встреча с первым мужским персонажем происходит после описания весеннего города, когда органист Бэйли изображается гуляющим по утренним улицам, опьяневшим от любви: «На дне розово-молочного моря плыл по пустым утренним улицам органист Бэйли — все равно куда. Шаркал по асфальту, путался в хлипких, нелепо длинных ногах. <...> Губы толстые и, должно быть, мягкие, как у жеребенка, блаженно улыбались. Голова с удобными, оттопыренными и по краям завернутыми ушами покачивалась: органист Бэйли плыл» [2, с. 334].

Внешний облик персонажа, содержащий черты детскости и принадлежности к природному миру («жеребенок») дополняется его «языческой» [3,4] благодарной молитвой небесам за все, что его окружает, за самую жизнь: «Блаженно жмурил глаза; засунув руки в карманы, останавливался перед витринами. Вот сапоги. Коричневые краги; черные, огромные ватерпруфы; и крошечные лакированные дамские туфли. Великий сапожный мастер, божественный сапожный поэт... Органист Бэйли моллился перед сапожной витриной: Благодарю тебя за крошечные туфли... И за трубы, и за мосты, и за Роллс-Ройс, и за туман, и за весну. И пусть больно: и за боль...» [2, с. 334].

Музыкант Бэйли — воплощение самой иррациональной стихии жизни. Повествователь дает только «дух мысли», ассоциативно отсылая его описание к «утратившему голову» английскому рыцарю Хэгу: «Снаружи, у дверей церкви, была могила рыцаря Хэга, некогда обезглавленного за папизм: на камне, в каменных доспехах, лежал рыцарь без головы. И здесь, возле утратившего голову рыцаря, сгучились женщины вокруг органиста Бэйли» [2, с. 339]. Несмотря на внешнюю непривлекательность, органист — любимец женщин, его сила — в музыке, в игре, имеющей сильное эмоциональное воздействие на прихожан, особенно на женщин:

«— Мистер Бэйли, вы сегодня играли особенно. Я так молилась, так молилась, что...

— Мистер Бэйли, не могли бы вы — мне бы хотелось только...

— Мистер Бэйли, вы знаете, что вы — что вы...» [2, с. 339].

Изображение языческо-чувственной игры органиста Бэйли («...росло, росло оранжевое солнце. И вот — буйно вверх...») объясняет его роль «теурга солнечного мира» [5]. Мистер Бэйли, как и адвокат О'Келли; «жрец» любви, обладающий даром жить на пределе чувств: «У органиста были длинные, обезьяньи руки — и все-таки нельзя было обнять их всех сразу. Органист блаженно покачал головой: Милые, если бы я мог...» Органист задумался о великой Изиде — с тысячью протянутых рук, с тысячью цветущих сосцов, с чревом — как земля, принимающим все семена...» [2, с. 339]. Языческий символ плодородия акцентирует природную, естественную власть Бэйли как «добротного ловца»: в его сети попадают женщины, находящиеся в поисках любви, нуждающиеся в ней и готовые быть пойманными. Несмотря на безнравственное поведение Бэйли («нет, вы подумайте: в приходе — ни одной молодой и красивой женщины, которая бы не... которая бы... нет, его бедная жена, это — просто ангел...» [2, с. 337]), сцена измены в конце рассказа не приводит к конфликтному финалу. Вероятно, потому, что и персонажи мало индивидуализированы, и потому, что мистеру Краггс, как пострадавшему, не свойственны человеческие чувства.

Образ защитника морали в рассказе, мистера Краггса, лишен последних человеческих проявлений. Несмотря на то, что «зрительные лейтмотивы» [6], сопровождающие персонажа, взяты не только из вещного (чугунный монумент), но и из природного мира (краб, крыса), они одинаково акцентируют отсутствие внутренней жизни, души. Краггс то напоминает краба, которого «позволял себе к завтраку по воскресеньям» [2, с. 335]: «Мистер Краггс гулял, неся впереди, на животе, громадные крабовые клешни и опустив веки...» [2, с. 342]; то движется по жизни с одного «невидимого пьедестала» на другой — «такой коротенький чугунный монументик» [2, с. 338, 345]. Можно предположить, что в изображении Краггса автор использует принципы традиционно любимой англичанами карикатуры. Сложно составить полный образ без описания бытовых мелочей, в которые этот образ погружен. Поэтому необходимо упомянуть о воскресном завтраке Краггсов как исполнении национально-семейного ритуала, сопровождающегося обязательным чтением газет. Данное изображение носит пародийный характер: «С кусочками крабовых клешней проглатывая кусочки слов, мистер Краггс читал вслух газету» [2, с. 335].

Металлически-механистический мир Краггсов содержит и английские реалии — наполненность традиционными вещами, пребывающими в образцовом порядке: «Все в комнате — металлически сияющее: камин, прибор, красного дерева стулья, белоснежная скатерть. И может

быть, складки скатерти — металлически негнущиеся; и может быть, стулья, если потрогать, металлически-холодные: окрашенный под красное дерево металл. На однотонно-зеленом ковре позади металлического стула мистера Краггса — четыре светлых следа: сюда встанет стул по окончании завтрака. И четыре светлых следа позади стула миссис Краггс» [2, с. 335]. Описание квартиры и жизни семейства помогает дополнить образ мистера Краггса, такого же металлически-холодного, как и его стулья в гостиной.

«Футлярность» мира Краггсов дополняется гоголевскими аллюзиями: брюки бездушного героя совершенно замещают его в пространстве, как Нос — майора Ковалева. «Наверху, в спальне, миссис Лори <...> вывесила из шкапа новые брюки мистера Краггса: в них он пойдет в церковь. В окно тянул ветер. Брюки покачивались. Вероятно, на мистере Краггсе — брюки прекрасны и вместе с его телом дадут согласный аккорд. Но так, обособленные в пространстве, брюки мистера Краггса были кошмарны. В окно тянул ветер. Покачиваясь, брюки жили: короткое, обрубленное, кубическое существо, составленное только из ног, брюха и прочего принадлежащего. И вот снимутся, и пойдут вышагивать — между людей и по людям, и расти — и...» [2, с. 336]. Образ отделившихся от человека брюк как метафора гротескного «низа» недвусмысленно указывает и на «профессию» персонажа, ловца любовников в парках, и на отсутствие в нем сколько-нибудь духовного «верха». Не случайно, в момент охоты за нарушителями общественной морали он превращается в крысу: «ошерстевший, неслышный, мистер Краггс шнырял по парку громадной, приснившейся крысой, сверкали лезвия — к ночи раскрывшиеся лезвия глаз на шерстяной морде» [2, с. 342].

Главным же свойством натуры мистера Краггса является лицемерие. Повествователь высмеивает английское ханжество, изображая, как добровольный представитель «Общества Борьбы с Пороком» озабочен интимными туалетами своей жены. Речь повествователя в этот момент воспроизводит форму английского лимерика: мистер Краггс был «взглядов целомудренных, не переносил наготы, и пристрастие его к кружевным вещам было только естественным следствием целомудренных взглядов» [2, с. 336]. Автор использует средства английского юмора [7] для изображения «оригинальной» деятельности своего героя, который, как настоящий рыбак, выходит из дома рано утром и выслеживает по скверам и паркам отбившихся от стаи «рыб». Жажда наживы и обман — вот что отличает современного «ловца человек» от последователей Иисуса (его жена и окружающие считают, что он работает на бирже и удачно проводит операции). Мистер Краггс ведет двойную жизнь: с женой и соседями он — олицетворение порядка, стабильности, надежности, со своими жертвами — ловкач и безжалостный шантажист.

Повествователь высмеивает и другие истинно английские черты характера мистера Краггса, такие как непреклонность и твердость, которыми он умело пользуется в общении с соседями, знакомыми и незнакомыми ему

людьми. Он присвоил себе право карать инакомыслящих, что рождает в сознании парализованных страхом людей сравнение его с богом. Пойманная Краггсом Леди-Яблоко неожиданно восклицает: «О, вы такой... милосердный... как Бог! Обещаю вам — о, обещаю!» [2, с. 343].

Непреклонность и жестокость мистера Краггса гротескно представлены в унижительной сцене поимки и шантажа леди-Яблока и ее спутника: «Одной клешней все еще держа обмякшего, убитого Адама, другую — Краггс вытащил свисток и вложил в рот:

— Вот видите? Один шаг — и я свистну... — Он отпустил пленника. Оглядел его с шелковых носков до головы, прикинул на глаз — и коротко бросил:

— Пятьдесят гиней» [2, с. 343].

Мистер Краггс в рассказе «Ловец человеков» становится капканом, уничтожающим все живое, а потому

он исключен из мира человеческих чувств и отношений: «Страшные крабовые клешни разжались, заклепили руки Адама, прекрасной Леди-Яблоко — и Адам, пытаясь, забился в капкане» [2, с. 343].

Описание главных мужских героев связано с изображением особенностей национального английского мира, национальной психологии. Мужские образы, дополненные английскими культурными реалиями и английским юмором в рассказе выполняют функцию культурного кода, шифра, с помощью которого «открываются» авторские представления и об Англии, и о бытии человека вообще. В основу описываемых мужских образов положена идея разрушительного начала (двойная жизнь уважаемого гражданина Краггса ломает стереотипы, любовь Бэйли к замужним дамам рушит надежды), дополняемого в случае органиста Бэйли началом творческим.

Литература:

1. Евангелие от Матфея. Синодальный перевод.: <http://www.bibleonline.ru/bible/rus/40/04/>
2. Замятин, Е. Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2011. — 1258 с.
3. Хатямова, М. А. Фольклорная стилизация в малой прозе Е. И. Замятина // Вестник Томского государственного университета. — 2006. — Вып. 8. — с. 68–75.
4. Хатямова, М. А., Аксёнова Н. В. «Ричард Бринсли Шеридан» Е. И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов: в 2-х кн. Вып. 2 Кн. 1. — 2014. — с. 422–430.
5. Сваровская, А. С. Ирландско-кельтский слой в прозе Е. Замятина // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Материалы Международного конгресса литературоведов к 125-летию Е. И. Замятина 5–8 октября 2009 года. — Тамбов, 2009. — с. 454–458.
6. Степура, С. Н. Джойс как явление русского модернизма // Молодой ученый. — 2015. — № 6 (86). — с. 839–842.
7. Аксёнова, Н. В. Английский мир в творческой системе Е. И. Замятина: автореф...канд. филол. н.: 10.01.01./Аксёнова Наталия Валерьевна. — Томск, 2015. — 23 с.

Женские образы в рассказе Е. И. Замятина «Ловец человеков»

Аксёнова Наталия Валерьевна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: Е. И. Замятин, «Ловец человеков», женщины, образ, семья, традиции, Англия.

В рассказе «Ловец человеков», написанном писателем по возвращению в Советскую Россию, была затронута жизнь Лондона с его особенностями, внутренними противоречиями, борьбой за идеалы. Сюжет рассказа повествует о семейных ценностях одной конкретной ячейки общества, судьба которой идет параллельно воздушному налету цеппелинов — она также подвергается вмешательству извне, и моральные ценности оказываются под угрозой разрушения. В центре каждой английской семьи — взаимоотношения между мужчиной (главой семьи) и женщиной (рабелепно-покорной союзницей).

Эти отношения каждый раз подвергаются различным колебаниям (новая любовь, соседи, интриги). Основной задачей женщины в этих отношениях является выбор — сохранение монотонного домашнего очага или разрушение семьи из-за страстных желаний.

Женские образы в рассказе представлены следующими персонажами: миссис Лори, миссис Фиц-Джеральд, леди-Яблоко, слушательницы органиста в церкви, все они, несмотря на индивидуальные различия, образуют некую единую семантическую группу. Они наделены особым природным и чувственным миропониманием, механи-

стичность общества не способна вторгнуться в их естественную чувственность и поэтому не способна искоренить их материнское начало.

Главным женским персонажем рассказа является Лори Краггс, которая колеблется между мистером Краггсом (олицетворявшим стабильность существования, незыблемость и непоколебимость) и органистом Бэйли (эмоциональная «отдушина», родная душа и чувственность). В душе героини назревает конфликт между сознательным и бессознательным: хранительница домашнего очага, благодарная жена своего мужа, которая честно борется с навязчивыми ухаживаниями Бэйли и женщина, нуждающаяся в любви, которая попадает в сети необузданной эротической музыкальности органиста. Сцена игры органиста Бэйли не случайно показывается через сознание (точнее, подсознание) героини, глубоко прячущей свои эмоциональные переживания: «Узкие ущелья в мир — окна. На цветных стеклах — олени, шиты, черепа, драконы. Внизу стекла — зеленые,верху — оранжевые. От зеленого — по полу полз мягкий дремучий мох. Глохли шаги, все тише, как на дне, — тихо, и бог знает где — весь мир, краб, щека, распоротый шов в чулке, одноголазая Фиц-Джеральд, ложечки в футлярах, тридцать два года... Вверху, на хорах, начал играть органист Бэйли. Потихоньку, лукаво над зеленым мхом росло, росло оранжевое солнце. И вот — буйно вверх, прямо над головою, и дышать — только ртом, как в тропиках. Неудержимо переплетающиеся травы, судорожно вставшие к солнцу мохнатые стволы. Черно-оранжевые ветви басов, с нежной грубостью, все глубже внутрь — и нет спасения: женщины раскрывались, как раковины, бросало бога в жар от их молитв. И может быть, только одна миссис Лори Краггс — одна сидела великолепно-мраморная, как всегда» [1, с. 338]. «Прорвал плотины поток цилиндров, белых с громадными полями шляп, нетерпеливо раскрытых губ. Неистовым от весны стадом неслись слон-автобусы и, пригнув голову, по-собачьи вынюхивали друг дружку. «Голосами малиновыми, зелеными и оранжевыми орали плакаты <...> Лифты глотали одну порцию за другой, опускали в жаркое недра [2], и тут сбесившаяся кровь Лондона пульсировала и мчалась еще бешеней по бетонным гулким трубам. Взбесившийся Лондон лился за город, в парки, на траву. Неслись, ехали, шли, в бесчисленных плетеных колясочках везли недавно произведенных младенцев. Миссис Лори сквозь прозрачные стекла окна наблюдала шествие бесчисленных колясочек по асфальту» [1, с. 340]. Древнейший инстинкт деторождения [3, с. 21] окажется определяющим в «проступке» Лори, нарушающей и христианскую заповедь, и законы дома мистера Краггса. Добрая ирония повествователя поддерживает естественно-природное поведение героини, которая, помимо страсти, испытывает еще и страдание к Бэйли, стоящего на улице под ее окнами во время бомбежки: «Топнуло тут, рядом; задребезжали верешки стекол; валилось; рушился мир миссис Лори, ложечки, кружевное.

— Бэйли! Бэйли! — разрушенная миссис Лори стремглав летела по лестнице вниз во двор. Мелькнуло бредовое небо. Мелькнула под забором черная, нелепо тонкая фигура. И нежные, как у жеребенка, губы раздвинули занавес на губах миссис Лори. Жить еще минуту. На асфальте, усеянном угольной пылью, жили минуту, век, в бессмертной малиновой вселенной» [1, с. 348]. Это подтверждает открытие конфликта Конфликт рационального/эмоционального, долга и чувства в душе героини отмечен образом «треснувшего мрамора»: «На мраморном челе миссис Лори было два легчайших темных прожилки-морщины, что, может быть, только свидетельствовало о подлинности мрамора. А может быть, это были единственные трещины в непорочнейшем мраморе» [1, с. 341]. Далее этот конфликт кодируется сравнением миссис Лори с барельефом известной в Лондоне скульптуры Ричарда I, стоящей в Лондоне: «...Монументик (мистер Краггс — Н. А.) милостиво улыбался <...> украшенный соседством миссис Лори: так барельефы на пьедестале Ричарда-Львиное сердце скромно, но гармонично украшают Львиное сердце» [1, с. 338].

Внутренний мир миссис Лори Краггс был и остался загадкой для ее мужа, не случайно он в определенный момент обнаруживает, что совсем не знает ее, и на льстивое замечание Фиц-Джеральд («О, миссис Лори, вы-то, вы-то, я знаю, совсем не такая, как другие») задается вопросом: ««Не такая — но какая же?» Бог весть: шнур от занавеси был потерян» [1, с. 338].

Авторскую логику обнажает и сюжетостроение: когда миссис Лори во время налета цеппелинов бросается в объятия местного Дон Жуана [4], в повествовании наступает одновременно и кульминация, и развязка. Все предыдущее повествование лишь об одном — о «прорыве» страсти, пусть краткосрочной, но победе чувства в человеке. Финальное возвращение героини к прежней, регламентированной жизни не только не ставит под сомнение совершенное ею, но и отмечено победительно-счастливым, вызывающим поведением: «Мистер Краггс поднял свечу и раскрыл рот: белый утренний халат миссис Лори — растегнут, и тончайшее белое под ним — изорвано и все в угольной пыли. На ресницах — слезы, а губы... Занавеси не было.

— Что с вами? Вы... вы не ранены, Лори?

— Да... То есть нет. О, нет! — засмеялась миссис Лори. — Я только... Выйдите на минутку, я сейчас переоденусь и спущусь в столовую. Кажется, все уже кончилось.

Миссис Лори переделалась, тщательно собрала лепестки с полу, уложила их в конвертик, конвертик — в шкатулку. Чугунные ступни затихли где-то на юге. Все кончилось» [1, с. 348].

Соседка Краггсов — миссис Фиц-Джеральд — воплощение идейной правовой защитницы, которая ведет продолжительную борьбу за общие цели и поддержание общепринятых правил. Ее распространенная ирландская фамилия означает «управляющий копьём», а потерянный замок в Шотландии отсылает к образу блюстителя по-

рядка шотландца Мак-Интоша из «Островитян» [2]. Однако повествователь, представляющий читателю героиню как одноглазую индюшку («одним глазом вверх, в небо, откуда ежеминутно может упасть коршун и похитить одну из девяти ее индюшечек» [1, с. 337]), недвусмысленно дает понять, что миссия Фиц-Джеральд в защиту морали обусловлена ее естественными материнскими заботами по сохранению потомства: «Отношение миссис Фиц-Джеральд ко всему миру было определено со знаком минус: «нет». Минус начался с тех пор, как пришлось продать замок в Шотландии и переселиться на Аббатскую улицу. В органиста Бэйли минус вонзался копьём. И как же иначе, когда одна из девяти дочерей миссис Фиц-Джеральд уже давно по вечерам бегала на «приватные уроки» к органисту Бэйли» [1, с. 337]. Любопытствующая сплетница Фиц-Джеральд вызывает добрую иронию повествователя, стилизованную в традициях английского юмора: «Миссис Фиц-Джеральд навела один глаз в небо, другой — в миссис Лори; миссис Лори вошла в паузу — как в открытую дверь: не постучавшись» [1, с. 337]. Ирландская основа фамилии [5] сообщает образу миссис Фиц-Джеральд эмоционально-телесную семантику.

Поэтическим воплощением женской эмоционально-телесной стихии становится в рассказе образ леди-Яблока, попавшей в сети мистера Краггса. Леди-Яблоко и ее избранник существуют в своей отдельной от всех малиновой вселенной «сбесившегося Лондона», вне реальной жизни, законов социума, войны: «Хэмстед-парк до краев был налит шампанским: туман легкий, насквозь прозолоченный острыми искрами. По двое тесно на скамеечках, плечом к плечу, все ближе. Истлевало скучное платье, и из тела в тело струилось солнечное шампанское. И вот двое на зеленом шелке травы, прикрытые малиновым зонтиком: видны только ноги и кусочек кружева. В великолепной вселенной под малиновым зонтиком — закрывши глаза, пили сумасшедшее шампанское.

— Экстренный выпуск! В три часа зэппы над Северным морем!

Но под зонтиком — в малиновой вселенной — бесмертны: что за дело, что в другой, отдаленной вселенной будут убивать?» [1, с. 341].

Христианско-мифологическая основа имени героини как вечной искушительницы — леди-Яблоко — имеет в художественной системе Замятина и дополнительные,

«народно-языческие» смыслы созревания и плодоношения, и используются в рассказе именно с этими коннотациями: «Она была вся налита сладким янтарным соком солнца: мучительно надо было, чтобы ее отпили хоть немного. Яблоко — в безветренный, душный вечер: уж налилось, прозрачнеет, задыхается — ах, скорее бы отломиться от ветки — и наземь» [1, с. 342]. Героиня несомненно воплощает замятинские представления о природе женственного [6] (иррационального, телесного, эротического, материнского, восточного), которые формировались под влиянием русского «народного христианства», философии и культуры Серебряного века. «Она встала, леди-Яблоко <...>, и встал ее Адам — все равно, кто он: он только земля. Медленные, отягченные — поднялись на лиловеющий в сумерках холм, перевалили, медленно тонули в землю по ту сторону холма» [1, с. 342]. Пассивная женственная природа героини нуждается в опоре, не способна противостоять катастрофичности жизни, ужасам войны, возможно, поэтому она совершает алогичный поступок, обращаясь за помощью к своему обидчику Краггсу во время неожиданной бомбежки.

Дамы, окружавшие органиста Бэйли в церкви, поклонялись ему, как Богу, и их не отпугивала его непривлекательная внешность, автор подчеркивает стадную зависимость женщин от мужчин, пусть такого с «обезьяньими» руками и с нескладными топорными жестами и резким поведением. Здесь можно провести параллель между Бэйли и Дионисом и его дамами — минадами.

В целом, автор подчеркивает острую зависимость женщин от мужчин в рассказе и неспособность кардинально решиться на что-то важное, ведь в итоге, каждая из женщин теряет то, что стремилась сохранить: Лори Краггс — избавляется от ухажера после измены мужу на куче угля, Леди-Яблоко — расстается со своим любимым человеком под натиском «целомудренного» мистера Краггса и превращается в безропотное существо, миссис Фиц-Джеральд не сумела уследить за дочерью, которая попадает в те же сети, что и все остальные женщины городка, и поэтому ее подозрительность так и остается при ней. Английские дамы, снаружи такие правильные и идеальные, внутри оказываются такими же живыми, что и остальные женщины в его «неанглийских» произведениях. Поэтому напускная чопорность, присущая англичанкам, опровергается приведенными примерами.

Литература:

1. Замятин, Е. Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2011. — 1258 с.
2. Аксёнова, Н. В. Английский мир в творческой системе Е. И. Замятина: автореф....канд. филол. н.: 10.01.01./Аксёнова Наталия Валерьевна. — Томск, 2015. — 23 с.
3. Аксёнова, Н. В. Образ английской семьи в повести Е. И. Замятина «Островитяне» // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — Вып. 2 (130). — с. 20–25.
4. Аксёнова, Н. В. Образ Англии в нехудожественной прозе Е. И. Замятина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — Вып. 11 (139). — с. 45–51.
5. Хатямова, М. А., Аксёнова Н. В. «Ричард Бринсли Шеридан» Е. И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивиду-

альности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов: в 2-х кн. Вып. 2 Кн. 1. — 2014. — с. 422–430.

6. Хатямова, М.А. Модернистская поэтика орнаментального сказа в ранней прозе Е.И. Замятина // Сибирский филологический журнал. — 2006. — Вып. 3. — с. 34–55.

Культурно-когнитивный аспект перевода

Аманова Гулноза Ташмурадовна

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Современный этап развития языка и лингвистики характеризуется многочисленными попытками ученых заново осмыслить традиционные языковые понятия и явления с позиций культурно-когнитивного подхода. Не является исключением и теория перевода. Когнитивный аспект перевода недостаточно изучен и представляет несомненный интерес в современной лингвистике. Постановка и освещение этой проблемы необходимы, прежде всего, для определения наиболее эффективной переводческой стратегии при воспроизведении того или иного вида информации, заложенного во фразеологических единицах и фразах, которые употребляются в тексте-источнике. Вопросы теории перевода в настоящее время привлекают к себе внимание не только лингвистов, но и психологов, философов, социологов и даже ученых занимающихся естественными науками. Поэтому интерес ученых к сфере когнитивного аспекта перевода растет, поскольку современное состояние гуманитарной науки, с одной стороны, и объективные условия изменившегося мира с другой, требуют нового осмысления проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нового времени. Передача безэквивалентных реалий английского языка — процесс весьма нетривиальный. Решение вопроса о выборе определенного приема будет напрямую зависеть от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики или передать значение реалии (если оно неизвестно), утратив при этом колорит.

Перевод требует огромной предварительной подготовки, поскольку для выполнения качественного и адекватного перевода текста совершенно недостаточно выполнить просто грамотный перевод. Научные исследования показывают, что в силу своей специфики исходной текст почти никогда не удается перевести дословно, поскольку в этом случае он теряет смысл и силу воздействия или прагматическую ценность. Нет единого мнения ученых в отношении сущности переводческой деятельности и основных понятий теории перевода. Перевод представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, который зависит от таких лингвистических и экстралингвистических факторов, как система и норма двух языков, культура, коммуникативная ситуация, функци-

ональная характеристика исходного текста, норма перевода. В разные периоды развития теории перевода на передний план выступали различные аспекты переводческой деятельности. В настоящее время активно разрабатывается когнитивный подход к переводу.

Ключевыми, при изучении особенностей переводческой деятельности, с когнитивной точки зрения являются понятия языковой картины мира, концепта, концептуализации и другие категории когнитивной лингвистики.

Особый интерес и сложность при переводе представляет фразеология, так как в ней отражается богатый исторический опыт народа. В идиоматике языка, то есть в том слое, который, по определению, национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

К тому же, при переводе какого-либо текста необходимо учитывать этические и психологические особенности читателей, их поведенческие стереотипы, которые могут довольно сильно различаться в разных странах — иногда текст, который заставляет улыбнуться жителей одной страны, может вызвать недоумение и даже гнев в других странах. Особенную осторожность требует перевод фильмов и рекламных роликов, так как в них лежит в основном разговорная речь, а значит используются фразеологические обороты, пословицы, модные слова или же неологизмы, жаргонные слова и другие стилистически окрашенные слова.

Возьмем, к примеру, рекламный ролик «Рексона», который вызвал возмущение телезрителей в России. Их оскорбил образ свиньи, использованный в ролике. Однако создатели рекламы утверждали, что под свиньей они понимают не женщин, которые не пользуются дезодорантом, а сам неприятный запах. Но при переводе эта тонкость никак не была озвучена и не передана, и рекламу, которая до этого успешно крутилась в Чехии, Болгарии и Польше пришлось снимать с каналов, а компания принесла официальные извинения российским женщинам. Это как раз и есть наглядный пример того, что бывает, когда текст рекламы перевели без прагматического ком-

понента высказывания, то есть без учета российской аудитории и ее когниции.

Перевод слов и перевод определенного текста с учетом экстралингвистических и культурно-когнитивных аспектов — совершенно разные понятия. Переводчик не только должен владеть языком, но и иметь, так называемую, «культурную куртину мира». Например, при переводе с английского языка на русский следует учитывать, что данные языки отличаются типологически. Как известно, английский язык — аналитический, а русский — синтетический. Это означает, в английском смысл выражается через изменения формы слов, а в русском — через сочетания смыслов нескольких слов. Поэтому прямой и дословный перевод фразы зачастую невозможен, а если и возможен — он не передаст того значения, которое в него вкладывал автор. Возьмем, к примеру, самое модное выражение известной торговой марки Coca-Cola:

Coca-Cola — The Coke side of life. — Всё будет кока-кола

По замыслу авторов, в данном случае отталкиваться нужно от того, что Кока-Кола — это «добро», «что-то хо-

рошее». В выражении явно звучит старая американская поговорка **sunny side of the road**, которая позже преобразовалась в выражение **sunny side of life**. В русском языке тоже есть похожее выражение — «светлая сторона» жизни и «всё будет хорошо». Налицо — разрыв идиомы, в которую предмет речи вставляется на место чего-то положительного.

В наше время перевод влияет на все аспекты жизни, в том числе и на экономику. Всемирно известная автомобильная компания Ford может быть примером вышеуказанному. Так, Fiesta — недорогой грузовик, предназначенный для развивающихся стран, плохо продавался в Латинской Америке. Дело в том, что испанское *fiesta* означает «старуха».

Подводя итог, отметим, что при переводе переводчик обязан вносить в исходный текст определенные поправки с учетом социально-культурных и психологических аспектов читателя. Внесение таких поправок необходимо для обеспечения адекватного восприятия текста перевода определенным кругом читателей.

Литература:

1. Флорин, С. Муки переводческие: практика перевода/С. Флорин. — М.: Высшая школа, 1983.
2. Hawkins, Dell. Consumer behaviour/Dell Hawkins, Roger Best, Kenneth Coney — Richard Irwin Inc, 1995.

Грамматические средства выражения категории времени в этнически соседствующих языках (на примере селькупского и татарского языков)

Асадуллина Лилия Ильгизовна, старший преподаватель;
Дусеев Ильгиз Рауфович, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Время, являясь одной из основных форм бытия и фундаментальной категорией философии, вызывает интерес различных исследователей к ее изучению, прежде всего, своей функцией представления материальной формы, с помощью которой человек постигает мир.

Подходы к описанию и классификации различных аспектов категории времени довольно многообразны по причине того, что категория времени является объектом научного анализа таких наук, как: философия, психология, лингвистика, лингвокультурология и т. д.

Не смотря на то, что в философии рассмотрению данной форме бытия посвятили свои работы многие ученые (Эдмунд Гуссерль, Иммануил Кант, Исаак Ньютон, Аврелий Аристотель и т. д.), до сих пор не существует единого понятия данной категории. Возможно, это объясняется тем, что, по мнению одних философов, время является объективной характеристикой бытия, а другие относят его к чисто субъективным понятиям, характеризующим наш способ восприятия мира.

Лингвистика рассматривает время как все способы выражения сущности философского и физического аспектов данной категории средствами языка. Наряду с общенаучным понятием времени (time), противопоставляющим прошлое и настоящее, в грамматике выделяется грамматическая категория времени (tense). Одной из основных функций времени является временная референция (временная ответственность) ситуации, описываемой в предложении.

По мнению Аскина Я. Ф., в большинстве современных языков категория времени занимает значительное место и играет весьма существенную роль в их грамматическом строе, не смотря на то, что формы выражения временных отношений при этом варьируются [1, с. 69]. Разные языки по-разному выражают одно и то же время и создают разные конструкции для его выражения.

Селькупский — язык одного из небольших аборигенных этносов Сибири, проживающего на территории Красноярского края и в Томской области, входит в са-

модийскую группу уральской языковой семьи, вместе с нганасанским, ненецким и энецким языками, селькупы составляют самодийскую группу. Многие народы, входившие в эту группу до 19 века (камасинцы, маторы, койбалы, котовцы, тайги, карагасы), со временем стали тюркоязычными. Согласно переписи российского населения, на 2010 год, численность селькупского населения составила 1800 человек [2]. Переселение самодийцев в северном направлении по Западной Сибири, обусловленное воздействием тюркских племен, а также последующее расселение части селькупов в бассейнах рек Таз и Турухан, способствовали их частым и продолжительным контактам с тюрками, что, несомненно, наложило отпечаток на их язык и культуру. Таким образом, небольшая численность населения, рассредоточенного на обширной этнической территории, обусловило наличие существенных языковых отличий между северными и южными диалектами, препятствующее свободному общению. Согласно «Селькупской грамматике», опубликованной в 1935 г. советским ученым Г.Н. Прокофьевым, в состав селькупского языка входит ряд диалектных групп — кетская, обская, тымская, нарымская, северная или тазовская, которые, в свою очередь, тоже состоят из большого количества диалектов [3].

В результате обзора существующей литературы по грамматике селькупского языка (Прокофьев, 1935; Кузнецова, Хелимский, 1980; Языки народов СССР), были выявлены следующие грамматические средства выражения времени: глаголы изъявительного и повествовательного времён, наречия времени, временные числительные и послелого.

В селькупском языке выделяются следующие глагольные категории: лицо, число, время, наклонение, залог. Глагол также может иметь отрицательные формы. Имеются следующие наклонения: изъявительное (или предположительное), условное, повелительное. В изъявительном и повествовательном наклонениях глаголы изменяются по временам. В изъявительном наклонении различаются три времени: аорист (неопределенное), прошедшее и будущее, в повествовательном — два времени: аорист и прошедшее. Показателем прошедшего времени в изъявительном наклонении служит суффикс *-с-*. Показатель будущего времени изъявительного наклонения — суффикс *-лог*. Для выражения действия в более отдаленном будущем к формам будущего времени присоединяется частица *-сое*. В повествовательном (предположительном) наклонении неопределенное время образуется присоединением к основе глагола суффикса *-нты*. Аорист не выражает определенного временного понятия и может соответствовать будущему, настоящему или прошедшему времени. В повествовательном наклонении аорист употребляется в речи для выражения действий, свидетелем которых сам говорящий не является, например:

— Изъявительное наклонение: *Тэн кута* 'Он болеет';

— Предположительное наклонение: *Тэн куты-нты* 'Он, видимо, болеет'.

В повествовательном наклонении прошедшее время образуется путем присоединения суффиксов *-мл (ы)* (глаголы 1 класса) и *-п (ы)* (глаголы 2 класса).

Наречия в селькупском языке делятся на наречия места, времени, образа действия (качественные наречия). Наречия времени представляют собой по происхождению преимущественно различные застывшие падежные формы [4]:

— *укун* (обские говоры Сюсюкум) — раньше, прежде;

— *авбон* (кетский диалект) — 1) прошлый год; 2) позапрошлый год; 3) через год

— *кунты* (обский диалект, кетский диалект, васюганский диалект, елогуйский говор) — долго;

— *мэлко* (туруханский говор) — всегда;

— *карыт* (обские говоры Шёшкун, Шёшкуп и Чумылькуп) — утром;

Категория времени в селькупском языке также выражается довольно распространенной группой служебных слов — послелогов. К временным послелогам можно отнести следующие примеры:

— *пун* (туруханский говор) — *после кого* — л;

— *тёмб* (обский говор Шёшкун и Шёшкуп) — в течение (весь);

— *морыунд* (елогуйский говор) — в течение (отрезка времени);

— *морохыт* (туруханский говор) — в конце чего-л.;

— *чонжоыт* (**Обский диалект** Чумылькуп) — 1) по середине чего-л.; 2) в середине (отрезка времени).

Татарский язык является национальным языком татарского народа, численность которого по данным переписи населения 2010 года составляет 5310,6 тыс. человек, или 3,72% населения России. Татарский язык принадлежит к кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи языков и делится на три диалекта: западный (мишарский), казанский (средний) диалект и восточный (сибирскотатарский). «Татарский разговорный язык образовался в результате взаимодействия болгарских и кыпчакских племенных языков. Дальнейшее развитие он получил в период Золотой орды» [5, с. 160]. А в период Казанского ханства он окончательно сформировался как народный разговорный язык с различными территориальными диалектами. В результате контактов с языками различных семей татарский язык заимствовал у них в той или иной степени отдельные слова.

Согласно структурно-типологической классификации, татарский язык относится к агглютинативным языкам, также имеющим аналитические элементы для выражения различных грамматических значений.

К частям речи, выражающим категорию времени, относятся глаголы, наречия, послелого и, возможно, модальные слова.

По мнению многих специалистов, глагол является самой сложной частью речи в татарском языке. Одной из специальных работ по татарскому глаголу, исследующей грамматические категории глагола в функцио-

нально-семантическом аспекте, является книгу Д.Г. Тумашевой «Татарский глагол». [6, с. 96–95]. В отличие от глаголов селькупского языка, татарские глаголы имеют изъявительное, повелительное и желательное и условное наклонения. К неличным формам глагола относятся:

- причастие;
- имя действия;
- деепричастие;
- вспомогательный глагол
- инфинитив;
- недостаточный глагол «быть»;

глаголы, употребляющиеся кроме своего основного значения в значении вспомогательных глаголов.

В изъявительном наклонении имеется одно настоящее время, пять прошедших (определенное, неопределенное, незаконченное, преждепрошедшее и прошедшее многократное и три будущих (определенное, неопределенное и будущее-прошедшее).

Наречия делятся на следующие разряды: образа действия — *экрэн* 'медленно', *геройларча* 'геройски'; времени — *кичен* 'вечером', *иртага* 'завтра', *жәен* 'летом'; места: *анда* 'здесь'; меры и степени — *аз* 'мало'; причины и цели: *юри* 'нарочно'.

К служебным частям речи относятся послелого, которые переводятся на русский язык, как правило, предлогами. Каждый послелог требует соответствующего падежа слова, к которому относится, в связи с чем послелого делятся на три группы:

1) требующие от впереди стоящих существительных основного падежа и от местоимений — родительного:

... *белән* (с...) — *халык белән* (с народом);... *өчен* (для, ради...) — *акча өчен* (за деньги, ради денег);... *турында* (о...) — *Томск турында* (о Томске).

2) требующие от впереди стоящего слова формы назывительного падежа:... *таба* (к...) — *Маскауга таба* (к Москве, в сторону Москвы);... *карышы* (против...) — *сугышка каршы* (против войны).

3) требующие от впереди стоящего слова формы исходного падежа:... *бирле* (с...) — *балачакә бирле* (с апреля);... *соң* (после...) — *эштән соң* (после работы).

Функции послелога в татарском языке могут выполнять также существительные в пространственных падежах (направительный, исходный, местно-временной):... *уртасында* (посреди...) — *көн уртасында* (посреди дня);... *алдында* (перед...) — *өй алдында* (перед домом).

Татарский и селькупский языки, как известно, относятся к различным группам, как по генетической, так и по типологической характеристике. Татарский язык является представителем тюркской ветви алтайской семьи языков, точнее, татарский язык относится к кипчакско-булгарской подгруппе кипчакской группы тюркских языков [7, с. 12]. А селькупский язык входит в самодийскую группу уральской языковой семьи. Существует также теория, сторонники которой (И. Табберт-Сталенберг, М. А. Кастрен, О. Бётлингк, Г. Винклер и др.) считают, что тюркские языки, а также другие алтайские языки составляют вместе с угро-финскими языками более крупную, урало-алтайскую семью языков. Исследователи Б. Коллиндер и М. Ряснен приводят около трехсот лексических сопоставлений уральских и алтайских языков, которые объясняются либо очень древним родством этих языков, либо древними заимствованиями. Некоторые ученые генетическое родство алтайских языков считают вполне возможным, но недостаточно доказанным (Л. Лигети и др.).

Таким образом, представляется возможным обнаружить и описать некоторые сходства и различия в выражении категории времени в татарском и селькупском языках. Также известно, что итогом длительного контактного взаимодействия родственных и неродственных языков в пределах единого географического пространства может быть языковой союз. Он предполагает взаимообмен между взаимодействующими языками теми или иными структурными чертами, касающимися фонологической, морфологической и синтаксической систем, словаря.

Литература:

1. Аскин, Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. М., 1966.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Татары>
3. Прокофьев, Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Ч. 1. Л., 1935.
4. Быконя, В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994.
5. Н. А. Баскаков, Тюркские языки. М., 1960.
6. Тумашева, Д.Г. Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий): учеб. пособие/Д.Г. Тумашева. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1986. — 188 с.
7. Баскаков, Н. А. Введение в изучение тюркских языков/Н. А. Баскаков. М.: Высш. шк., 1969. — 383 с.
8. Поздеева, Г.П. «Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение», Урало-алтайские исследования. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2013, № 1 (8). СС. 20–34.

Символическое содержание письменных принадлежностей в языке среднеобской частушки

Бохонная Марина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент;
Шерина Евгения Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Проблема соотношения языка, культуры и этноса уже более двух веков находится в зоне исследовательского интереса. Актуальность данной работы, прежде всего, обусловлена ее включенностью в контекст современных исследований антропоцентрической ориентации, в частности в ряд этнолингвистических изысканий. Это связано с особенностями изучения объекта: язык среднеобского фольклора рассматривается как средство фиксации этнического мировоззрения, как система кодирования и трансляции культурно-символической информации. Обращение к фольклору позволяет рассмотреть взаимодействие языка, этноса и культуры и, тем самым, реконструировать традиционное видение мира народом, его эмоционально-оценочную характеристику действительности и систему ценностей.

Частушка как позднетрадиционный жанр фольклора своими истоками тесно связан с традиционной песенной лирикой, призван передавать преимущественно экспрессивно окрашенное отношение к бытовым событиям и отражает проявление индивидуального начала. В отличие, например, от лирической песни, частушка представляет собой непосредственную реакцию на определенные бытовые ситуации. «Песня отражает наиболее общие, типические явления в их характерных чертах. Частушка индивидуализирует переживаемые ее лирическим героем мимолетные настроения, чувства и их оттенки» [1, с. 118].

Эстетическая природа жанра частушки проявляется прежде всего в тесном переплетении быта с миром разнообразных человеческих переживаний. Актуализация частушкой различных подробностей бытовой обстановки, влияющих на выражение эмоций человека, определяет функционирование в ней большого количества единиц, называющих бытовые реалии. Из рассмотренных около 8900 частушек, в 6463 (включая повторяющиеся контексты) реализуются данные слова. В общей сложности выявлено 156 единиц с «вещной» семантикой, отражающих значимые фрагменты картины мира частушки. Частотный анализ словоупотреблений в фольклорных текстах позволил выделить корпус данных слов и распределить их по доминантным тематическим группам: «одежда», «музыкальные инструменты», «посуда», «письменные принадлежности», «бытовая утварь», «оружие», «орудия труда (инструменты)», «постельные принадлежности».

В данной работе рассмотрим проявление символического содержания единиц, называющих письменные принадлежности, в среднеобских частушках, так как в 160 контекстах (включая повторяющиеся) выявлено 8 единиц

с семантическим компонентом «письменные принадлежности».

В частушке в эту группу включаются такие слова, которые в бытовом тексте называют различные эпистолярные формы (письмо, записка, открыточка), материал для письма (бумажка), предметы для писания (чернилка, перо, карандаш), упаковку для письменных сообщений (конверт).

Специфика данного материала выражается в крайне неравномерной в количественном отношении фиксации единиц. Отметим, что в частушке из всех слов с семантическим компонентом «письменные принадлежности» высокую степень реализации и максимальную смысловую оформленность демонстрируют только единицы «письмо», «записка» (Ср.: Слова «письмо» — 278, «записка» — 113, «бумага» — 38, остальные единицы зафиксированы не более 13 раз.). В единичных контекстах фиксируются слова «открыточка», «бумажка», «карандаш», «чернилка», «перо», «конверт».

Символическое содержание единиц, называющих письменные принадлежности, обусловлено бытовой функцией вещи. В частушке рассматриваемые слова связаны с реализацией символических компонентов «посредничество во взаимоотношениях милого и милой», «связь», «гармония», «посредничество при передаче информации», последний смысловой компонент часто проявляется как «посредничество при передаче любовных переживаний» (*Прилетело письмоцо/на парадное крыльцо./Не пипись, не елося,/все читать хотелось. // Ты не стой у ворот,/не маши записочкой./Я теперь не твоя,/не зови Маришечкой. // Ты не стой у ворот,/у моей калиточки./Ко мне ходит холостой,/ишет ко мне открыточки. // Написала про любовь/Ванечке в записочке./Провожает он теперь/прямо до калиточки. // Не сама письмо писала,/не сама печатала./Подружка в ящик опускала,/я все о нем плакала.*). Актуализация указанной символики у исследуемых единиц имеет содержательную и формально-содержательную текстовую поддержку. На содержательном уровне ее проявление регулярно подкрепляется использованием слов, обозначающих «границу между мирами» (Ср.: *Крыльцо // ворота // калиточка // окошко // почта // почтовый ящик* и т. д.). На формально-содержательном уровне нередко поддерживается параллельным употреблением с рассматриваемыми единицами рифмованных слов (*письмоцо — крыльцо // записочка — калиточка // открыточка — калиточка*). На первый взгляд, эти единицы связываются между собой

только на уровне формального параллелизма — рифмы. Однако системный характер их организации в малом жанре, где употребление буквально каждого слова не случайно, свидетельствует о тенденции к закреплению за данными единицами общего ассоциативно-символического комплекса значений «пограничность», «посредничество» (милая письмо, записочка, открыточка милый // свое крыльцо, калиточка чужое).

Проявление указанного символического комплекса значений у исследуемых слов, имеющих единичную фиксацию, можно проследить на примере реализации единицы **КАРАНДАШ** в следующем контексте (*Дай, подружка, карандаш, /напишу, ты передашь. /Если спит, то не тревожь, /подыди — на грудь положи.*). В частушке описывается ситуация написания героиней, вероятно, любовного послания своему милому, причем обозначение непосредственно этого послания и его жанра представлено в имплицитной форме, но сюжетно четко просматривается. Употребление именно единицы «карандаш», а не «письмо» или «записка» в данном случае является принципиальным. Слово «карандаш» связано с актуализацией деятельного начала, динамизма. Представленный контекст, в свою очередь, демонстрирует динамичное развертывание сюжета за счет употребления 7 глагольных форм, что в частушке как сравнительно лаконичном по структуре жанре и одновременно требующим четкую ритмическую оформленность обращает на себя особое внимание. Отсюда символика «посредничество при передаче информации» у рассматриваемого слова проявляется за счет описания в тексте динамически сменяющихся событий. Фиксация именно этого слова акцентирует внимание на значимости процесса передачи информации.

Кроме того, функционирование исследуемых единиц сюжетно обусловлено. Такие единицы, с одной стороны, выполняют функцию сюжетообразования. С другой — участвуют в маркировке характерного частушечного сюжета взаимоотношений милого и милой. Как отмечают некоторые исследователи (Зуева Т.В., Кирдан Б.П. и др.), в большинстве случаев частушки «сочинялись молодежью, поэтому их самой популярной темой стала любовь» [2, с. 362]. Центральное место среди элементов поэтической системы частушки занимают образы милого и милой. В текстах отражаются всевозможные проявления их чувств, переживаний, мыслей друг о друге, прежде всего, посредством графической фиксации.

Единицы с семантическим компонентом «письменные принадлежности», функционируя в сюжете взаимоотношения милого и милой, могут участвовать в описании любовной гармонии (*На столе стоит чернилка, /а в чернилке два пера. /Ты скажи, моя подружечка, /с кем гуляла ты вчера? // Прислал миленький письмо /в синеньком конверте. /Пишет: «Изморочка моя, /соскучился до смерти.»*). Таким образом, они актуализируют символические компоненты «связь», «гармония», на что в текстах указывает использование слова

прислал, синтаксической конструкции *с кем гуляла*, метафоры *соскучился до смерти*, которые эксплицируют сходное содержание. Кроме того, реализация символики «гармония» четко проявляется за счет актуализации в представленных частушках образной картины, изображающей гармоничное соположение вещей в пространстве, что в эстетике фольклора занимает особое место и символически прочитывается как нормативная организация окружающего мира (Ср.: *На столе стоит чернилка, а в чернилке два пера. // Прислал миленький письмо в синеньком конверте.*).

Рассматриваемые слова, реализуясь в сюжете взаимоотношения милого и милой, могут участвовать в описании любовной дисгармонии и также реализовывать указанную символику (*Ты не стой у ворот, /не маши бумажкой. /Я теперь не твоя, /не зови милашкой. // Написала я отказ /милому в записочке. /Дружит с елью он сейчас /у моей калиточки*). Однако обозначаемые ими связь, гармония по ходу развития сюжета разрушаются, что подкрепляется использованием слов с отрицательной частицей — *не* (*не стой // не маши // не твоя // не зови // не жалела*), слова *отказ* и метафорических конструкций, имплементирующих семантику разрушения (*дружит с елью он сейчас у моей калиточки // не жалела, что горела на огне моя любовь*).

Отдельное внимание заслуживает рассмотрение символического компонента единиц «письмо», «записка» как наиболее частотных из всей тематической группы. Слово «письмо» актуализирует в частушечных текстах символические компоненты «посредничество в передаче различного рода информации, касающейся милой и милого, которые находятся, как правило, на большом расстоянии друг от друга», «посредничество при передаче преимущественно любовных переживаний», «связь милого и милой» (*Я уеду далеко, /сырой бор останется. /Напишите мне письмо, /кому мил достанется..*). На реализацию данного комплекса символических компонентов рассматриваемого слова указывает, прежде всего, сюжетное описание функционирования письма как посредника, связующего звена между героями, разделенными друг от друга большим расстоянием (Ср.: *Я уеду далеко // я уеду, не приеду // милый пишет письмо с фронта // миленький уехал, он за тыщу двести верст* и т.д.).

Адресантом письма может являться как женский, так и мужской персонаж частушки, составляющие влюбленную пару. При этом в текстах часто называется только один из них, однако наличие второго персонажа противоположного пола, актуализированное в имплицитной форме, четко просматривается (*Подружка, Анютка, /семнадцати лет. /От кого письмо читаешь? /А говоришь, миленька нет! // Некрасива, да мила, /в белой блузочке была. /Некрасива на лицо, /получила письмецо.*). Сюжетно это проявляется за счет противопоставления описываемых в рамках одного контекста событий (Ср.: *От кого письмо читаешь? А говоришь, миленька нет!* — Письмо девушке может написать только милый.

// *Некрасива на лицо, получила письмо*. — Выражается недоумение: кто может любить некрасивую девушку и, соответственно, написать ей письмо.).

Слово «записка» также, как и «письмо», символизирует «посредничество в передаче различного рода информации, касающейся милой и милого», «посредничество при передаче преимущественно любовных переживаний», «связь милого и милой» (*Я милому написала/про любовь в записочке./Каждый день теперь встречает/меня у калиточки. // Я своего милого/на самолете видела./Сбросил маленьку записочку:/«Не влюбляйся, милая». // Я своего милого/высоко увидела./Скинул мне записочку:/«Люблю тебя, милая».*). Однако, если сюжетно письмо соединяет людей, находящихся на большом расстоянии друг от друга, сфера функционирования записки заметно сужена: записка может связывать недалеко находящиеся между собой адресантов (Ср.: *Милого на самолете видела // милого высоко увидела* и т. д.). Ее может написать и женский, и мужской персонаж. Отметим, что объем и степень важности информации, содержащейся в записке, способны быть различными.

Чаще всего записка имеет любовное содержание и адресуется любимому человеку противоположного пола. Так, в первом представленном контексте отмечается взаимное переживание чувства любви героев за счет использования в записке глагола *написала*, обозначающего направленное действие от героини к милому, и во второй части глагола *встречает*, называющего направленное движение от милого к милой. Конструкция *каждый день*, соединяющая две части записки, указывает на оформленность проявившегося чувства. Второй и третий контексты демонстрируют выражение внутреннего мира героев, в частности их взаимной любви посредством изображения пространственной координаты внешнего мира *высота*, с которой соотносятся наиболее ценные качества духовной жизни человека. Упавшая *сверху* записка от милого — символ желанной, верной любви, что также подтверждается просьбой милого в записке не влюбляться либо его признанием в любви. Не случайно во втором тексте конкретизируется форма записки — *маленька*. Это, с одной стороны, может фиксировать принципиальную ограниченность структурных рамок данной эпистолярной формы как ее отличительную черту. С другой стороны, может указывать на особенность содержания записки: свидетельствовать не о границах любви, а о выражаемой в просьбе малой доли того, что нужно для сохранения чувства влюбленной пары.

Литература:

1. Власова, З. И. О приемах композиции в частушке // Русский фольклор. — М.-Л., 1960. В. 5. — с. 118.
2. Зуева, Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: Учебник для высш. учеб. заведений. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 400 с.
3. Кулагина, А. В. Поэтический мир частушки. — М.: Наука, 2000. — 303 с.

В редких случаях записка может содержать, на первый взгляд, информацию иного характера, например, об уходе милого в армию. Записку могут передать другому лицу, не обязательно девушке. Однако содержание ее обязательно будет касаться влюбленной пары (*Мимо нашего окошечка/проехал становой./Подал мамоньке записочку:/забранный милый мой.*). Актуализация рассматриваемой у единицы «записка» символики происходит посредством употребления в первой части частушки слов *становой, окошечко*, обозначающих «границу между мирами», в данном случае — между мирной, бытовой и противопоставленной ей солдатской жизнью.

Отметим, что, как и в лирической песне у письма, так и в частушке у записки может эксплицироваться невыполнение свойственной указанным реалиям функции передавать любовные переживания от одного персонажа к другому (*Не пиши записки, милый,/не ломай карандаши./Ведь в любви через записку/совершенно нет души.*). Вещь здесь представляется именно как посредник между влюбленными персонажами, который не способен в полной мере передать эмоциональные переживания адресанта так, как бы это сделал непосредственно сам адресант.

Символическое содержание исследуемых единиц обусловлено бытовой функцией вещи: письменные принадлежности служат средством для создания и передачи информации адресату, который от адресанта может находиться на любом расстоянии. Рассматриваемые слова способны организовывать определенную смысловую парадигматику, отражающую канонизированные представления о структурной организации пространства.

В частушке письменные принадлежности, прежде всего, выступают как посредники в передаче информации, как правило, любовного характера. Рассматриваемые единицы связаны с реализацией символических компонентов «посредничество во взаимоотношениях милого и милой», «связь», «гармония», «посредничество при передаче информации». Последний смысловой компонент часто проявляется как «посредничество при передаче любовных переживаний».

Кроме того, функционирование единиц с семантическим компонентом «письменные принадлежности» сюжетно обусловлено. Такие единицы, с одной стороны, выполняют функцию сюжетообразования. С другой — участвуют в маркировке характерного частушечного сюжета любовных взаимоотношений милого и милой.

Источники формирования и пополнения испанской лексики

Волобуев Кирилл Валерьевич, аспирант

Научный руководитель: Альварес Солер Анна Александровна, кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет

Статья раскрывает «источники формирования и пополнения испанской лексики». Основное внимание автор акцентирует на анализе испанского лексического богатства.

Ключевые слова: испанская лексика; испанский язык.

Испанский язык является официальным (государственным) языком Испании, но не единственным. Испанский язык принадлежит подгруппе иберо-романских языков.

На протяжении многих веков испанский язык формировался на основе народной латыни, которая доминировала на территории великой Римской империи. В Испании проживает четыре нации: кастильская, галисийская, каталанская и баскская нация, что в свою очередь во много обуславливает своеобразие языковой ситуации в Испании, то есть на территории Испании существует 4 языка.

Процесс автономизации исторических областей начался после того, как в Испании установилась конституционная монархия. Автономизация Каталонии, Страны Басков и Галисии тесно связана с проблемой национальных, локальных, языков. В этих районах Испании сложилась чрезвычайно сложная языковая ситуация, как и в их взаимоотношениях и взаимосвязях с испанским классическим языком, так и внутри национальных языков.

В статье 3-й испанской конституции от 1978 г. богатство лингвистических разновидностей Испании признается общенациональным культурным достоянием, которое в свою очередь должно стать объектом специальной охраны и особого уважения. Кастильский (классический испанский) язык объявляется официальным языком всей Испании.

В своей книге о лексикологии испанского языка Виноградов писал, что: «Лексический корпус испанского языка в большинстве случаев состоит из слов латинского происхождения (испанизмы). Это естественно, так как испанский язык возник из народной латыни, которая ассимилировала в себя элементы диалектной и разговорной разновидностей латинского языка и имела свои региональные варианты. Народная латынь являлась своеобразным видоизменением латинского языка, порожденное историей римского общества, его социальным и культурным развитием и территориальной экспансией. Конечно, за долгие годы эволюции от вульгарной латыни до формы литературного языка, испанский язык и, в частности, его лексический состав претерпели многочисленные фонетические, грамматические, графические, функционально-стилистические изменения.

Необходимо помнить и о том, что на протяжении нескольких веков испанское лексическое богатство строилось не только на латинской основе, но и за счет других источников. Языки постоянно контактируют друг с другом.

В результате чего они взаимообогащаются. История народа и географическая среда его обитания, экономический уклад и общественные структуры, культура и политика, психология народа и уровень его социального развития — все эти факторы влияют на характер политических лексических заимствований, их источники и перипетии».

В политическом дискурсе испанского языка чаще всего используются испанизмы (hispanismos).

Испанизмы — это унаследованные элементы латинского языка, которые легли в основу образования испанского языка. Эти слова составляют главный массив испанской лексики. Это подавляющая масса исконно испанских слов, прошла все ступени развития от вульгарной латыни до современного варианта испанского языка. Однако исследователям не достаточно указаний лишь на эти слова латинского происхождения. Они выделяют и другой лексический латинский пласт: культизмы (monumento — памятник, tribu — племя) или латинизмы (amabilidad — доброта, insolencia — наглость), то есть те слова, которые пришли в испанский из литературной латыни в более поздний период развития испанского языка.

На испанскую лексику повлияли:

— Эллинизмы. Возникли в языке благодаря непосредственному контакту между греками и римлянами, начиная с XIII века стали поступать в испанский через арабский язык *matematicas, fantasia, musica, tragedia, idea, biblioteca, monopolio, planeta* (математика, фантастика, музыка, трагедия, идея, библиотека, монополия, планета).

— Германизмы — пополнение испанского языка через латынь за счет германских языков происходило в ранний период или непосредственно при прямых контактах с германскими племенами, когда те оказались на Иберийском полуострове.

К тем временам так же восходят германизмы (*germanismos*), связанные с ратным делом: *guerra, bando, guardia, ganar, tregua* (война охранник лагерь, победа, перемирие); так же с бытом, обычаями и общественным устройством: *albergue, aspa* (общежитие, лезвие).

Через галльские источники пришли такие германские заимствования, как *blandir, babog* (качели, порт).

— Арабизмы (*arabismos*) — то есть обогащение испанского словаря за счет арабских источников. Из них было заимствовано значительное число арабизмов, среди них военные и административные термины и наименования: *aljaba, jinete* (колчан, всадник); торговые наиме-

нования: *tarifa*, *agancel* (скорость, тариф). Арабизмы проникли практически во все сферы деятельности.

— Галлицизмы (заимствованное или происходящее от французского языка) — восходят к латинским корням. Галльские источники выполняют роль посредников между испанским и латинским языками.

К X—XIV веку относится появление галлицизмов: *deleite*, *hostal*, *salvaje* (восторг, общежитие, дикий). В XV веке зафиксированы: *corcel*, *baluarte* (конь, оплот). В XVI—XVII веках теми же путями пришли в испанский: *trinchera*, *convoy*, *barricada*, *brecha*, *babog* (траншеи, колонна, баррикада, разрыв, порт).

Большое количество французских заимствований появилось в испанском языке в период французской буржуазной революции в XVIII веке и Наполеоновских войн: *comandar*, *retreta*, *bayoneta*, *fusil*, *comandar* (команда, отступление, штык, винтовка, командир). XIX—XX века дали новые заимствования из французского: *patriota*, *birocracia* (патриот, бюрократия).

— Итальянизмы — слова пришедшие из итальянского языка, относящиеся к сфере культуры, политики,

промышленности, торговли, воинского дела. Например: *corsario*, *infanteria*, *escolta*, *escopeta*, *folleto* (корсар, пехота, эскорт, дробовик, брошюра).

— Англицизмы — сейчас особенно заметно воздействие английского языка. к ним относят возникновение таких слов, как *club*, *reportero*, *turista* (клуб, репортер, туристы).

— Лусизмы — заимствования из португальского и галисийского языков. Из португальской и галисийской разговорной речи и литературных источников испанском языке закрепились: *macho*, *carabela*, *arisco* (мужчина, каравелла, угрюмый).

Лексический корпус испанского политического языка в большей степени состоит из слов латинского происхождения. Постоянно контактируя с другими языками, испанская речь пополнялась и обогащалась.

На характер лексического формирования испанского политического языка повлияла история народа и географическая среда обитания, так же общественные культуры и экономический уклад, политика и культура, уровень социального развития и психология народа.

Литература:

1. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка: Учебник — М.: КДУ, 2006, с. 243
2. Виноградов, В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы: Учебное пособие — М.: КДУ, 2009, с. 235

Анализ лексических трансформаций в переводе мультфильмов на примере мультфильма «Мадагаскар»

Вульпя Екатерина Викторовна, студент
Челябинский государственный университет, Костанайский филиал (Казахстан)

Исследуется необходимость использования наиболее эффективных способов достижения эквивалентности перевода текстов мультфильмов. Рассматриваются особенности использования переводческих трансформаций при переводе мультфильмов.

Ключевые слова: анализ, мультфильм, креолизованный текст, переводческие трансформации, эквивалентность перевода.

Мультимедийный фильм (мультфильм) — вид киноискусства, произведения которого создаются методом кадровой съёмки последовательных фаз движения рисованных (графическая или рисованная мультипликация) или объёмных (объёмная или кукольная мультипликация) объектов.

Текст мультфильмов относится к типу креолизованных текстов, что означает сложную структуру, в которой наряду с вербальными средствами задействованы и иконические: рисунки, фотографии, таблицы, схемы. При этом изображение мыслится как неотъемлемая часть текста.

Как известно, целью переводчика является в любом случае эквивалентность перевода. При этом на первое место выступают такие преобразования, как переводческие трансформации, позволяющие сохранить адекватность перевода на уровне целого текста.

В процессе перевода мультфильмов использование трансформаций разного рода имеет большое значение, т.к. особенности текстов мультфильмов предъявляют повышенные требования к качеству перевода, с сохранением основных экстралингвистических маркеров и особенностей лингвистического порядка.

Мы можем предпринять краткий анализ применения различных типов трансформаций в переводе мультфильма «Мадагаскар» в том варианте, который увидел свет после всех специальных процессов, связанных с совмещением реплик по времени, оформлением графического материала и проч., т. е. всего, что связано с локализацией.

В рамках данного исследования уместно рассмотреть виды трансформаций, характерные для текста мульт-

фильма как вида креолизованного текста. Свой анализ мы основали на выделении трех видов переводческих трансформаций: лексических, грамматических и стилистических. При этом в число трансформаций мы не включаем калькирование, транскрибирование и транслитерацию, т. к. эти процессы характеризуют переводческие приемы, причем наиболее распространенные.

Примеры лексических трансформаций представлены в таблице 2:

Таблица 2. Примеры лексических трансформаций в переводе мультфильма «Мадагаскар»

Примеры	Вариант перевода в процессе локализации	Вид трансформации, примечания
Poor little guy	Бедняга	Компенсация: Использован русский вариант идиомы
Hello? Get me <i>Missing Animals</i> . And hurry.	Алло? Соедините с <i>Бюро находок</i> . И быстрее.	Компенсация: более близкий к буквальному вариант — «Бюро пропавших животных» — представляет более длинный фрагмент; при этом более громоздкий.
Good night, <i>AllyAl</i> .	Спокойной ночи, <i>кошак</i> .	Контекстуальная замена: Американский вариант прозвища, дружеского обращения, непонятный русскоязычному зрителю, заменен на упрощенный.
Show them <i>the cat</i> . Who's <i>the cat</i> ?	Покажи им <i>себя</i> . Ты же <i>ас!</i>	Модуляция: контекстуальная замена Здесь лексическая замена обусловлена стремлением переводчика избежать повтора слова <i>кошка</i> , семантика которого в русском языке не связана с положительными коннотациями, во всяком случае, с силой и ловкостью льва в данном случае. (Вариант «Покажите им кошку. Кто кошка?» не несет того эмоционального заряда, который присущ слову <i>ас</i> .)
They forgot to turn off the <i>ambience</i> again.	Они опять забыли включить <i>звуки природы</i> .	Контекстуальная замена: нейтральное и непонятное <i>ambience</i> — окружение заменено на контекстуально обусловленное <i>звуки природы</i> .
<i>It's driving me crazy</i> (1). <i>Can you help me?</i> (2) Please?	<i>Надоело до смерти</i> . <i>Может, помотришь?</i> Пожалуйста.	Контекстуальная замена: (1) Здесь один фразеологизм заменен другим: <i>Это сводит меня с ума</i> — <i>Надоело до смерти</i> . Вероятно, это вызвано чисто техническими причинами, связанными с локализацией. (2) Конкретизация: Здесь замена широко известного речевого штампа ИЯ, уместного буквально в любой ситуации, словосочетанием ПЯ с более узким предметно-логическим значением, обусловлена спецификой речи мультфильма: вариант замены более близок к устному стилю речи.
<i>It's another fabulous morning in the Big Apple</i> .	Просыпайся! Поднимайся! В <i>Большом Городе</i> еще одно прекрасное утро.	Целостное преобразование: Трансформация вызвана наличием в ИЯ реалии: прозвища города Нью-Йорка; невозможность переводческого комментария и опасение, что дети не поймут буквального перевода реалии ввиду отсутствия фоновых знаний, привело переводчика к такой замене. Она, разумеется, снижает эквивалентность перевода, но вполне отвечает требованиям локализации, сохраняя смысловую целостность фразы.

Yeah! You don't see that on <i>Animal Planet</i> .	Да! Такого по <i>телевизору</i> не показывают.	Целостное преобразование: Замена названия кабельного канала («Планета животных») о животных относится также к числу замены обозначения реалии нейтральной ЛЕ, понятной русскоязычному зрителю.
It's Marty. He's gone. Gone! What do you mean, «gone»? How long has he been working on this?	Марти. Его нет. Нет? Как это «нет»? Как давно он начал его копать?	Конкретизация: В данном случае конкретизация обоснована соображениями прагматики и стиля: нейтральный вариант <i>начал работать над этим</i> громоздкий и невнятный.
When a zebra's in the zone, leave him alone.	Если зебра впала в транс, не сбивай ее баланс.	Антонимический перевод: Преобразование утвердительной формы предложения в отрицательную в данном случае вызвано требованием сохранения рифмы, которая представлена в исходном варианте.
And tip your cabbie, because he's broke.	И не забудьте чаевые таксисту, а то у него денег совсем нет.	Антонимический перевод: Вариант буквального перевода: <i>И дайте чаевые своему таксисту, потому что он сломался, содержит два утверждения</i> , Вариант, использованный при дубляже, содержит два отрицания.

Как показывают данные таблицы 2, наиболее часты в переводе такие лексические трансформации, как целостное преобразование, модуляция в форме контекстуальной замены, компенсация, антонимический перевод и конкретизация. Не зафиксированы некоторые виды трансформаций, к примеру, такие как смысловое

развитие, генерализация. Это объясняется исключительным значением, которое имеет в переводе мультфильмов требование лаконичности, совпадения длины реплик и т. п.

Данные проведенного анализа отразились в форме таблицы (см. табл. 3):

Таблица 3. Частотность применения различных видов лексических трансформаций в переводе мультфильма «Мадагаскар»

Антонимический перевод	20%
Контекстуальная замена	25%
Компенсация	15%
Конкретизация	15%
Целостное преобразование	25%

Итак, наиболее часто встречающийся вид лексических переводческих трансформаций — контекстуальная замена и целостное преобразование.

Такой подход позволяет говорить о комплексном харак-

тере переводческих трансформаций и соответствует переводческой реальности.

Представление процесса перевода как преобразования одной формы выражения в другую имеет условный смысл.

Литература:

1. Анисимова, Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) [Текст]/Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. — 2002. — № 1.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст]/Л. С. Бархударов. — М.: Междунар. отношения, 2005.
3. Иванова, Е. Б. Художественный мультфильм как тип текста [Текст]/Е. Б. Иванова // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посвящ. 50-летию фак-та иностр. яз. — Волгоград, 2000/ВГПУ. — Волгоград, 2000.
4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие [Текст]/В. Н. Комиссаров. — М.: Высшая школа, 2004.

Особенности перевода метафор с английского языка на русский в сфере авиастроения

Гарипова Алсу Алмазовна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Современный этап развития науки в целом характеризуется постоянным расширением сотрудничества между государствами, а также установлением деловых отношений между учеными и исследователями, говорящих на разных языках. Именно поэтому, сегодня есть возможность получить доступ к всемирному научному опыту, однако это нельзя представить без качественных переводов технической и научно-технической литературы.

Научно-технический перевод, в частности в области авиастроения, является очень востребованным в России, так как по объёму выпускаемой продукции военного самолётостроения Россия находится на 2-м месте в мире.

Это еще раз доказывает, что на сегодняшний день имеется постоянный спрос на переводы различной документации данной отрасли, включающие в себя перевод чертежей самолетного оборудования, перевод документов по разработке оборудования, перевод документов по сбору, транспортировке и хранению запчастей, а также перевод документов по технике безопасности.

Таким образом, от переводчика отрасли авиастроения требуется детальное знание не только иностранного языка, а также методов и принципов научно-технического перевода, но и полная осведомленность о работе данной области производства.

В первую очередь, следует дать определение понятию «технический перевод».

Технический перевод — это перевод технической и специализированной документации, один из самых сложных видов перевода, требующий особого подхода. От обычного языкового перевода технический перевод отличается специфической терминологией и стилем изложения.

Технический перевод требует от переводчика знания в области темы перевода и свободной ориентации в терминах. Это связано с расхождениями в значении одних и тех же терминов применительно к каждой из областей научно-технического знания. Нужно быть специалистом в той области, к которой относится подлежащий переводу текст, с соответствующим образованием или определённым стажем работы в своей отрасли, чтобы свободно оперировать специальной терминологией.

Особенностью технического перевода научной документации является содержание в ней большого количества терминов, которые порой трудно найти даже в специальных словарях. Термином, как упоминалось ранее, называется слово (словосочетание), передающее точное название и описание определенного понятия, относящегося к той или иной сфере.

Основной стилистической чертой научно-технического текста является точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии тех выразительных элементов, которые придают речи эмоциональную насыщенность, главный упор делается на логической, а не на эмоционально-чувственной стороне излагаемого. [1, с. 90–92].

Основным требованием, предъявляемым термину, становится однозначность, т.е. наличие только одного раз навсегда установленного значения. Фактически далеко не все термины удовлетворяют этому требованию даже в пределах авиационной специальности, например: engine — машина, двигатель, паровоз; oil-масло, смазочный материал, нефть. Это обстоятельство, конечно, представляет известное затруднение для точного понимания текста и осложняет работу переводчика. [2, с. 115].

Согласно Л. С. Бархударову, «необходимостью при переводе научно-технических текстов является применение переводческих трансформаций, поскольку довольно часто встречаются научно-технические тексты, части и даже отдельные предложения которых не поддаются дословному переводу» [3, с. 18–20]. К трансформациям относятся перестановки, замены, добавления и опущения, при помощи которых можно добиться адекватного перевода.

В данной статье речь пойдет о терминах-метафорах, которые широко представлены в сферах медицины, экономики, автомобилестроения, и авиастроения.

Метафора представляет собой особый стилистический прием, в основе которого лежит взаимоотношение словарного и контекстуального значений. Это взаимоотношение основано на сходстве определенных свойств или признаков двух соответствующих понятий. Метафора, таким образом, передает двойное значение, она представляет собой способ отождествления двух понятий.

В английских научных текстах этот стилистический прием, как средство выражения авторской эмоциональной оценки, также может использоваться, но лишь при определенных условиях. [4, с. 38].

Использование в научной прозе точных, недвусмысленных формулировок, лишенных коннотативности (что в полной мере присуще метафоре), приводит к появлению особого типа метафоры, характерного для научной речи: метафоры, нейтрализованной и лишенной своих эмоциональных качеств. [5, с. 61].

Следует отметить, что техническая метафора, о которой идет речь в данном исследовании, относится к производственной метафоре. Ее особенностью является явное сходство, которое приравнивается к тождеству между метафорическим обозначением и тем образом, который ста-

новится внутренней формой метафорического значения. Например: *вилка рычага*.

Анализ метафорических моделей в сфере авиации показывает, что чаще всего, источником для формулирования метафор является ЧЕЛОВЕК. А именно, части и органы тела человека: *нога* шасси, *губа* воздухозаборника. А также одежда человека: тормозной *башмак*, *пояс* лонжерона. А также предметы быта, окружающие человека: *чашка* аварийного выхода, *вилка* крепления лопасти.

Также, следует принять во внимание, что производственная метафора может восприниматься непосредственно органами чувств, как скажем, на примере следующих фраз: *вращающаяся собачка* или *кусачки*.

Однако во многих случаях номинанты частей тела приобретают яркое переносное (метафорическое или метонимическое) значение. Значение фразы, содержащей эти слова, может оставаться неясным, если не знать в какой сфере технической или научной мысли она была использована. Так, одно и то же слово или выражение имеет специфическое значение в различных отраслях технического знания. Это можно увидеть в следующем примере: *dog-leg* — излом (вычислительная техника); кривая (космонавтика); кривой изгиб листа (металлургия); резкий изгиб трубы (нефтегазовая техника).

Вторым по значимости источником для формулирования метафор является БИОСФЕРА, т.е. растительный и животный мир. Для названий самолетов чаще всего используются названия птиц: «Коршун», «Орел», «Буревестник». Части туловища животных используются для обозначения некоторых частей самолета: *лапа* крепления двигателя, *хвостик крыла*.

Питер Ньюмарк в своих работах много внимания посвятил трудностям при переводе метафор. По мнению Ньюмарка, переводчик сталкивается с двумя основными проблемами в своей деятельности: «выбор оптимального переводческого принципа для текста в целом и перевод метафор» [6, с. 104].

При переводе технических текстов, может также возникнуть такая проблема, как огромное количество несоответствий терминов. А формально совпадающие эквиваленты могут иметь различный смысл. [7, с. 98].

Также, нужно принимать во внимание тот факт, что термины могут обозначать разные предметы. Например, англ. *Vehicle* может иметь такие значения, как *транспортное средство*, *ракета*, *световод* и *растворитель*. О том, какое именно значение следует употребить, можно судить только из контекста.

Основными способами перевода метафор научно-технических текстов являются:

1. Способ подбора эквивалентов. Один и тот же термин можно применить в различных областях науки и техники, но перевод его будет зависеть от той области, в которой он применяется: *clamp*: скоба (в авиации); привальный брус (в морском деле); прижимная подушка (в полиграфии).

2. Транслитерация или транскрипция. Термины передают русскими буквами английское написание слов,

независимо от его произношения или воссоздают исходную лексическую единицу с помощью фонем переводящего языка, т.е. фонетическая имитация исходного слова: *gyroscop, accelerometer*.

3. Калькирование. При поиске эквивалента в процессе перевода термина используются ранее существующие в языке лексические единицы. Выделяют два вида калькирования: а) семантическая калька (когда структура переводимой лексической единицы в обоих языках совпадает); в) структурная калька (когда структура сложной лексической единицы заимствуется при переводе вместе с этой единицей): *RapidDeploymentForce* — *силы быстрого развертывания*

4. Заимствование. Используется когда в процессе перевода из языка оригинала в язык перевода переходит лексическая единица со всеми своими содержательными и формальными признаками: *Обструкция (закупорка)* — *obstruction*.

5. Описание. Используется при отсутствии эквивалентных терминов: *journeuman* — *квалифицированный рабочий*

6. Перевод сокращений и аббревиатур: *transceiver* — *приемопередатчик*, *Cessna 421 Golden Eagle* — *Сессна 421 Золотой Орел*.

Также используются переводческие преобразование — экспликация, компрессия. Несмотря на то, что, научный текст лишен образности переводчик может столкнуться со случаями авторского употребления метафор: если метафора используется в качестве термина, то ее стоит перевести дословно, в других же случаях избегать эмоционально-стилистических элементов в русском переводе.

Однако, перед тем, как выбрать наилучший способ для перевода, следует ознакомиться со структурой терминов.

Наиболее употребляемыми терминами являются терминологические словосочетания, состоящие из существительных, однословные термины и терминологические словосочетания, состоящие из существительных и прилагательных.

Таким образом, от переводчика отрасли авиастроения требуется детальное знание не только иностранного языка, а также методов и принципов научно-технического перевода, но и полная осведомленность о работе данной области производства.

Терминосистема авиации достаточно многообразна. Она все время меняется, преобразуется. Именно поэтому точное количество терминов едва ли поддается учету.

Мы выяснили, что перевод терминов в сфере авиации достаточно сложно поддается переводу. Основной сложностью перевода чаще всего является отсутствие эквивалента или, наоборот, наличие сразу нескольких эквивалентов, когда термины могут обозначать несколько предметов.

Все это, еще раз доказывает о многогранности терминосистемы в области авиации, которая требует много внимания и тщательного подхода при переводе.

Литература:

1. Володина, М. Н., «Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация». 2011
2. Вьюшкова, Л. Н., «Выразительность термина». Новосибирск, 2002
3. Бархударов, Л. С., «Язык и перевод». М., Наука, 1975
4. Лоте, Д. С. «Краткие формы научно-технических терминов». М., Наука, 1971
5. Виноградов, В. В., «Основные типы лексических значений слова. Вопросы языкознания», 1953
6. Ньюмарк, П., «Учебник перевода», 1988
7. Павленко, Г. В., «Проблема освоения иностранных заимствований, М., 1995

Развитие отечественных межъязыковых исследований в период с XI по XVIII век

Григорович Елена Александровна, аспирант

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Северодвинск)

В данной статье изложена история зарождения сравнительного метода в отечественной лингвистической традиции. Показана степень открытости Древнерусского государства по отношению к иноязычным культурам, освещаются вопросы появления переводных произведений, глоссировки текстов, создания словарей и разговорников. Описаны первые работы сопоставительного плана, принадлежащие Ю. Крижаничу и М. В. Ломоносову.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, Ю. Крижанич, М. В. Ломоносов.

Сведения о лингвистической ситуации в период становления российской государственности сохранилось немного. Однако, как отмечает Н. В. Бессарабова, славяне были знакомы с материальной культурой и политическим устройством Византии уже с VI в. н. э., в VII–VIII вв. н. э. были развиты отношения с Хазарским каганатом (тюркским государством на территории Поволжья), а начиная с IX в. можно говорить и о влиянии варягов, или народов Скандинавии [3, с. 12–13].

Оценивая международные связи Древней Руси, рождение которой можно отнести к началу IX века, Б. А. Рыбаков, пишет следующее: «Молодое государство <...> очень скоро стало известным во всех концах Старого Света: английские, норвежские и французские короли стремились завязать брачные связи с великими князьями Киева; Византийская империя была постоянным торговым контрагентом Руси, а на востоке русские купцы плавали по всему «Хорезмийскому» (Каспийскому) морю и с верблюжьими караванами доходили до Багдада и Балха (современный Афганистан)» [16, с. 5]. Как сообщается в сочинении Конрада Гесснера «Mithridates de differentis linguis» (1555 г.), помимо летописей, русские «удерживают воспоминание об Александрѣ Македонскомъ, Римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ» [цит. по: 19, с. 8]. О тесной связи Киевской Руси и Западной Европы пишет Джеймс Билингтон, ссылаясь на упоминания Руси в таких ранних эпосах, как «Песнь о Роланде» (рукопись на старофранцузском языке, датированная XII в.) и «Песнь о Нибелунгах» (германская эпическая поэма к. XII — нач. XIII в.) [4, с. 34]. Особенно крепкими были связи Киевской Руси и Византийской империи [4, с. 34].

Мы располагаем историческими сведениями о греках-учителях, приглашённых князем Владимиром для обучения детей высшего сословия; владели иностранными языками и сами киевские князья — Владимир Святославович, его сын Ярослав Мудрый, сын Ярослава Всеволод (отец Владимира Мономаха) [6, с. 258]. Вот что пишет о знании иностранных языков сам Владимир Мономах в своём «Поучении» 1096 г.: «Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран» [14]. «Знание языков, при тогдашних сравнительно широких сношениях с другими народами, требовалось не только честью русского княжеского звания, но было и в значительной степени прямой необходимостью. И среди князей, служилых и торговых людей были, несомненно, знавшие иностранные языки», — пишет исследователь А. В. Карташев [6, с. 258]. Это подтверждается, к примеру, смоленской «торговой правдой», или торговым договором смольнян с рижанами XIII в., который был составлен на двух языках — латинском и немецком [Там же].

Можно, таким образом, говорить об открытости Древнерусского государства по отношению к иноязычным культурам.

Это нашло своё отражение в обилии переводной литературы. И. С. Алексеева сообщает о том, что в XI–XII вв. Русь по количеству переводов опережает все славянские государства, а в письменном наследии русской литературы этого периода переводы составляют 99% произведений [1, с. 81]. Если изначально переводы выполнялись с греческого языка, то к XVI в. диапазон языков начинает расширяться. Появляются переводы с польского, немец-

кого, латинского языков. В XVII веке появляются первые переводы с французского, и в этом периоде светская литература уже могла конкурировать с христианской по количеству переводных произведений [1, с. 84].

В следствие этого, характерной чертой русской литературы XI–XV вв. становится глоссировка текстов. Появляются многочисленные ономастики и топонимики, перечни символов и их толкований, перечни славяно-русских лексических соответствий [7, с. 199]. Ещё одно направление средневековой лексикографии — словари-разговорники, которые составляли «с голоса» или путем более систематического изучения чужой речи. Первые известные разговорники, «Грецкой язык» и «Се татарский язык», датируются приблизительно XV–XVI вв. В них, помимо списков иноязычных слов с кратким толкованием, «приводятся и целые фразы или краткие диалоги с переводом» [18, с. 175]. Предполагается, что оригинал рукописи «Се татарский язык» был составлен в результате общения с Золотой Ордой [7, с. 200]. В середине XV в. был создан ещё один разговорник, «Речи тонкословия греческого», который, по словам его первого издателя Н. Никольского, был «справочною книжкою для путешественника, имѣвшаго необходимость вести переговоры съ греками» [12, с. 7] и, вне всякого сомнения, представляет собой оригинальное сочинение, а не переводной труд [12, с. 8].

Среди первых появившихся на Руси иноязычных словарей такое издание, как «Речь Жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разум и в Евангелиях и Апостолах, и в Псалтыри и Паремии и в прочих книгах» (1282 г.), где объясняются, в основном, греческие и древнееврейские слова, встречающиеся в священных книгах. Другим примером является Новгородский словарь 1431 г., который носит заглавие «Тълкование неудобь познаваемом в писанных речем, понеже положены суть речи в книгах от начальных преводных ово Словенски и ино Сръбски и другая Български и Гръчски их же неудоволишася преложити на Рускии» [5, с. 18]. Известны и славяно-русские словари, такие как «Лексис сиречь речения вкратце собранная и из славянскаго языка на простой русский диалект истолкованы», созданный в 1596 г. языковедом Лаврентием Зизанием и «Синонима славено-русская», составленная в XVII в. А. Корецким-Станиславским и Е. Славинецким [5, с. 20–21].

К XVII–XVIII вв. относятся «Сказание о неудобно познаваемых речах, иже обретаются в святых книгах Русскаго языка» и «Книга, глаголемая азбуковник или буквы». В этих изданиях истолковываются слова из арабского, греческого, древнееврейского, сирийского, латинского и других языков [Там же]. В целом, количество переводных словарей, двуязычных и многоязычных, значительно увеличивается. Создаются латино-славянские, греко-славяно-латинские, польско-русские словари, а с начала XVIII века — издания для оказания помощи в переводах с немецкого, голландского и прочих языков [17, с. 194].

Теоретические представления о системе языка в Древней Руси формировались под влиянием латин-

ских и греческих грамматик. Считалось, что система классических языков универсальна и применима для всех языков [20, с. 77]. Ярким тому примером является трактат «О восьми частях слова», где автор переносит греческую частеречную систему на славянский язык, при этом выделяя такую часть речи, как «различие» (греческий член, или артикль), в роли которого в трактате выступали славянские указательные местоимения [17, с. 196].

В начале XV века появляется произведение серба Константина Костенечского, озаглавленное по первой строчке «Сказание изъявлено о письменах» (1423–1426), где он пишет о формировании церковно-славянского языка и о влиянии на это других языков — болгарского, сербского, хорватского, чешского. Особую роль автор отводит русскому языку, стремясь обосновать своё положение лексическими фактами [17, с. 197].

В 1619 году появляется грамматика Мелетия Смотрицкого, один из первых трудов, в которых славянская грамматическая система, не укладываясь в рамки греческой, получает специфическое описание [20, с. 78]. Так, был введён новый падеж, характерный для церковнославянского языка — сказательный, который позднее будет переименован в предложный. Упразднено «различие», введён термин междометие; впервые рассматриваются виды глагола [Там же].

Яркой фигурой в славянской лингвистической традиции выступает хорват по происхождению, деятель второй половины XVII в., Юрий Крижанич. Он владел несколькими языками (помимо славянских, он знал греческий, латинский, итальянский и немецкий), и, приехав в Россию, занялся сравнением русского и славянских языков с целью выяснения их фонетического и грамматического строя. Ю. Крижанич считал, что все они связаны по происхождению и восходят к старославянскому языку, который, в свою очередь, длительное время подвергался порче под влиянием как греческого языка, так и местных наречий. Вследствие этого, по мнению Крижанича, существующие грамматики, включая труд Мелетия Смотрицкого, описывают языковой строй в искаженном виде [11, с. 56]. Учёный хорват стремится обработать старославянский язык таким образом, чтобы он вернулся к своему исконному состоянию: «создать из многочисленных наречий один общий язык, всем равно доступный, и создать не наобум, а с критическими приёмами, сравнительным изучением всех их» [8, с. VIII]. Результатом его трудов стала изданная в 1666 г. книга «Грамматично исказание об русском језику попа Јурка Крижаница, презванјем Сербљанина», представляющая собой описание изобретенного им «всеславянского» языка и написанная на нём [11, с. 56]. Как отмечает исследователь Л. Н. Пушкарёв, данный труд является первой в Европе сравнительной славянской грамматикой, и это даёт нам право считать Ю. Крижанича родоначальником сравнительного славянского языкознания [15, с. 132].

Одним из первых учёных, проявивших интерес непосредственно к сравнению языков, был М. В. Ломоносов. В перечне задуманных им работ такие заголовки,

как «О сходстве и переменах языков» и «О сродных российскому языку и о нынешних диалектах» [10, с. 763]. В черновиках к его «Российский грамматике» читаем: «N. В. Писать о разности славенского языка съ российскимъ» [9, с. 631]; кроме того, перечислены языки, произошедшие от славянского, среди которых указаны российский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий и вендский [9, с. 609]. Проведено было и межъязыковое сопоставление чисел от одного до десяти в «сродственных» и «несродственных» языках. При этом к родственным отнесены российский, греческий, латинский и немецкий языки; среди неродственных указаны финский, мексиканский, готтентотский и китайский [9, с. 652].

В течение всего XVIII века увеличивалось количество известных в Европе языков, составлялись многоязычные сло-

вари и компендиумы. Так, в 1786–1791 гг. в Санкт-Петербурге был выпущен четырёхтомный словарь П. С. Палласа, включавший материал 276 языков [2, с. 52]. Приблизительно в это же время была опубликована работа Г. Ф. Миллера «Описание трех языческих народов в казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков» с приложением в виде сопоставительного словника на немецком, татарском, марийском, чувашском, удмуртском, мордовском и коми-пермяцком языках, а также молитвы, переведенной с русского на марийский и чувашский языки [13, с. 6].

Таким образом, к концу XVIII — началу XIX века было уже накоплено достаточно языкового материала и исследовательского опыта, а идеи сопоставления языков буквально витали в воздухе — с тем, чтобы дать рождение новому научному направлению.

Литература:

1. Алексева, И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие для вузов. — 4-е изд. испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
3. Бессарабова, Н. В. История России Средних веков: Домонгольская Русь: учебное пособие. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. 60 с.
4. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: «Рудомино», 2001. 897 с.
5. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / Дубичинский В. В. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.
6. Карташев, А. В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1.: Очерки по истории русской церкви. М.: ТЕРРА, 1993. 686 с.
7. Ковтун, Л. С. Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб.: «Наука», 1991. с. 182–207.
8. Крижанич, Ю. Граматично изказанје об Руском језику. М.: В Университетској Типографији, 1859. 276 с.
9. Ломоносов, М. В. [Материалы к российской грамматике] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. с. 595–760.
10. Ломоносов, М. В. Филологические исследования и показания, к дополнению грамматики надлежащие // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. с. 761–763.
11. Нелюбин, Л. Л. История науки о языке: [электронный ресурс] учебник / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 376 с.
12. Никольский, Н. К. Речь тонкословия греческого. М.: Книга по Требованию, 2011. 115 с.
13. Нифанова, Т. С. Сопоставительное исследование английской и французской национальной языковой картины мира: На материале денотативных классов из сферы «природа»: диссертация... доктора филологических наук: 10.02.20. Северодвинск, 2005
14. Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс] // 100 главных документов российской истории [сайт]. [2014–2015]. URL: <http://xn—d1aml.xn—h1aaidg8g.xn—p1ai/10—16/pouchenie-vladimira-monomakha/> (дата обращения: 15.03.2015)
15. Пушкирев, Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества / отв. ред. д. и. н. В. И. Буганов. М.: Изд-во «Наука», 1984. 213 с.
16. Рыбаков, Б. А. Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2004 г. 448 с.
17. Симашко, Т. В. История лингвистических учений. Античность. Средневековье: Учебное пособие. Архангельск: Поморский государственный университет, 2001. 216 с.
18. Симони, П. К. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 1. с. 175.
19. Сухомлинов, М. И. О языкознании в древней России / [Соч.] М. И. Сухомлинова. Санктпетербургъ: въ типографіи императорской академіи наукъ, 1854. 84 с.
20. Храпко-Магала, М. В. Мелетий Смотрицкий и его «Грамматики Славенския правильное Синтагма» / М. В. Храпко-Магала // Русский язык в школе. 2013. № 12. с. 75–79.

Анализ иероглифов, содержащих ключ «знак солнца» 日 𠄎

Демина Алена Владимировна, студент;

Данков Артем Георгиевич, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Китай — страна с долгой и непрерывной историей. Китайская письменность является одной из древнейших и сложнейших систем письма. Она развивалась на протяжении всей своей истории: от насечек на камнях до упрощенных иероглифов, которыми пользуются в настоящее время. По мере того, как развивалась иероглифическая письменность, вставал вопрос о том, как именно образуются иероглифы.

В период Чжаньго появился такой термин, как «шесть категорий». [3] «Шесть категорий» знаков китайского письма — это шесть правил образования знаков китайского письма. К «шести категориям» 六书 относятся: изобразительная категория (象形), указательная категория (指事), идеографическая категория (会意), категория заимствования (假借), фонетическая категория (形声) и видоизмененные знаки (转注). [2]

В данной работе мы подробно рассмотрим первые три категории: изобразительная, указательная и идеографическая категории. Целью работы является анализ иероглифов на основе данных трех категорий. Нами будут рассмотрены иероглифы, содержащие ключ «знак солнца» 日. Данная тема является актуальной в первую очередь для людей, изучающих китайский язык. В настоящее время уже существует небольшой ряд работ, в основу которых положен анализ иероглифов, примером таких работ являются работы Яковлевой Е. А. и Бородиной Е. С. [1,5]

Остановимся более подробно на трех категориях образования китайского письма 六书:

1. Изобразительная категория (象形). Знаки изобразительной категории развивались из пиктограмм. Пиктограмма — изображение предмета, описание некоторого существующего предмета. Иероглифы изобразительной категории — это знаки-образы, которые отождествлены с образом предмета. В условиях постепенного усовершенствования человеческой деятельности, произошло упрощение знаков китайской письменности. Это привело к тому, что изобразительные знаки в настоящее время редко могут передать смысл, заложенный нашими предками с помощью стандартизированных черт и линий.

2. Указательная категория (指事). Как правило, значение знаков указательной категории можно определить с первого взгляда. Подобная различимость сближает знаки указательной категории со знаками пиктографической и идеографической категории. Знаки указательной категории делятся на два класса: указательные знаки, которые были образованы на основе пиктограмм с добавлением «указательного элемента» и указательные иероглифы знакового характера. Ука-

зательная категория является самой малочисленной из всех шести категорий.

3. Идеографическая категория (会意). Идеографическими знаками являются знаки, которые состоят из двух и более чисел пиктографических элементов. Существует семь разновидностей идеографических знаков: 1. Объединение нескольких одинаковых графических элементов. 2. Объединение двух или более различных пиктографических элементов. 3. Объединение двух или более иероглифов, которые поясняют значение иероглифа в целом. 4. Идеография с помощью непиктографических образов. 5. Добавление или исключение черт. 6. Обратное написание знака. 7. Образование производных знаков. Перед тем, как появилась фонетическая категория, идеография была главным и основным способом создания иероглифов.

Иероглифы, которые использовались при анализе в данной статье, содержат ключ «знак солнца». Данный ключ в русско-китайском словаре стоит под номером семьдесят два, может использоваться самостоятельно. Всего китайско-русский словарь содержит 60 иероглифов, в которые входит данный ключ. [4] Мы с помощью метода сплошной выборки проанализировали 30 из них, в результате чего выбрали иероглифы, которые относятся к первым трем категориям (11). К сожалению, иероглифов, содержащих «знак солнца» указательной категории выявить не удалось.

Основное значение проанализированного ключа — «знак солнце», помимо этого иероглиф 日 обладает другими значениями, такими как: солнце, солнечный диск; солнечные лучи, солнечный свет; день, дневное время; дневной; день, сутки; суточный; дата, число; время, срок. [4]

1) 旭 xù — *сущ.* взошедшее солнце; лучезарный, лучистый, ясный. Данный иероглиф принадлежит к идеографической категории, так как состоит из двух частей, которые могут использоваться самостоятельно.

2) 暑 shǔ — 1) жара, зной (особенно влажный); жаркий 2) разгар лета; лето, летний. Иероглиф следует отнести к идеографической категории, потому что он содержит два элемента, которые могут выступать как самостоятельные знаки.

3) 旦 dàn — *И сущ.* 1) утро, рассвет; на рассвете; рано, утром; утренний 2) день, дневная пора; днём. II гл. * рассветать. Иероглиф относится к изобразительной категории: в самом иероглифе заложено следующее значение: каждый день солнце встает из-за горизонта.

4) 曇 tán — *I прил.* облачный, пасмурный. Этот иероглиф состоит из двух частей 日 и 云. Солнце и облако.

Солнце скрылось за облаком, в результате погода стала пасмурной, облачной. То есть данный иероглиф относится к идеографической категории, так как две части этого иероглифа поясняют значение в целом.

5) 旧jiù — I *прил./наречие* 1) старый, стародавний; древний; в древности, встарь 2) ветхий, подержанный; изношенный, запущенный; устаревший; старомодный, старозаветный 3) прежний, бывший, прошлый; привычный, наситенный; тот же самый; прежде, некогда, раньше 4) давний; долгий, затяжной; застарелый, хронический; истари, издавна; долгое время 5) старинный, традиционный; исторический; классический. Возможно, данный иероглиф относится к идеографической категории, так как можно предположить, что черта | изображает один, а иероглиф 日 — день, вчера, то есть то, что произошло в прошлом.

6) 时shí — I *суц.* 1) час (астрономический. малый; стар. большой час. равный 1/12 части суток) 2) время года, сезон 3) эпоха, эра, времена, век 4) подходящее (нужное) время; удобный случай, подходящий момент 5) время; течение времени 6) своё (данное) время; свой век; современность; требование времени; мода; современный, модный 7) назначенное время, положенный срок 8) грим, время (категория). Данный иероглиф относится к идеографической категории. Он состоит из двух частей значение которых образует значение целого иероглифа. 日 — время и 寸 — мера длины, таким образом получается время, поделенное на некоторые промежутки.

7) 早zǎo — I *суц.* 1) утро; утренний; утром, поутру 2) * жёлудь II *прил./наречие* 1) ранний; рано, спозаранку 2) слишком ранний, преждевременный; досрочный; загодя, заранее 3) первый, начальный; в начальный период, в юные годы, в юности 4) * поспешный, быстрый; скорее, срочно, быстро 5) среднекит. давно; уже III *гл.-предлог* предварить на...; на...; раньше; за... (такое-то время) до того...; за... Возможно, данный иероглиф относится к изобразительной категории: изображение отображает время суток (солнце 日 поднимается над шлемом воина 十). Помимо этого, иероглиф 十 ранее имел значение «первый», что в дословно могло значить «первое солнце», другими словами «утро».

8) 晒shài — I *гл.* 1) сушить на солнце; выстав-лять [для просушки] на воздух 2) сохнуть [на солнце]; греться; загорать 3) падать (о лучах солнца); жарить, печь 4) печатать с негатива на фотобумагу; снимать светокпию 5) заставить напрасно ждать, оставить без внимания 6) опубликовать, предать гласности, выставлять напоказ II

прил. солнечный, жаркий. Возможно, данный иероглиф принадлежит к идеографической категории, так как значение двух его частей, в целом образует значение иероглифа: 日 — солнце, 西 — запад. Можно предположить, что солнце на западе горячее, из чего логически следуют описанные выше значения.

9) 晦huì — I *суц.* 1) последний день лунного месяца 2) конец дня, вечер; ночь 3) невезение, злосчастье II *прил.* 1) тёмный, мрачный; тусклый 2) глупый, безрассудный; непонимающий, тёмный III *гл.* вяннуть, сохнуть; чахнуть. Данный иероглиф сложно отнести к определенной категории, ни одна его часть не имеет указанного произношения, помимо этого вместе части не образуют значение целого иероглифа.

10) 晶jīng — I *суц.* 1) горный хрусталь; стеклярус; хрустальный; стеклярусный 2) мин. (сокр. *вм.* 结晶) кристалл; кристальный 3) игра лучей; свет, сияние, сверкание, блеск II *прил.* сияющий, сверкающий; искрящийся, ослепительный; играющий лучами. Данный иероглиф имеет в своем составе три составляющие иероглифа «солнце». Можно предположить, что данный иероглиф относится к идеографической категории, так как части данного иероглифа образуют значение целого иероглифа. Где солнце подобно хрусталу, который сверкает.

11) 晾liàng — *гл.* 1) сушить, проветривать 2) намеренно игнорировать; специально отмахиваться. Данный иероглиф состоит из двух частей: 日 (солнце) и 京 (высокий насыпной холм, курган). Можно предположить, что значение данного иероглифа сформировалось из значений двух его частей, так как сушить, проветривать лучше при солнце на холме, так быстрее все просохнет. Поэтому этот иероглиф относится к идеографической категории.

Подводя итог проделанной работы, следует отметить, что 45,5% занимают иероглифы, которые имеют несколько значений или значение иероглифа, не относятся к значению ключа 日. Также 27,3% занимают иероглифы, имеющие значение времени, остальные 18,1% — иероглифы, которые имеют значение, связанное со светом.

Исходя из проанализированных иероглифов, можно сделать вывод о том, что указательная категория является самой малочисленной категорией (в нашей работе, иероглифов этой категории нет), большую часть занимают иероглифы идеографической категории (9 иероглифов). Также значение иероглифа может не всегда совпадать со значением ключа иероглифа, однако всегда можно предположить значение иероглифа, зная значение ключа.

Литература:

1. Бородина, Е. С. Связь графемы и значения иероглифа (на примере графемы 竹) [Текст]/Е. С. Бородина, П. О. Дедеев, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1348–1350.
2. Ван Ли, Люй Шусян. Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае. — М., 1989—471 с.
3. Софронов, М. Ф. Язык и китайская письменность. — М., 2007—638 с.
4. У Хаосю. Китайско-русский словарь. — М., — 2008
5. Яковлева, Е. А. Ключ 目mù «глаз» в составе китайских иероглифов [Текст]/Е. А. Яковлева, П. О. Дедеев, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1454–1456.

Этимология иероглифов, содержащих ключ «знак солнца» 日

Демина Алена Владимировна, студент;

Данков Артем Георгиевич, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Китайская письменность имеет многовековую историю, восходит к древнейшим династиям. Её история составляет уже более 3,5 тысяч лет. Помимо этого, китайская иероглифическая письменность обладает неповторимостью, которую она пронесла через всю историю Китая. В китайской письменности прослеживается не только история, но и культура. С развитием человечества развивалась и письменность Китая, происходили различные изменения иероглифов, поэтому со временем перед учеными встала необходимость в изучении, как самих иероглифов, так и их образования.

В эпоху Чуньцю началось изучение структуры китайского письма и продолжилось вплоть до последних лет западной династии Хань. Тория шести категорий достигла наибольшего развития в последние годы западной династии Хань, хотя термин «шесть категорий» появился еще в эпоху Чуньцю. [1] «Шесть категорий» (六书) — это шесть правил образования китайского письма. Существуют следующие категории: изобразительная категория (象形), указательная категория (指事), идеографическая категория (会意), категория заимствования (假借), фонетическая категория (形声), видоизмененные знаки (转注). [3]

В статье, напечатанной выше, мы подробно описали первые три категории, в данной статье речь пойдет о следующих трех категориях: категория заимствования, фонетическая категория и видоизмененные знаки. Таким образом, целью данной работы является анализ значения ключа 日 «знак солнца» в китайских иероглифах по трем следующим категориям.

1. Категория заимствования (假借). Заимствование знаков — это использование имеющихся знаков с одинаковым звучанием для новых знаков. Между словами (для которого заимствуется иероглиф и заимствуемым иероглифом) нет какой-либо смысловой связи. И заимствуемый знак рассматривается как чисто фонетический. Заимствованные знаки появились очень рано, большинство знаков на панцирях черепах — заимствованные. Для того чтобы не образовывалось знаков с одинаковым чтением и значением, к заимствованному знаку добавлялись дополнительные графические элементы. Еще одна особенность это то, что часть современных упрощенных знаков представляет собой заимствования на основе тождества произношения. [3]

2. Фонетическая категория (形声). Знаки фонетической категории состоят из одной смысловой части и из одной звуковой части. Обе части основаны на пиктограммах. Также выделяют две разновидности смысловой части: 1. Смысловые части, которые указывают на принад-

лежность к категории. 2. Смысловые части, которые указывают значение иероглифа. Бывает, что все иероглифы, содержащие определенный смысловой элемент, обозначают слова непосредственно, связанные со значением этого элемента. А бывает так, что смысловые элементы — пустые знаки, так происходит при заимствовании знаков, что ведет к тому, что смысловые части фонетических иероглифов окончательно утрачивают функцию указания значения слова. Также упрощение смысловых частей ведет к затруднению понимания иероглифов. Современное китайское письмо на 90% состоит из знаков фонетической категории, но значительная часть этих знаков является заимствованной, то есть используются как чисто фонетические знаки. [3]

3. Видоизмененные знаки (转注). Видоизмененные знаки — это знаки, которые образуются таким образом, что они похожи друг на друга и принадлежат одному и тому же смысловому классу, одинаковы по значению, поэтому взаимозаменяемы. По своей структуре видоизмененные знаки схожи со знаками фонетической категории, так как в видоизмененных знаках также используется графическая структура, которая состоит из семантизированного фонетического элемента. Отмечено, что все видоизмененные знаки принадлежат к числу фонетических, но не все фонетические — видоизмененные знаки. Также видоизмененные знаки имеют схожую черту с заимствованными знаками — одинаковое значение и сходное произношение. Но видоизмененный знак обязательно имеет тот же ключ, что и знак — образ, их чтение одинаково и сходно, значение — сходно, если нет, то знак принадлежит к другой категории. [3]

Все иероглифы, которые были нами проанализированы, содержат ключ 日 «знак солнца». Данный ключ имеет следующие значения: солнце, солнечный диск; солнечные лучи, солнечный свет; день, дневное время; дневной; день, сутки; суточный; дата, число; время, срок. Всего в китайско-русском словаре насчитывается 60 иероглифов, которые содержат данный ключ. Нами были проанализированы 19 из них, относящихся к следующим категориям: категория заимствования, фонетическая категория и видоизмененные знаки. В результате анализа, нами было выявлено 17 иероглифов фонетической категории, 2 иероглифа видоизмененных знаков, иероглифов категории заимствования выявлено не было.

Проанализированные иероглифы мы разделили на группы:

1. Иероглифы, содержащие значения, которые относятся к солнцу и к погодным явлениям.

晴 qíng — I *прил.* солнечный, ясный (о погоде); чистый, безоблачный (о небе); залитый солнцем (напр. о горах) II *сущ.* ясная погода; вёдро. Иероглиф является фонетическим. В данном случае смысловой частью выступает ключ 日, а звуковой частью 青.

II. Иероглифы, которые относятся к значению времени, промежутка времени, периода.

昨 zuó — I *сущ./наречие* 1) вчерашний день, вчера, вчерашний; накануне 2) прошлый год; прошлогодний, прошедший 3) прежнее время, прежний; прежде. Иероглиф фонетической категории. Звуковая часть 乍, смысловая — две части вместе.

晌 shǎng — I *сущ.* 1) полдень; в полдень, к полудню 2) (вм. 晷 и 晌) одночасье, небольшой промежуток времени, отрезок времени 3) вм. 晌 (шан, мера площади) II *гл.* близиться к полудню; наступает полдень. Иероглиф фонетической категории, так как звуковая часть 向 сходна по звучанию с целым иероглифом, а вместе две части образуют значение иероглифа (向 — как направление и 日 — время).

晚 wǎn — I *сущ.* 1) вечер; сумерки, закат солнца; ночь; вечерний; ночной; вечером, ночью 2) последний период; конец века (эпохи); старость; поздний, последний 3) диал. Время.

II *прил./наречие*

1) поздний, запоздалый; поздно, позднее, позже, с запозданием. Возможно, данный иероглиф относится к видоизмененным, так как отдельные его части не укладываются в определенный смысл. Значение близко к значению ключа 日 и в произношении есть что-то общее.

晨 chén — I *сущ.* 1) утро, рассвет; утром, рано, на рассвете; утренний 2) крик петуха, возвещающий утро. Иероглиф фонетической категории. Звуковая часть — 辰 имеет такое же произношение. Свое смысловое значение иероглиф образует из следующих составных частей: 日 — солнце, день и 辰 — время суток от 7 до 9 часов.

暂 zàn — пока, временно; на время; временный. Данный иероглиф относится к фонетической категории. 斩 — звуковая часть сходна со звучанием иероглифа. Смысловая часть — время 日.

III. Иероглифы, имеющие кардинально разные значения.

旷 kuàng — I *прил./наречие* 1) ясный, открытый лучам солнца; озарённый 2) просторный; незанятый, пустой, свободный 3) открытый; бескрайний; широкий; огромный 4) редкий, жидкий, скудный; запущенный, заброшенный; небрежный 5) неухоженный, холостой (о мужчине); холостяк 6) далёкий, дальний, отдалённый; длинный 7) далёкий, давно минувший, давний; давно II *гл.* 1) пропускать, запускать (работу); зря тратить, проводить без пользы (время); манкировать, пропускать (занятия, работу) 2) быть без дела; не работать; играть, развлекаться; бездельничать 3) отгораживаться (отделяться) от (чего-л.) 4) не занимать, оставлять пустым (незанятым). Данный иероглиф относится к фонетической категории. Часть 广 по произношению схожа с целым иероглифом.

По значению две части дают значение этого иероглифа: 广 — обширный, широкий; 日 — солнечный свет.

旺 wàng — I *прил./наречие* 1) яркий; блестящий; пылающий; ярко 2) цветущий, процветающий; оживлённый, буйный; в расцвете, на подъёме; в разгаре; пик; по сезону, в моде 3) боевой; бодрый. Иероглиф фонетической категории. Звуковая часть — 王, смысловая — 日 (свет, яркий).

映 yìng — I *гл.* 1) сиять (отражённым светом), отсвечивать; блистать, искриться, играть (напр. красками) 2) отражаться 3) показывать (фильм) II *сущ.* 1) игра света и теней, блики 2) * послеполуденное время, часы 未. Иероглиф фонетической категории. Звуковая часть — 央, смысловая 日 — свет, яркий.

显 xiǎn — I *прил./наречие* 1) ясный, чёткий, очевидный, верный; явный; открытый, отчётливый; очевидно, открыто; громогласно; официально 2) яркий, светлый, сияющий 3) великолепный; прославленный; именитый; знатный 4) покойный (о предках) II *гл.* 1) проявлять, показывать, демонстрировать 2) прославлять, восхвалять. На наш взгляд, данный иероглиф стоит отнести к фонетической категории: в звучании есть общие черты, однако ни одного признака, присущего другим категориям в конкретном случае мы не наблюдаем.

晓 xiǎo — I *сущ.* рассвет, утренняя заря; утро; свет; утренний; светлый, ясный; на рассвете; предрассветный II *гл.* 1) знать, понимать, уяснять; усваивать; знающий, смыслённый 2) сообщать, уведомлять, оповещать; разъяснять. Иероглиф фонетической категории. Звуковая часть — 尧, смысловая — солнце, свет.

晕 yūn — I *сущ.* 1) ореол, венец, гало, сияние (вокруг Солнца, Луны) 2) круг, пятно; потемнение II *гл.* 1) терять сознание, падать в обморок 2) чувствовать головокружение; кружиться (о голове); страдать от качки, укачиваться; пестрить (рябить) в глазах.

Иероглиф видоизмененной категории. Значение образуется от значения ключа «солнце», произношение схоже со второй частью иероглифа.

晃 huǎng — *гл.* 1) huǎng сиять, сверкать, искриться; ослепительный, сияющий, яркий, светлый 2) huàng качаться, колыхаться; шагаться, колебаться 3) huàng мелькнуть; в мгновение ока, миновать, о времени). Иероглиф фонетической категории: guang 光 схож по звучанию, также имеет значение — свет, дочиста. Две части вместе образуют значение сиять, сверкать, светлый.

IV. Иероглифы, которые не относятся к значению ключа.

昂 áng — I *гл.* (часто в функции определения) 1) высоко стоять, выситься; быть высоким; высокий 2) восходить, подниматься; возрастать; расти; поднятый 3) возбуждаться, воодушевляться; возбуждённый 4) поднимать, вскидывать [голову]; гордо вскинутый, величавый, горделивый. Можно предположить, что это иероглиф фонетической категории. Так как присутствует звуковая часть 印 и смысловая 日 (солнце всходит).

昧 mèi — I *прил.* 1) тёмный; мрачный 2) смутный, сумеречный 3) невежественный, тёмный; глупый, тупой II *гл.*

1) скрывать, прятать, утаивать (чужое) 2) домогаться, невзирая ни на что; очертя голову; добиваться. Фонетическая категория, так как из двух частей получили значение целого иероглифа. Часть 末 то имеет значение окончание, закат. После того как солнце заходит, становится мрачно и темно. Данный иероглиф следует отнести к фонетической категории, так как здесь мы наблюдаем смысловую часть, а также фонетическую.

晤 wù — I *гл.* лично увидаться (встретиться); навестить; при личном свидании, лично II *прил.* просвещённый; понятливый, смыслённый, умный. Этот иероглиф относится к фонетической категории. Часть 吾 — звуковая. Также значение 吾 — я, мы, мой, что немного влияет на значение целого иероглифа — лично встретиться, увидаться.

普 pǔ — I *прил./наречие* повсеместный, всеобщий; повсеместно распространённый; повсюду, везде. Данный иероглиф относится к фонетической категории. Часть 日 означает объединяться. Можно предположить, что ключ солнце в данном случае придает значение повсеместный, то есть как солнце, оно одно и повсеместно.

智 zhì — I *сущ.* 1) мудрость; ум, разум 2) мудрый, мудрец 3) стратагема; хитрость, уловка 4) знание II *прил./наречие* умный, мудрый; опытный, умелый; умно. Иероглиф относится к фонетической категории. Иероглиф состоит

из двух частей, но к одной части относится и смысловой и звуковой признаки. Можно предположить, что имеется в виду, что мудрый тот, у кого ясный ум.

星 xīng — I *сущ.* 1) звезда; планета; небесное тело; [зодиакальное] созвездие; звёздный; межзвёздный; космический 2) падающая звезда, метеор; стремительный, как метеор; быстро, стремительно. Данный иероглиф относится к фонетической категории, благодаря тому, что в традиционном варианте данный иероглиф выглядел так 彗. Верхняя часть была смысловой частью и по форме напоминала мерцающие звезды, звуковой частью был 生.

При анализе данных иероглифов была выявлена связь ключа 日 со значением иероглифа. Однако, нами были обнаружены иероглифы, которые имеют несколько значений, при чем некоторые значения никак не соотносятся со значением ключа: таких иероглифов 59,9% от проанализированного количества. 31,6% составляют иероглифы со значением времени, 36,8% — иероглифы со значением света.

Подводя итог, следует отметить, что категория заимствования является самой малочисленной категорией, а фонетическая категория, напротив, насчитывает наибольшее количество иероглифов. Это объясняется тем, что используются уже существующие языковые элементы, которые в свою очередь влияют на звучание знака.

Литература:

1. Бородина, Е. С. Связь графемы и значения иероглифа (на примере графемы 竹) [Текст]/Е. С. Бородина, П. О. Дедеев, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1348–1350.
2. Ван Ли, Люй Шусян. Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае. — М., 1989—471 с.
3. Софронов, М. Ф. Язык и китайская письменность. — М., 2007—638 с.
4. У Хаосю. Китайско-русский словарь. — М., — 2008
5. Яковлева, Е. А. Ключ 目 mǐ «глаз» в составе китайских иероглифов [Текст]/Е. А. Яковлева, П. О. Дедеев, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1454–1456.

Дифференциация явлений заимствования и переключения контекста в русском языке

Денико Роман Викторович, преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В современном мире взаимодействие различных народов, языков и культур приобрело поистине всеобъемлющий характер. Мобильность и интернационализация всех сфер человеческой деятельности достигли невиданного размаха. В большей степени этому способствует постоянное развитие и совершенствование компьютерных технологий, которые позволяют не выходя из дома общаться людям из разных стран и континентов. Сегодня в сети Интернет есть возможность создавать рабочие группы, клубы и объединения, участниками которых являются представители разных национальностей.

Конечно, такой процесс интернационализации не может не найти своего отражения в языке. Участники международных групп вынуждены использовать в общении сразу несколько языков. При этом две языковые картины мира накладываются друг на друга. В результате такой интерференции, элементы из одной языковой картины мира начинают переходить в другую. В реальности данный процесс ведет к активному заимствованию иноязычной лексики и переключениям контекста.

Данная статья рассматривает разницу между явлениями заимствования и переключения контекста. Работа

основывается на зарубежных и российских источниках по данной тематике. Актуальность работа связана с тем, что исследования по переключениям контекста не имеют широкого освещения в практике отечественного языкознания. При этом, данное явление встречается в нашей стране все чаще в связи с возрастающей интернационализацией повседневной и профессиональной жизни.

Переключение контекста (Context Switching) является давним предметом изучения зарубежной лингвистики. Оно не имеет одного четкого определения и может определяться как: 1) «существование двух речевых отрезков, принадлежащих к разным грамматическим системам во время одного обмена репликами» [1, с. 59]; 2) «смена лингвистических вариантов внутри одного речевого сообщения» [2, с. 1]. Данные определения закрепляют необходимость двух языков как основу для переключения контекста.

Термин заимствование также неоднозначен [3, с. 2]. Он может обозначать как сам процесс переноса элементов из одного языка в другой, так и результат этого процесса.

Как заимствование, так и переключение контекста подразумевают взаимодействие языков и перенос элементов одного языка в другой. Таким образом, есть необходимость разграничить эти два явления в случае отдельных лексических единиц. В этом вопросе существует несколько точек зрения.

Согласно первой теории, переключения контекста должны состоять из нескольких слов, между которыми реализуются грамматические отношения присущие другому языку. Любые отдельные слова или идиоматические выражения приравниваются к заимствованиям [1, с. 101].

Согласно второй теории, отдельные слова могут быть переключениями контекста и их необходимо отличать от заимствований. Это можно сделать используя критерий морфосинтаксической интеграции. Отдельные слова, которые проявляют только морфологическую или только синтаксическую интеграцию могут считаться примерами переключения контекста, в противном случае их необходимо рассматривать как заимствования. Другим критерием разграничения двух явлений может выступать частность употребления той или иной лексической единицы [2, с. 158]. В случае переключения контекста должен быть единственный случай употребления лексической единицы. Если слово встречается повсеместно в речи многих людей, то это заимствование. Что касается более длинных речевых отрезков, регулируемых определенными грамматическими правилами, то они признаются переключениями контекста.

Определим применимость вышеуказанных факторов для разграничения переключений контекста и заимствований в случае одной лексической единицы. Следующие примеры взяты с сайта habrahabr [7]: «*Все managed языки такие как Java или C# имеют один существенный недостаток — безусловное автоматическое управление памятью*»; «*CLR должен сканировать огромный set объектов и их взаимных ссылок*»; «*...я храню network из 200 миллионов улиц и их взаимосвязей*»; «*Мы динамически*

выделяем массивы byte, которые мы называем сегментами»; «*Технология NFX.ApplicationModel.Pile позволяет избежать непредсказуемых задержек... обеспечивая скорость доступа выше, чем out-of-process решения*» [http://habrahabr.ru/post/257091/]; «*И то что раньше было проектом for fun неожиданно стало хранить десятки и даже сотни тысяч долларов*» [http://habrahabr.ru/post/248887/]; «*Достаточно иметь почтовый ящик в домене edu и какой-нибудь документ, подтверждающий enrollment*» [http://habrahabr.ru/users/Skiminok/comments/]; «*Вы присылаете pull-request в их флагманских продукт Precog и за это сразу-же получаете либо job-offer либо чек с оплатой потраченного времени*» [http://habrahabr.ru/users/spiff/comments/].

Все указанные выше случаи использования иностранной лексики являются переключениями контекста. Все приведенные примеры интегрированы только синтаксически. В других источниках они не встречаются, и можно говорить об единичности их употребления.

В ходе исследования были выделены случаи, когда можно использовать только принцип частотности. Например: «*...модель многопроцессности в Chromium стала слишком сложной, чтобы тянуть легаси код из основного WebKit*» [http://habrahabr.ru/post/175377/]; «*При слове легаси вздрагивает каждый программист*»; «*Как писать код так, чтобы код, написанный вами, не становился легаси через пару недель после написания*» [http://habrahabr.ru/company/it-people/blog/253391/]. Слово легаси означает 'старый, более неподдерживаемый и не обновляемый, но ещё используемый'. Как видно из примеров, данная лексическая единица не обладает морфологической интегрированностью. При этом она достаточно распространена в профессиональной речи, и является заимствованием.

Другим примером является слово юзабилити, означающее 'удобство использования'. Например: «*...мне удалось поговорить с руководителем отдела юзабилити в Google Марией Стоун*» [http://habrahabr.ru/post/16139/]; «*Юзабилити, как подход, основанный на учете интересов пользователей, позволяет полнее реализовать резервы сайта*» [http://habrahabr.ru/post/17223/]. Слово юзабилити также не проявляет морфологической интеграции, но при этом используется повсеместно.

Полученные результаты говорят о том, что два описанных подхода к разграничению случаев переключения контекста и заимствования иноязычной лексики могут использоваться в комплексе. Они дополняют друг друга, при этом критерий морфосинтаксической интеграции может использоваться для первоначального определения иноязычных включений, а принцип частотности может служить для верификации полученных результатов.

В ходе исследования были также обнаружены более длинные переключения контекста. Например: «*о каком переключении процесса идет речь? реконструировать 500.000.000 objects for 2 weeks just to collect 50 Mb of*

trash?»; «Я молчу о сотнях миллионов записей. А если записи связаны друг с другом — то это вообще коллапс.

It takes DAYS to move billions of rows between nodes»; «Pile — это БАЗА ДАННЫХ, *warehouse of objects*, в памяти» [<http://habrahabr.ru/post/257091/>].

Примечательно, что проблема разграничения заимствования и переключения контекста в случае отдельных слов составляет проблему только в зарубежной лингвистике. В практике отечественного языкознания вся иноязычная лексика подразделяется на четыре категории:

- заимствования;
- интернационализмы;
- экзотизмы;
- иноязычные вкрапления.

В этой системе иноязычные вкрапления примерно соответствуют переключениям контекста. Они имеют следующее определение: «Слова, входящие в последние две группы [иноязычные вкрапления и экзотическая лексика], «чисто» иноязычны и в системе употребляющего их языка морфологически нечленимы. В экзотических словах изменена только графика; иноязычные вкрапления часто не меняют даже и своего облика» [4, с. 47]. Возникает вопрос о целесообразности введения термина 'переключение контекста' в практику анализа иноязычных элементов в русском языке. С одной стороны, появляется проблема разграничения заимствований и переключения контекста, которая в отечественной традиции до этого не существовала. С другой стороны, введение понятия 'переключение контекста' открывает новые возможности для изучения иноязычных вкраплений в современной русскоязычной коммуникации. Термин 'иноязычные вкрапления' имеет ряд недостатков в этом плане:

- охватываемые термином единицы это отдельные слова или в лучшем случае крылатые выражения, например, *alter ego* или *bonjour*. В настоящее время переключения с одного языка на другой могут не ограничиваться отдельными словами, но составлять целые предложения, обладающие полностью иноязычной синтаксической структурой;
- функции иноязычных отрезков в речи не имеют четкого определения. Основное упор делается на стилистические и жанровые особенности текстов. В современном

мире, переключения контекста могут выполнять разнообразные социальные функции. Например используя тот или иной язык в речи, говорящий может ассоциировать себя с разными социальными группами;

— иноязычные вкрапления рассматриваются в подавляющем большинстве случаев, как часть языка печатных изданий, книг или прессы. В этом случае это выбор самого автора. О причинах такого выбора и его эффекте на читателя можно только догадываться. Между тем, большая часть коммуникации происходит сейчас с помощью электронных средств. Обмен информацией с помощью таких средств происходит гораздо быстрее, при этом в процесс одновременно может быть включено неограниченное количество людей. В таких условиях переключения языков носят сиюминутный характер и имеют четкую коммуникативную функцию. Многие электронные средства общения позволяют записать, а затем проанализировать коммуникативные отрезки, как письменные, так и устные. Это позволяет в значительной мере раскрыть причины и цели использования сразу нескольких языков в общении;

— термин 'иноязычное вкрапление' указывает на то, что современная картина мира монолингвальна, т.е. любой человек владеет только одним языком и заимствует в него элементы из другого языка. Термин 'переключение контекста' указывает на билингвальный характер языковой картины мира, то есть когда человек владеет как минимум двумя языками и использует их для достижения коммуникативных целей. В современном мире ввиду международной интеграции и научно-технического прогресса в области информационных технологий именно билингвизм становится все более повсеместным явлением, и языковую картину мира необходимо рассматривать именно с этой точки зрения.

Таким образом, необходимость изучения современной коммуникации с точки зрения билингвизма приводит к необходимости активного использования понятия 'переключение контекста'. В связи с этим, возникают проблемы с разграничением самих переключений и заимствований в случае отдельных лексических единиц. Эта проблема может быть решена с помощью применения критерия морфосинтаксической интеграции и критерия частотности.

Литература:

1. Gumperz, J. J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 с.
2. Myers-Scotton, C. Duelling languages: Grammatical structure in Codeswitching. New York: Oxford University Press, 1993. 300 с.
3. Щитова, О. Г. Аспекты изучения иноязычной лексики русского языка. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 1996. 35 с.
4. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
5. Денико, Р. В. Проблема квазисинонимии терминов в инженерной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2014. № 8. Ч. 2. с. 54–56.
6. Бутакова, Е. С., Щитова О. Г. Эргонимы иноязычного происхождения: аспекты варьирования // Фундаментальные исследования, 2014. № 12. Ч. 2. с. 411–415 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rae.ru/is/pdf/2014/2014_12_2.pdf (дата обращения 10.04.2015).
7. www.habrahabr.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.habrahabr.ru/> (дата обращения 10.04.2015).

Национальная специфика фразеологических единиц китайского языка

Донченко Аполлинария Витальевна, студент;
Тагина Екатерина Константиновна, преподаватель
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная статья рассматривает особенности фразеологизмов в китайском языке с точки зрения их национальной специфики. Рассматривается этимология фразеологизмов, содержащих концепт «дракон», выявляются специфические национально-культурные черты, заключенные в подобных фразеологизмах. Осуществляется попытка исследовать фразеологизм как комплексное явление, сочетающее в себе грамматические, лексические, стилистические, социокультурные и национальные особенности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, концепт «дракон», языковая картина мира, социокультурная картина мира.

Развитие переводоведения в настоящее время играет наиболее важную роль в развитии контактов между различными странами и установлении взаимопонимания между народами [1–3]. Один из самых сложных для перевода языков — это китайский, имеющий множество вариаций, знание которых необходимо для осуществления качественного перевода и переговорной деятельности [4–5]. Сложность возникает тогда, когда переводчик сталкивается в тексте с поговорками и фразеологизмами, большинство из которых основано на именах и событиях, относящихся к истории, либо связанных с мифическими персонажами [6].

Если говорить о культуре Китая, то лингвисту-переводчику необходимо обладать знаниями о истории, традициях, литературе, искусстве, нравах и обычаях народа, особенностях восприятия китайцами окружающего мира и т.д. Например, некоторые фразеологизмы в китайском языке сохранили имена известных исторических деятелей, таких как Чжугэ Лян или Цзянь Тайгун: 事后诸葛亮 shìhòu zhūgē liàng «крепок задним умом»; «Старец Цзянь ловит рыбу — сидит и ждет, когда она сядет на крючок»; сидеть и ждать у моря погоды». Чжугэ Лян был известным полководцем в эпоху Троецарствия, отличавшимся мудростью и умением выходить из трудных положений, поэтому в приведенном выше фразеологизме «быть Чжугэ Ляном после события» это все равно, что «махать кулаками после драки». Во втором фразеологизме речь идет о старце Цзяне — легендарном мудреце и праведнике, житие которого легенда относит ко времени правления чжоуского Вэнь-вана (XII в. до н. э.). Данный фразеологизм стал основой многих пословиц, поговорок и недоворок и т.п. Как гласит легенда, он был большим любителем рыбной ловли и приводил за этим занятием много времени. При этом рыба, как бы отдавая дань его праведности и мудрости, шла к нему даже на пустой крючок» [7, с. 109].

Фразеологизмы китайского языка наиболее точно передают и показывают специфику национального характера народов, так как именно они сохраняют в себе весь колорит и особенности развития языка, его истории. Система образов, зафиксированных во фразеологическом со-

ставе языков, обусловлена особенностями материальной, социальной и духовной культуры и свидетельствует национально-культурном опыте и традициях народа. С помощью данных образов создается фразеологическая картина мира. Она является универсальной, свойственной всем языкам образной системой особых устойчивых вербальных единиц, передающих особенности национального мировидения. В основе фразеологической картины мира лежит образное видение мира, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды [8, с. 87].

Фразеологические единицы являются одним из способов передачи национальных стереотипов, среди которых можно выделить этностереотипы, то есть относительно устойчивые исторически сложившиеся представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей [9]. Так, например, правильное восприятие китайских фразеологизмов, построенных на символике дракона, возможно лишь при раскрытии их культурно-исторического фона, только в данном случае инокультурному коммуниканту становится понятен положительный смысл фразеологизмов с концептом «дракон». В китайской культуре дракон занимает специфическое, очень высокое место. Иностранцы называют Китай «Великим драконом Востока», а сами китайцы называют себя «потомками дракона». Поэтому в китайской фразеологии особенно много выражений связано именно с драконом. Дракон — это 5-ое животное из цикла 12-ти. Символ дракона проник в качестве номинативной единицы во все сферы материальной и духовной жизни китайцев, начиная от атрибутики императора и заканчивая национальной кухней, что, в очередной раз, доказывает значимость этого существа и в настоящее время.

Правильная интерпретация фразеологических единиц и, соответственно, фразеологической картины мира предполагает наличие у носителей языка определенного набора фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с элементами культуры. Черты характера у людей любой национальности одинаковы, но распределяются и проявляются они по-разному — в зависимости

от народных традиций, культуры, национального темперамента и менталитета. Во фразеологии находят свое отражение либо наиболее характерные для данного этноса черты, либо наиболее яркие и потому отчетливо запоминающиеся. Непосредственная невыводимость целостного значения идиомы из суммы лексических значений компонентов, их семантической сочетаемости — универсальное свойство фразеологизмов этого типа в самых разных языках мира. Но это не означает отсутствия логической связи между ними и полной невозможности их сопоставления. Логическая связь целостного значения фразеологической единицы с лексическим значением ее компонентов опирается на образ — то наглядное представление, «картинку», на фоне которой мы и воспринимаем это целостное значение как обобщенно-переносное [10]. Фразеологический образ чаще всего сохраняет национальную специфику фразеологизмов, поскольку он очень часто опирается на реалии, известные только одному народу. Представителю другой нации, который не обладает фоновыми знаниями, весьма трудно догадаться о его значении. Но этот зрительный образ, возникающий в нашем сознании, — явление не лингвистическое, а имеет отношение к психологии, связывающее денотат с языковыми знаками. Составными частями фразеологического образа являются специфические для определенной нации реалии (топонимы, антропонимы, гидронимы), которые воспринимаются носителями языка очень легко, так как лингвистические маркеры его национальной ограниченности «лежат на поверхности», выявляются без особых трудностей. Но чаще всего национальная специфика образа не осознается так «легко и сразу»: для ее выявления необходим более глубокий анализ, обращенный к исторической этимологии отдельных лексических компонентов и их грамматических структур [11]. Например, «височная прядь волос» не имеет аналога в русском языке. А в Древнем Китае такую прядь специально отращивали и мужчины и женщины. По ним сразу узнавали китайцев.

Мифический дракон — плод фантазий древних китайцев. Он может вызывать ветер и дождь, взлетать на небо и погружаться в воду. Согласно древним поверьям, дракон-зеленый, цвета травы. О гениальном, талантливом человеке говорят, что он подобен дракону. Фразеологизм 放龙入海 fàng lóng rù hǎi «пустить дракона в море» означает «дать возможность раскрыть свои дарования». Например, 龙眉凤目 lóng méi fèng mù «(у человека) брови дракона, глаза феникса» — так говорят о человеке, у которого «вид представительный, дух широкий» (здесь мы дословно нужно переводить определение, традиционно используемое китайскими фразеологическими словарями — оно также представляется нам этнокультурно маркированным и отражает особое восприятие дракона китайским языковым сознанием), 龙驹凤雏 lóng jū fèng chú — «жеребенок дракона и феникса» — (об умном талантливом юноше), 龙行虎步 lóng xíng hǔ bù — «человек ходит, как дракон, шагом тигра» (о человеке с воинственным, бравым темпераментом). 龙 lóng shēng lóng

«у дракона рождается дракон». Так говорят, когда «у хорошего отца и сын хороший». Интересно, что в день праздника лета — пятого числа пятого месяца по лунному календарю проводятся состязания на лодках, с украшениями в виде головы и хвоста дракона. В Китае во время народных гуляний происходит представление с фонарями в виде дракона, танцы с огненным драконом.

Согласно китайской мифологии, дворец царя драконов находится в морских и речных глубинах. Поэтому фразеологизм 龙潭虎穴 lóng tán hǔ xué «пучина дракона и пещера тигра» означает «опасное место». Существует выражение 出龙潭, 又入虎穴 chū lóng tán yòu rù hǔ xué «выйти из пучины дракона и войти в логово тигра», что соответствует русскому выражению «из огня да в полымя». Дракон сравнивается с тигром и фениксом и, в то же время, противопоставляется рыбе и змее как низменным животным. В императорском Китае дракон являлся символом императора и города. Императорское судно называли 龙船 lóng chuán «драконовое судно». В древней натурфилософии дракон является символом мужского начала в природе, символом мужской воли, стойкости, поэтому в именах, которые дают китайским мальчикам, иероглиф 龙 lóng «дракон» встречается чаще других.

Фразеологизмы создают сказочный мир китайского фольклора. Существует предание о художнике, который жил во времена Южных и Северных династий (VII вв. н. э.). Однажды он нарисовал на стене четырех драконов, но не нарисовал им зрачки, чтобы они не улетели. Окружающие его люди не поверили этому и попросили его пририсовать зрачки драконам. Только художник пририсовал зрачки двум драконам — как грянул гром, сверкнула, молния, распалась стена и два дракона, которым художник успел пририсовать зрачки, на облаке вознеслись на небо, а те драконы, у которых не были нарисованы зрачки, остались на стене. Отсюда возник фразеологизм 画龙点睛 huà lóng diǎn jīng «рисую дракона, нарисовать ему и зрачки». Его употребляют, когда нужно сказать «закончить работу, сделав последние один-два мастерских штриха». А фразеологизм означает 画龙不点睛 huà lóng bù diǎn jīng «оставлять работу незаконченной, создать вещь без души» [12, с. 154].

Таким образом, фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка. Они тесно связаны с историей, культурой, традициями и литературой народа. Часто употребляемые в обычной речи слова и обороты, имеют очень глубокие исторические корни [6, с. 13]. Следовательно, комплексное изучение подобных фразеологизмов увеличивает знание о культуре, литературе и социокультурном развитии исследуемого народа. Только комплексно, соотнося образы с понятиями, смыслом, возможно выявить культурно-национальную значимость выражения. Фразеологический фонд языка — ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них «законсервированы» представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т. д.

Литература:

1. Тихонова, Е. В. Особенности реализации тренинга в обучении устному последовательному переводу // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 132–136.
2. Гураль, С. К., Тихонова Е. В. Организация процесса обучения устному последовательному переводу в свете синергетической теории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 77–82.
3. Тихонова, Е. В. Развитие профессиональной компетентности переводчика на основе виртуальной обучающей среды Moodle // Язык и культура. 2015. № 1 (29). с. 169–175.
4. Привороцкая, Т. В. Способы достижения речевой компрессии при переводе с субтитрами (на материале фильма Цзинь Ма «Мулан», КНР, 2009 г) // Язык и культура. 2013. № 2 (22). Томск: Издательство Томского университета. С. 61–67.
5. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). Томск: Издательство Томского университета. С. 38–44.
6. Донченко, А. В. Китайский деловой этикет / А. В. Донченко // Гуманитарные аспекты российско-китайских отношений: материалы Международной молодежной конференции, 27–28 ноября 2014 г. Томск, 2014. с. 36–38.
7. Алефиренко, Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремология. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 344 с.
8. Георгиева, С. Познание культуры через фразеологию. Слово. Фраза. Текст. М., 2002. -240с.
9. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Наука, 1993. — 302 с.
10. Солнцева, Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков. — М.: Наука, 1985. — 256 с.
11. Сорокин, Ю. А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий. — М., 1978–205с.
12. Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 240 с.
13. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02/Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. Томск, 2014

Etymological and semantic criteria in polysemy and homonymy

Жумаева Шахло Шокировна, ассистент

Бухарский филиал Ташкентского института ирригации и мелиорации (Узбекистан)

Jumayeva Sh. Sh.

Teacher of TIIM Bukhara Branch

As we know, two or more words identical in sound and spelling but different in meaning, distribution and (in many cases) origin are called *homonyms*. The term is derived from Greek (*homos* 'similar' and *onoma* 'name') and thus expresses very well the sameness of name combined with the difference in meaning.

There is an obvious difference between the meanings of the symbol *fast* in such combinations as *run fast* '*quickly*' and *stand fast* '*firmly*'. The difference is even more pronounced if we observe cases where *fast* is a noun or a verb as in the following proverbs:

A clean fast is better than a dirty breakfast;

Who feasts till he is sick, must fast till he is well.

Fast as an isolated word, therefore, may be regarded as a variable that can assume several different values depending on the conditions of usage, or, in other words, distribution. All the possible values of each linguistic sign are listed in dictionaries. It is the duty of lexicographers to define

the boundaries of each word, i. e. to differentiate homonyms and to unite variants deciding in each case whether the different meanings belong to the same polysemantic word or whether there are grounds to treat them as two or more separate words identical in form. In speech, however, only one fall the possible values is determined by the context, so that no ambiguity may normally arise. There is no danger, for instance that the listener would wish to substitute the meaning '*quick*' into the sentence: *It is absurd to have hard and fast rules about anything or think that fast rules here are 'rules of diet'*. Combinations when two or more meanings are possible are either deliberate puns, or result from carelessness. Both meanings of liver, i. e. '*a living person*' and '*the organ that secretes bile*' are, for instance, intentionally present in the following play upon words: «*7s life worth living?*» «*It depends upon the liver.*'

Very seldom can ambiguity of this kind interfere with understanding. The following example quoted from lies, I

sound somewhat artificial, but may him also a deliberate joke and not carelessness:

The girls will be playing cricket in white stockings. We hope they won't get too many runs. Runs in this context may mean either 'ladders in stockings' or 'the units of scoring, made by running once over a certain course' (a cricket term).

Homonymy exists in many languages, but in English it is particularly frequent, especially among monosyllabic words. In the list of 2540 homonyms given in the Oxford English Dictionary 89% are monosyllabic words and only 9,1% are words of two syllables. From the viewpoint of their morphological structure, they are mostly one-morpheme words. Many words, especially those characterized by a high frequency rating, are not connected with meaning by a one-to-one relationship. On the contrary, one symbol as a rule serves to render several different meanings. The phenomenon may be said to be the reverse of synonymy where several symbols correspond to one meaning.

Comparative typological analysis of two linguistic phenomena in English, Russian and Uzbek

The most widely accepted classification is that recognizing homonyms proper, homophones and homographs. Homonyms proper are words identical in pronunciation and spelling, like/as if and liver above or like *scale* 'one of the thin plates that form the outer covering of most fishes and reptiles' and *scale*, 'a basis for a system of measuring'.

Homophones are words of the same sound but of different spelling and meaning:

<i>Air-heir;</i>	<i>Piece-peace;</i>
<i>Arms-alm;</i>	<i>Rain-reign;</i>
<i>Buy-bye-by;</i>	<i>Scent-cent-sent;</i>
<i>Him-hymn;</i>	<i>Steel-steal;</i>
<i>Knight-night;</i>	<i>Storey-story</i>
<i>Not-knot;</i>	<i>Write-right-rite</i>
<i>Or-ore-oar;</i>	<i>Meet-meat</i>

For example, in the sentence «*The millwright on my right thinks it right that some conventional rite should symbolize the right of every man to write as he pleases.*», the sound complex [rait] is noun, adjective, adverb and verb, has four different spellings and six different meanings.

The difference may be confined to the use of a capital letter as in *bill* and *Bill*, in the following example:

«*How much is my milk bill?*» «*Excuse me, Madam, but my name is John.*»

Homographs are words different in sound and in meaning but accidentally identical in spelling:

<i>bow [bou] -bow [bau]</i>	<i>tear [tea] -tear [tia];</i>
<i>lead [li: d] -lead [led];</i>	<i>wind [wind] -wind [wand]</i>
<i>row [rou] -row [rau];</i>	<i>read [ri: d] -read [red]</i>
<i>sewer [sua] -sewer [sjua];</i>	

It has been often argued that homographs constitute a phenomenon that should be kept apart from homonymy as the object of linguistics is sound language. This viewpoint can hardly

be accepted. Because of the effects of education and culture written English is a generalized national form of expression. An average speaker does not separate the written and oral form. On the contrary he is more likely to analyze the words in terms of letters than in terms of phonemes with which he is less familiar. That is why a linguist must take into consideration both the spelling and the pronunciation of words when analyzing cases of identity of form and diversity of content.

Typological analysis of homonymy and polysemy in three languages

Below we would like to compare the English differences between homonymy and polysemy with Russian and Uzbek equivalents.

As it was noticed above we have polysemy and homonymy in both Russian and Uzbek. As in English, in Russian and Uzbek homonyms are words identical in sound and spelling but different in meaning.

For example, «*завод*» — «*an industrial undertaking*» and «*завод*» — «*a device which brings an action of a mechanism*».

«*o't*» — «*firewood*», «*o't*» — «*grass*» and «*o't*» — «*the verb which means movement*».¹

«*olma*» — *means apple*, «*olma*» — *means not to take*.

«*ot*» — *means to throw*, «*ot*» — *means the horse*

As in English, in Russian and Uzbek we correspond to polysemantic words the words which have several connected meanings.

For example, «*кольцо*» — «one of the jewelry things» and «*кольцо*» — «a shape

of something, e. g. smoke». Another example is «*ko'z1*» — «a part of human's body» and «*ko'z2*» — «a sing on wood».

As in, English there is the lexical method of distinction of polysemy and homonymy is used in Russian and Uzbek in the same degree.

For example, in Russian the word «*коренной*» — *used in the meaning of «коренной житель»* is referred to its synonym «*исконный, основной*» and the word «*коренной*» «in the meaning of «*коренной вопрос*» corresponds to the synonym «*главный*». The words «*основной*» «*главный*» used in this sense are synonymic in their character, so we may conclude, therefore, that in this example we have two meanings of one word.

The word «*худой*» — used in the meaning of «*не упитанный*» is formed in the synonymic row with the adjectives «*тощий, щуплый, сухой*» while the word «*худой*» forms its meaning with the adjectives «*плохой, скверный, дурной*». So we can draw a conclusion that the words «*тощий*», «*щуплый*» are not synonyms with the words «*плохой*», «*скверный*». So in this case the words «*худой*» and «*худой*» are homonyms.

In Uzbek we have the same phenomenon: For example, *the word «dum» — «a part of animal's body» and «dum» «a partial comet».*

It means that these two meanings can be substitutive with synonymy «*the end of the body*». It means that these words are polysemantic in their lexical meaning.

If we take another pair of words, e. g. «*yoʻz*» — «*summer*» and «*yoʻz*» — «*the form of the verb which expresses the order to write*».

2. Ethimological method can be shown in the following:

For example, the word «*голос*» used in the meaning of «*sounds which are created when we speak*», and the word «*голос*» in the meaning of «*sounds which appear in the course of vibration of humans' vocal cords*» and «*голос*» in the meaning of «*to give your vote on election*». The words «*голос1*» and «*голос2*» can be substituted by the synonym common for both these words — «*sound*», while the third meaning of this word has nothing in common with the mentioned synonym. So we are able to draw the following conclusion: the first mentioned two meanings of the word «*голос*» are synonymic to each other, while the third mentioned meaning is homonymic to the previous twos.

Such kind of examples we can find in the Uzbek language as well. For instance, the words «*ovoʻz1*» we can substitute into the synonym «*sound*» while the word «*ovoʻz2*» in the meaning of «*opinion a group of people*» is homonymic to the first one, e. g. «*yoshlar ovozi*».

[¹In this chapter we partially used the materials of the investigations of Prof. Buranov]

3. The semantic criterion can also be compared in all three languages.

For example, in Russian the word «*шляпка1*» used in the meaning of «*one of the things of woman's clothes*» and the word «*шляпка2*» used in the meaning of «*the top beginning of a mushroom or a nail*» can be compared as following: these two meanings mean «*something round and located on the top*». So these two meanings are synonymic between each other.

The same example we can find in Uzbek. For instance, the word «*bosh1*» used in the meaning of «*part of human's body*» and the word «*bosh2*» used in the meaning of «*beginning of the work*, e. g. «*ishning boshi*». These two meanings are alike because they do the same function, so they are not homonymic, they are synonyms.

4. Morphological method of distinction of polysemy and homonymy can also be demonstrated in all the languages compared.

For example, in Russian, the noun «*хлеб1*» used in the meaning of «*хлебный знак*» and «*хлеб2*» used in the meaning of «*пищевой продукт, выпекаемый из муки*» form the adjective with the help of the suffix «*-н*».

Examples: «*Хлебные восходы*» and «*Хлебный запах*».

In Uzbek the word «*oy1*» — means month, e. g. «*Yilda 12 oylar bor*» and «*oy2*» — means the moon e. g. «*oy — yerning yo'ldoshi*» form the new word with the help of the suffix «*lik*»:

Examples: «*Oylik maoshi*» and «*Bir oylik 14 kundan iborat*».

So having analysed the phenomena of homonymy and polysemy in the three languages we can draw the following conclusion to this chapter: there are not so big differences in these languages in respect to the linguistic phenomena analysed.

However, the following conclusion can also be drawn: the problem of distinction of homonymy and polysemy in all the languages compared has not been investigated thoroughly yet and there is still much opportunities to discover new fields of approaches and this problem is still waiting its solvation.

Conclusion

Having analyzed the problem of homonyms in Modern English we could do the following conclusions:

a) The problem of homonyms in Modern English is very actual nowadays.

b) There are several problematic questions in the field of homonymy the major of which is the problem of distinguishing of homonyms and polysemantic words..

c) A number of famous linguists dealt with the problem of homonyms in Modern English. In particular, Profs. A. Buranov and J. Muminov were the first who dealt with this problem in our Republic,

d) The problem of homonymy is still waiting for its detail investigation.

References:

1. Ginzburg R. S. et al. A Course in Modern English Lexicology. M., 1979 pp. 72–82
2. Buranov, Muminov Readings on Modern English Lexicology T. O'qituvchi 1985 pp. 34–47
3. Arnold I. V. The English Word M. High School 1986 pp. 143–149
4. O. Jespersen. Linguistics. London, 1983, pp. 395–412
5. Jespersen, Otto. Growth and Structure of the English Language. Oxford, 1982 pp. 246–249
6. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford 1964., pp. 147, 167, 171–172
7. V.D. Arakin English Russian Dictionary M. Russky Yazyk 1978 pp. 23–24, 117–119, 133–134
8. Abayev V.I. Homonyms T. O'qituvchi 1981 pp. 4–5, 8, 26–29
9. Smirnitsky A. I. Homonyms in English M. 1977 pp. 57–59, 89–90
10. Dubenets E. M. Modern English Lexicology (Course of Lectures) M., Moscow State Teacher Training University Publishers 2004 pp. 17–31
11. Akhmanova O. S. Lexicology: Theory and Method. M. 1972 pp. 59–66
12. Burchfield R. W. The English Language. Lnd., 1985 pp. 45–47
13. Canon G. Historical Changes and English Wordformation: New Vocabulary items. N. Y., 1986. p. 284
14. Howard Ph. New words for Old. Lnd., 1980. p. 311

15. Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotics. Social Interpretation of Language and Meaning*. Lnd., 1979. p. 53, 112
16. Potter S. *Modern Linguistics*. Lnd., 1957 pp. 37–54
17. Schlauch, Margaret. *The English Language in Modern Times*. Warszawa, 1965. p. 342
18. Sheard, John. *The Words we Use*. N. Y., 1954. p. 3
19. Maurer D. W., High F. C. *New Words — Where do they come from and where do they go*. *American Speech*, 1982. p. 171
20. Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика. Омонимические средства языка*. М. 1974. стр. 46
21. Беляева Т. М., Потапова И. А. *Английский язык за пределами Англии*. Л. Изд-во ЛГУ 1971 Стр. 150–151
22. Арнольд И. В. *Лексикология современного английского языка*. М. Высшая школа 1959. стр. 212–224
23. Виноградов В. В. *Лексикология и лексикография. Избранные труды*. М. 1977 стр 119–122
24. *Bloomsbury Dictionary of New Words*. М. 1996 стр. 276–278
25. Hornby *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Lnd. 1974 стр. 92–93, 111
26. *Longman Lexicon of Contemporary English*. Longman. 1981 pp. 23–25
27. Трофимова З. С. *Dictionary of New Words and New Meanings*. Изд. 'Павлин', 1993. Стр. 48
28. *World Book Encyclopedia NY Vol 8 1993* p. 321
29. Internet: <http://www.wikipedia.com/English/articles/homonymy.htm>
30. Internet: [http://www.mpsttu.ru/works/english_philology/Э.М.Дубенец.Курс лекций и планы семинарских занятий по лексикологии английского языка.htm](http://www.mpsttu.ru/works/english_philology/Э.М.Дубенец.Курс_лекций_и_планы_семинарских_занятий_по_лексикологии_английского_языка.htm)
31. Internet: [http://www.freeessays.com/english/M. Bowes Quantitative and Qualitative homonymy.htm](http://www.freeessays.com/english/M.Bowes_Quantitative_and_Qualitative_homonymy.htm)

Особенности образования терминов автомобилестроения путем метафоризации в английском и русском языках

Зими́на Алёна Сергеевна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Человек находится в тесном взаимодействии с непрерывно меняющимся миром. Главным посредником выступает язык, который предоставляет возможность упорядочить и систематизировать множество знаний, для создания более четкой языковой картины мира.

С конца прошлого столетия происходят колоссальные изменения во всех отраслях промышленности. Автомобилестроение — одна из ведущих областей машиностроения. Терминология автомобилестроения появилась задолго до появления первых автомобилей в Англии и России. Связано это с тем, что попытки, создания транспортных средств, длились на протяжении нескольких веков и были бы невозможны без различных разработок, применявшихся в областях других наук. Термины, связанные с автомобилестроением, с техническим устройством автомобиля, приобретают все более широкое распространение. Следовательно, терминология автомобилестроения вызывает все больший интерес не только у специалистов в этой области и владельцев автомобилей, но и ученых лингвистов. Один из способов создания терминов — это метафоризация терминологии происходит в результате переноса значения одного предмета на другой по сходству признаков. Другими словами можно сказать, что метафора является одним из способов образования терминов. Исследования метафоры были начаты Аристо-

телем более 2000 лет назад. С тех пор многие ученые занимались изучением свойств метафоры, ее природы, ее функций.

Стоит отметить, что большинство использованных метафор в описаниях строения автомобиля основано на сходстве с человеком, с животными, с предметами которые мы используем в быту. Возможно, это связано с тем, что в современном мире автомобиль является для человека не просто механической конструкцией и средством передвижения, а нечто более близким, ведь сейчас у каждого есть свой личный автомобиль, и почти каждый четвертый владелец занимается его обслуживанием и ремонтом самостоятельно.

Термин — слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства. [1, с. 573]. Терминами обозначаются предметы или явления, их свойства и особенности в той или иной области знания. Термины лишены стилистической окраски и экспрессивности, в пределах одной отрасли знания однозначны. Они входят в конкретную лексическую систему языка, посредством создания определенной терминологии. В отличие от общепринятой лексики термины не зависят от контекста. Термины подчиняются словообразовательным, грамматическим и фонетическим правилам данного языка, соз-

даются путём терминологизации слов общенародного языка, заимствования или калькирования иноязычных терминов-элементов. Терминология каждой отрасли строится на определённых профессиональных знаниях. Она закрепляет и создает систему понятий той или иной сферы деятельности. Благодаря терминологии формируются научные труды, теории, законы. Изучением таких систем занимаются ученые лингвисты или ученые области терминоведения (прикладная лингвистика). Стоит различать два понятия терминология и терминосистема. Если первое — это более обобщенная естественно сложившаяся совокупность терминов близких областей, то второе — это конкретные или упорядоченные терминологии, отражающие отношения между понятиями, называемыми данными терминами. Терминологии и термины, как их составные части, являются инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения, то есть в терминах отражается социально организованная действительность, поэтому термины имеют социально обязательный характер. [2, с. 9]. Основные термины конкретной сферы знания издаются в виде специальных терминологических сборников.

Метафора (от др.-греч. *μεταφορά* — «перенос», «переносное значение») — это троп, или фигура речи, которая использует название объектов одних классов для описания объектов других классов. Понятие метафоры впервые было введено Аристотелем, оно отражает понимание искусства как зеркала жизни. Понятие метафоры Аристотеля имеет прозрачную грань с гиперболой — преувеличением, синекдохой — иносказанием и банальным уподоблением, сравнением и иносказанием. Есть метафоры, которые олицетворяют предметы и явления (бегущая вода), овеществляют их (нервы из стали), используют отвлечение (поле деятельности). Метафорой могут быть практически все части речи. Чем ярче и необычнее метафора, тем наиболее полным и глубоким становится понимание смысла, восприятие чувств и эмоций автора читателем или слушателем.

В метафоре какое-то одно или несколько свойств переносятся на предмет или явление с другого предмета или явления, но эти последние не выступают в тропе непосредственно, а лишь подразумеваются.

Метафора употребляется довольно часто, мы используем метафоры даже в повседневном общении. Так же у метафоры существует много различных интерпретаций одного значения. Именно поэтому, являясь продуктом мыслительно-речевой деятельности человека, языковая картина мира не может обойтись без использования метафор, потому что метафоры уже настолько проникли в концептуальную сердцевину науки.

Метафора — это главное средство вторичной номинации. Другими словами метафора позволяет создавать новые понятия на основе уже существующих, путём перенесения свойств с одного предмета или явления, на другое. В ходе развития лингвистической науки метафора уже

стала всеобъемлющим феноменом. Учитывая, что с одной стороны, метафора выражает непосредственное сходство между свойствами референтов, для того чтобы она была понятна, а с другой стороны, о сходстве не может быть и речи, ведь метафора все же создает некий новый смысл. А так же то, что основой метафоры является ассоциативность, например какая-то общепринятая информация, использованная совсем в другом контексте. Так, к примеру, мы можем взять слово «море», каждый из нас прекрасно знает, что море — это нечто безграничное, потому что мы не видим берегов, дна. И если это слово будет использовано как метафора, например «море радости, конфет», у каждого сразу возникнет ассоциация, что предмета или явления настолько много, что оно не имеет определенного количества.

В связи с тем, что метафора как способ создания новых образов изучена не полностью, и терминов образованных метафоризации не так много, нет систематически разработанной теории метафоры и определенных конкретных способов метафоризации.

Метафоризация терминов DEAD ANGLE (мёртвый угол), DEAD AXLE (не вращающаяся ось) была сделана на основе значения слова dead — мёртвый, в переносном значении не действующий.

В английском языке ясная ассоциация возникает при использовании слова CARPET (*букв. ковёр*) в терминологии автомобилестроения данный термин использован для обозначения *дорожного покрытия, или внутренней обшивки автомобиля*. Так же очень близкое для понимания как в русском так и в английском языках слово CATERPILLAR — ГУСЕНИЦА (*биол. насекомое*) в терминологии автомобиля — это *замкнутая сплошная лента или цепь из шарнирно-соединённых звеньев (в двигателе)*, данный термин образовался на основе внешнего сходства. То же самое произошло с терминами APRON (*фартук*) — *элемент головной части опоры, закрывающий опорные части от попадания воды и грязи*, BUTTERFLY (*букв. бабочка*) — *дроссельная заслонка* и другие.

Метафорический перенос значения с одного предмета на другой происходит в основном, как уже говорилось ранее, благодаря яркой ассоциативности метафоры, основанной на сходстве свойств, характеристик и особенностей предметов, такие как форма, цвет, деятельность, качество и др.

Формирование и существование автомобильной терминологии неразрывно связано с развитием научных и технических разработок, которые в свою очередь требуют появления новых понятий, новых терминов, новых наименований. Поэтому при изучении следует обращать внимание на нововведения.

Благодаря приведенным примерам, можно сказать, что метафора сыграла большую роль в создании терминологии автомобилестроения. Наш язык меняется, с течением времени появляются все новые и новые области знаний, метафора помогает нам эти знания систе-

Модели семантической деривации в русском и английском вариантах терминологии автомобилестроения

Исходная сфера использования термина	Признак	Русский язык	Английский язык	Субмодель
Анатомия (строение человека)	Части-целого	ПАЛЕЦ КОЛЕНО ПЛЕЧО кривошипа ПЛЕЧО коленчатого вала ЗУБЧАТАЯ рейка	ARM of action KNEE action FACE angle Angle TOOTH BODY	Части тела человека
	Состояние, Качество, характеристика, свойство	МЕРТВАЯ зона	DEAD battery DEAD angle BABY compressor	
Названия предметов быта	Части — целого	ВИЛКА переключения передач электролитическая ВАННА ВИЛЬЧАТЫЙ подшипник ИГОЛЬЧАТЫЙ подшипник ЧАШКА клапанной пружины ТАРЕЛКА клапана	PLATE clutch CAN accumulator KNIFE bearing DOUBLE CUP bearing	Предметы постоянного пользования
Природа	Части — целого	ГУСЕНИЦА СОБАЧКА ЛАПА крепления картера	CATEPILLAR BUTTERFLY FROG cam SPIDER center	Названия животных, их частей тела

материзировать и сделать более простыми и понятными. И для того чтобы в языке не появлялось бесчисленное количество новых слов принято использовать метафору.

Которая вместе с другими тропами «реанимирует» наш язык, делая его все более образнее, красочнее и понятнее.

Литература:

1. Лопатин, В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь: около 35000 слов. — 4-е изд. — М.: Русский язык, 1997
2. Реформатский, А. А. «Термин как член лексической системы языка. Проблемы структурной лингвистики». М., 1968.
3. Телия, В. Н. «Вторичная номинация и её виды. Метафора в языке и тексте». М.: Наука, 1988
4. Лакофф, Дж., Джонсон, М. «Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры». — М.: Прогресс, 1990

К вопросу перевода пословиц и поговорок с цифрами и числами (на примере русского и английского языков)

Игнатенко Кристина Владимировна, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Числа всегда имели большое значение для разных народов. Они легли в основу представлений о мироздании, им придавалось символическое значение, они рассматривались в качестве божественных символов, что не могло не отразиться на языке и культуре. Их значение можно проследить, тщательно изучив употребление пословиц и поговорок с числовым компонентом.

Пословицам и поговоркам свойственно образное содержание, скрытый смысл, идиоматичность. Они отражают богатый исторический опыт народа, социальный

уклад, быт, различные представления, чувства и культуру людей. Смысл и ситуации, когда их следует употреблять, понятны носителям языка, даже если забываются реалии, связанные с возникновением пословиц [2].

В. С. Виноградов отмечает пять способов перевода пословиц и поговорок:

- полное пословное соответствие;
- частичное пословное соответствие;
- «псевдопословичное» соответствие;
- калькирование;
- описательный перевод [1].

На наш взгляд, пословицы и поговорки следует переводить как фразеологические единства. Приведем несколько примеров русских пословиц и поговорок, в которых есть числа и цифры, и их английские эквиваленты:

Русские пословицы и поговорки	Значение	Английские эквиваленты
Минутка час бережёт.	что все нужно делать вовремя	<i>A stitch in time saves nine.</i>
Первый блин комом.	даже если первая попытка неудачная, не стоит отчаиваться	<i>It is the first step that is troublesome.</i>
Одна ласточка весны не делает.	говорится с осторожностью, когда хотят предостеречь от поспешных выводов	<i>A single bamboo can't form a row.</i>
Лучше синица в руках, чем журавль в небе.	лучше реально обладать немногим, чем стремиться иметь что-либо большее	<i>A bird in the hand is worth two in the bush.</i>
Один в поле не воин.	работая в сплоченной команде человек, может достигать большего, чем работая «в одиночку»	<i>One-to-one is the fight you can win, but battle you'll only win as a team.</i>
Один раз живем.	нужно уметь наслаждаться каждым мгновением	<i>You only get one shot at life.</i>
От великого до смешного — один шаг.	серьезное, важное нередко чередуется со смешным	<i>One step above the sublime makes the ridiculous.</i>
От любви до ненависти один шаг.	между ненавистью и любовью существует тонкая грань	<i>From hate to love only one step.</i>
Беда не приходит одна.	когда неприятности следуют одни за другими	<i>Bad luck comes in threes.</i>
Не клади все деньги в один карман.	не ставьте все на одну карту	<i>Don't put all your eggs in one basket.</i>
Ум хорошо, два лучше.	два человека могут лучше и быстрее решить какую-то проблему	<i>Four eyes see more than two.</i>
За одного битого двух небитых дают.	опытный человек, научившийся на своих ошибках, дороже, ценнее многих неопытных	<i>Threatened men live long. or Failure teaches success.</i>
Скупой платит дважды.	экономив сейчас в чем-либо, потом платишь дороже	<i>Penny wise and pound foolish.</i>
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.	если браться сразу за несколько дел, то не добьешься результатов ни в одном	<i>Jack of all trades is a master of none.</i>
Как две капли воды.	идеально похожи друг на друга	<i>As like as two peas.</i>
Бог троицу любит.	что-либо возможно или неизбежно в третий раз	<i>Third time lucky.</i>
На все четыре стороны.	уехать, уйти куда угодно, куда хочется	<i>Walk/Ride/Drive off into sunset.</i>
Конь о четырех ногах, да и то спотыкается.	каждый может ошибиться, оказаться в затруднительном положении	<i>It's a good horse that never stumbles.</i>
Нужен, как собаке — пятая нога.	совсем некстати	<i>As welcome as water in one's shoes.</i>
Как свои пять пальцев.	знать что-то очень хорошо	<i>To know smth. like the palm of one's hand.</i>
Семь пятниц на неделе.	говорят о человеке, который слишком часто меняет свое мнение	<i>Rain at seven, fine at eleven.</i>
У семи нянек дитя без глаза.	дело выполняется плохо, неудовлетворительно, когда за него отвечают сразу несколько человек	<i>Too many cooks spoil the broth.</i>
Семь бед — один ответ.	рискнем, что бы ни случилось, будь что будет, все равно отвечать	<i>As well be hanged for a sheep as for a lamb.</i>
Семеро одного не ждут.	когда начинают какое-то дело без того, кто опоздал	<i>For one that is missing there's no spoiling a wedding.</i>

Семь раз примерь, один отрежь.	нужно хорошо подумать, прежде чем что-то сделать.	<i>Score twice before you cut once.</i>
Быть на седьмом небе.	«быть как в раю», испытывать состояние блаженства, счастья	<i>Be on cloud nine.</i>
Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.	верить нужно своим глазам	<i>A picture is worth a thousand words.</i>
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.	дружба дороже богатства, денег	<i>A friend in court is better than a penny in purse.</i>

Таким образом, можно отметить, что пословицы и поговорки являются духовным наследием, отражением менталитета народа. В ходе перевода пословиц и поговорок

следует учитывать смысл, метафорическое содержание, национальную культуру, подбирать фразеологические обороты и сходные по значению и эмоциональной окраске слова.

Литература:

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение. М.: ИОСО РАО, 2001. 224 с.
2. Кара, Ю. Е., Теплая О. Н. Особенности перевода пословиц и поговорок // Вестник магистратуры. 2013. № 6 (21). с. 144–145.

Особенности контекстуальной псевдоэквивалентности

Исанова Дурдона Абдурахмон кизи

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

При переводе с одного языка на другой приходится учитывать действие одних и тех же факторов логико-семантического порядка для передачи одного и того же смыслового содержания. При письменном переводе предварительное прочтение и анализ переводимого текста позволяют заранее определить характер содержания, идейную установку и стилистические особенности материала, чтобы иметь критерий для выбора языковых средств в процессе перевода [Рецкер, 2004: электр. ресурс]. Однако уже в ходе анализа текста в нем выделяются такие «единицы перевода», будь то отдельные слова, словосочетания или части предложения, для которых в данном языке, в силу создавшейся традиции, существуют постоянные незыблемые соответствия. Правда, в любом тексте такие эквивалентные соответствия составляют незначительное меньшинство. Неизмеримо больше будет таких «единиц перевода», для передачи которых переводчику придется выбирать соответствия из богатейшего арсенала средств того или иного языка, но и этот выбор, по мнению Я. И. Рецкера, далеко не произволен. Конечно, автор отнюдь не ограничивается показаниями двуязычного словаря. Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов [Рецкер, 2004: электр. ресурс].

Последнее, на наш взгляд, является одним из источников возникновения контекстуальной псевдоэквивалентности. Две лексические единицы могут быть относительно

эквивалентны в своих словарных значениях, но их реализация в рамках определенного контекста и определенного языкового окружения может вызвать у переводчика ложные аналогии. Например: английское «*decoration*» и русское «*декорация*». Обратившись к толковым словарям английского и русского языков, мы выяснили значения этих слов: **decoration** — *n. 1. The act, process or art of decorating* (действие по украшению, искусство украшения); *something used for decorating* (совокупность того, что украшает). *Interior decoration. 2. A medal or award conferred as an honour* (знак отличия, почетная награда рыцаря) [Oxford Dictionary]; **декорация** — [франц. *décoration*] *живописное или архитектурное изображение места и обстановки действия, устанавливаемого на сцене. \1 О том, что является показным, служащим для прикрытия недостатков, непривлекательной сущности чего-л* [Эл. СИС, 2003].

Таким образом, очевидно, что в своих словарных значениях эти лексические единицы частично эквивалентны, поэтому выражение *a decoration won on the field of battle* может вызвать некоторые трудности у русского переводчика.

Поэтому теория перевода может устанавливать лишь функциональные соответствия, учитывающие зависимость передачи определенных смысловых категорий от действия различных факторов. Этот принцип действителен и при определении контекстуальных значений, и при осуществлении различных лексических трансфор-

маций. Контекстуальные значения часто определяются путем интерполяции словарных значений. Трансформации подчиняются логико-семантическому принципу с учетом стилистических и экспрессивных факторов [Рецкер 2004: электр. ресурс].

Специалисты по переводу по праву отводят контексту немаловажную роль при определении эквивалентов при переводе. Так, В.Г. Гак и Ю.И. Львин помимо словарных эквивалентов, которые могут быть использованы при переводе во многих контекстах, выделяют также и контекстуальные эквиваленты, которые переводчик должен использовать в случаях, когда использование словарных эквивалентов невозможно [Гак, Львин, 1969: 8].

Однако в своей работе они не упоминают контекстуальные псевдоэквиваленты, но, на наш взгляд, отказ от словарного эквивалента в пользу контекстуального может как обогатить перевод, так и натолкнуть на ложную аналогию, которая, в свою очередь, приведет к контекстуальной псевдоэквивалентности.

Контекстуальные псевдоэквиваленты в узком смысле различаются своими референциальными значениями

и определяются лексическими единицами, в окружении которых употребляется данный псевдоэквивалент (*лексические контекстуальные псевдоэквиваленты*), а также синтаксическим строем, в рамках которого псевдоэквивалент используется в тексте (*синтаксические контекстуальные псевдоэквиваленты*).

В широком смысле контекстуальные псевдоэквиваленты не совпадают в своих прагматических значениях, то есть имеют различную эмоциональную окраску, стилистическую принадлежность, регистр и рассматриваются за пределами предложения, в котором они употребляются.

Контекстуальные псевдоэквиваленты представляют большую опасность для перевода, чем иные псевдоэквиваленты, так как предусмотреть все многообразие контекстуальных значений слова очень тяжело, для этого требуется работа с конкретным языковым материалом. Однако выделение контекстуальных псевдоэквивалентов в узком и широком смысле позволяют несколько облегчить задачу переводчика, наметив ряд закономерностей поведения данной лексики в рамках узкого контекста.

Литература:

1. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. — М.: Р. Валент, 2004.
2. Гак, В.Г. О различных типах двуязычных словарей // Тетради переводчика. — М.: ИМО, 1969.

Англицизмы: современная реальность или вынужденная необходимость?

Кадочникова Светлана Геннадьевна, преподаватель английского языка
Златоустовский индустриальный колледж имени П. П. Аносова (Челябинская обл.)

Anglicism: modern reality or a forced necessity?

Kadochnikova S. G., English teacher
Zlatoust Industrial College named after PP Anosov

Reasons for borrowing foreign words are as diverse as many faces and many-sided the process of intercultural communication. Slang and Anglicism have a means of communication, facilitating the process of adaptation to the Russian language, no doubt, is under the direct influence of the English language; and, therefore, answering the question: «What is the Anglicism — modern reality or a forced necessity?» It is with great confidence, assert that the Anglicism and contemporary are reality and a forced necessity.

Key words: Foreign words, Slang, Anglicism, the English language, reality and a forced necessity, youth slang

Мы живем в эпоху глобальных перемен. Если ещё каких-то 15–20 лет тому назад мы и думать не могли о возникновении многих явлений, которые сейчас повсеместно распространены. Вторая половина XX века и начало XXI века характеризуются глобализацией международных связей и нарастанием языковых контактов, которые осуществляются не только между носителями

различных языков, но, главным образом, при помощи средств массовой информации, а в последние десятилетия через персональные компьютеры и всемирную сеть Интернет.

Все процессы, происходящие в обществе, безусловно, отражаются в нашем языке. Постоянное развитие и совершенствование техники и компьютерной науки активи-

зировало многие процессы в языке и затронуло его лексическую систему. Это привело к созданию специальной терминологической системы. Эта система терминов использовалась сугубо специалистами данной сферы деятельности. Компьютерные термины также использовались специалистами. Теперь эти термины стали актуальны и среди широкого круга людей, так как увеличивается количество пользователей компьютеров с огромной скоростью. В связи с этим, на сегодняшний день существует богатый специфический групповой язык — подсистема языка (подязык) или *сленг* (арго) пользователей компьютеров, который зачастую называют англицизмами. Они активно входят в понятие *жаргонизмов*, которые в свою очередь входят в состав лексики и являются её частью, к тому же, жаргонизмы составляют ядро компьютерного сленга. Жаргонизмы просты в использовании, более выразительны и эмоциональны, основной функцией которых является выражение принадлежности говорящего в какой-либо социальной группе. Язык — стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, предназначенная для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире [6].

Признак стихийности возникновения и развития, а также безграничности области приложения и возможностей выражения отличает язык, от так называемых искусственных, или формализованных языков, которые используются в других отраслях знаний и от различных систем сигнализации, созданных на основе языка (азбука Морзе, знаки уличного движения и др.). По признаку способности выражать отвлечённые формы мышления (понятие, суждение) и связанному с этой способностью свойству дискретности язык качественно отличается от так называемого языка животных, представляющего собой набор сигналов, передающих реакции на ситуации и регулирующих поведение животных в определённых условиях. Сообщение животных может быть основано только на непосредственном опыте. Оно неразложимо на различительные элементы и не требует речевого ответа: реакцией на него служит определённый образ действий. Владение языком составляет одну из важнейших черт, выделяющих человека из мира животных. Язык есть в одно и то же время условие развития и продукт человеческой культуры [3].

В нашу жизнь активно заполняют технологии. Так, например, ни одна фирма, ни один человек не представляют свою жизнь без компьютера.

Так что же такое «компьютер»? Компьютер — это электронная вычислительная машина [8].

Слово «компьютер» обрело российское гражданство немногим более десяти лет тому назад, а до того времени в ходу были разного рода сокращения — ЭВМ, ЦВМ, АВМ и др. Несколько лет просуществовало уж совсем экзотическое — ПЭВМ. Сегодня мы используем слово «компьютер» даже в сочетании с префиксом

«супер», называем «компьютерами» мэйнфреймы и серверы, но все же это слово не слишком уютно обосновалось в русском языке. Что-то мешает заменить естественным «компьютерные науки» искусственно придуманный в 70-е годы эвфемизм «информатика»; дело и не дело в ход идут «информационные технологии» [7].

С начала 90-х годов термин «компьютер» вытеснил термин «электронная вычислительная машина» (ЭВМ), которое, в свою очередь, в 60-х годах заменило понятие «цифровая вычислительная машина» (ЦВМ). Все эти три термина в русском языке считаются равнозначными. Само слово «компьютер», является транскрипцией английского слова «computer», что означает вычислитель [2]. Английское понятие «computer» гораздо шире, чем понятие «компьютер» в русском языке. В английском языке компьютером называют любое устройство, способное производить математические расчеты, вплоть до логарифмической линейки, но чаще в это понятие объединяют все типы вычислительных машин, как аналоговые, так и цифровые. Для обозначения того, что мы понимаем под словом компьютер, в англоговорящих странах употребляют «personal computer» [8].

Так как термин «компьютер» переключал к нам из английского языка, следовательно, мы можем предполагать, что, практически, все термины перешли по «наследству» в русский язык, в равной степени, как и во все другие языки. В связи с этим, появилась необходимость понимать друг друга в повседневной жизни, так и возник «особый язык», или, как принято его называть — «сленг», лексические единицы которого входят в основной состав лексики любого языка [4].

Что такое лексика? От греческого слова «lexikos» — словесный словарный. Служит для обозначения словарного состава языка [6]. Этот термин используется также и в более узких значениях: для определения совокупности слов, употребляемых в той или иной функциональной разновидности языка. Лингвистической наукой установлено, что связь языка и общества предопределяется адаптацией языковой системы к языковому окружению. В научной практике принято выделять следующие лексические разделы:

- 1) общеупотребительная лексика
- 2) общенаучная лексика;
- 3) отраслевая лексика;
- 4) специализированная лексика.

К *специализированной лексике* относятся слова раздела *арго*, т.е. *профессиональная лексика*, большое количество которой входит в понятие *жаргонизмы*. Рассмотрим понятие жаргонизма и его групп, с последующим систематизированным определением роли англицизмов, как одной из групп, входящих в понятие жаргонизмов.

«Жаргон» — социальный диалект; отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладает собственной фонетической и грамматической системой [6].

Основная функция жаргона состоит в выражении принадлежности к относительно автономной социальной группе посредством употребления специфических слов, форм и оборотов. Иногда термин жаргон используется для обозначения искажённой, неправильной речи.

Жаргонизмы, составляющие ядро компьютерного сленга, более просты в использовании, и, к тому же, более выразительны и эмоциональны [3]. А что же такое «сленг»?

«Сленг» — слова, которые рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Часто это очень выразительные слова, с переносным значением, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни [6]. Сленг — это стремление к выразительности, к экспрессии: «пиршество метафор и экспрессии». Крыша поехала — выражение, рожденное в одном из жаргонов и попавшее в сленг. Со временем метафоричность этого выражения тускнеет. Сленг освежает ее: «крыша теперь и течёт, отъезжает, улетает». Слово обрастает ассоциациями, вот уже психиатр — это «кровельщик», а психиатрическая практика — «кровельные работы» [6].

Русский молодежный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными (14–25 лет), но и социальными, временным и пространственными рамками [5]. Он бытует в среде городской учащейся молодежи, а для образования сленга необходима специфическая лексика [7].

Изучение заимствований словарного состава связано с историей народа. Экономические, политические, культурные контакты с другими странами, военные столкновения накладывали свой отпечаток на развитие языка. Первые заимствования из неславянских языков проникли в русский язык еще в VIII–XII вв. и на протяжении столетий русский язык обогащался заимствованиями из скандинавских (шведского, норвежского), германских,

тюркских, греческого, латинского, итальянского, французского языков [1].

Лексическое влияние европейских языков на русский стало особенно ощущаться в XVI–XVII вв. и активизировалось в Петровскую эпоху, в XVIII в. [2]. Преобразование всех сторон русской жизни при Петре I, его административные, военные реформы, успехи просвещения, развитие науки — все это способствовало обогащению русской лексики иноязычными словами. Это были многочисленные названия новых тогда предметов быта, военные и морские термины, слова из области науки и искусства. Влияние английского языка оказалось сравнительно устойчивым: из него в русский язык проникали слова в течение всего XIX в. и позднее. Так, к этому источнику восходят слова из сферы общественных отношений, технические и спортивные термины, названия бытовых предметов: лидер, департамент, бойкот, парламент, вокзал, лифт, док, бюджет, сквер, коттедж, троллейбус, рельс, макинтош, бифштекс, пудинг, ром, виски, грог, торт, плед, свитер, пиджак, френч, финиш, спорт, спортсмен, футбол, баскетбол, волейбол, бокс, крокет, покер, хоккей, жокей, бридж, спиннинг и др. [6].

Причины заимствований иноязычных слов столь же разнообразны, насколько многолик и многогранен сам процесс межкультурной коммуникации, этот процесс не прекращается [2, 7]. А как же обстоит дело в одном из современных учебных заведений в России в наши дни?

В индустриальном колледже имени П. П. Аносова, который расположен в городе Златоусте, обучается более 800 студентов, и большинство из них изучают английский язык. В начале учебного года был проведен социологический опрос, в котором участвовало более 100 первокурсников, 15–17 лет. Этот опрос сформулировал ответ на вопрос: «Англицизмы — современная реальность или вынужденная необходимость?», приводим основные показатели опроса и сделанные выводы.

	Вопрос	Количество человек, ответивших «положительно»	Количество человек, ответивших «отрицательно»	Количество человек, затрудняющихся в ответе
1	Как вы относитесь к английскому языку?	92	-	8
2	Часто ли вы употребляете англицизмы в своей речи?	67	12	21
3	Помогают ли они?	85	2	13
4	Довольны ли вы их появлению?	90	4	6

Вывод по социологическому опросу

По результатам опроса сделаны выводы:

1) англицизм в русском языке является своеобразной средством общения, облегчающий процесс адаптации англоязычного термина;

2) сленг, помогает ускорить процесс стремительного развития компьютеров и компьютерных технологий, когда язык стремиться идти в ногу с современностью, но и усложняет его, поскольку каждый день появляется новое слово, которое требует дачи определённости, что замедляет его;

3) русский язык, вне всякого сомнения, находится под непосредственным влиянием английского языка;

4) мы должны уважать наш удивительный и богатый русский язык, по возможности, избегать употребления иноязычной лексики;

5) отвечая на вопрос: «Англицизмы — современная реальность или вынужденная необходимость?» мы с огромной долей уверенности, утверждаем, что англицизмы — это и современная реальность, и вынужденная необходимость.

Литература:

1. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка. - М.: Высшая школа 1981
2. Дьяков, А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. // Язык и культура. — Новосибирск, 2003
3. Караулов, Ю. Н. Гл. ред./Русский язык. Энциклопедия/ — М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа. 1997
4. Лихолитов, П. В. Компьютерный жаргон // Русская речь. — 1997. — № 3
5. Мокиенко, В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное/Русистика — Russistik, 1994, № 1—2
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/под ред. Шведовой Н. Ю. — 14 изд.-М.:
7. Ярцева, В. Н.. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. Ярцева В. Н. — 2-е изд. — М.:» Большая Российская энциклопедия», 1998. — 685 с.: ил.
8. [<http://www.s390.ru> Компьютеры с архитектурой IBM System/390 в России]

Some English idioms (through the example of the word «book»)

Калаева Дарья Сергеевна, студент;
 Никольская Юлия Владимировна, студент;
 Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
 Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Kalaeva Daria Sergeevna, student;
 Nikolskaya Yuliya Vladimirovna, student;
 Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
 National research Tomsk polytechnic university

There exist numerous important aspects of learning a foreign language: speaking, listening/comprehension, reading and writing. Every language has certain phrases or groups of words which, if taken literally, would be meaningless. These phrases are called idioms. They are peculiar to the language and present no difficulty in understanding for natives.

English idioms can be short or long, have a regular or incorrect structure. Idiom should be learnt as a whole, one can't change any part of it. The meaning of some idioms is difficult to guess because they have no association with the original meaning of the individual words. Thus translating idioms, a translator should rely on good knowledge of the idioms of the two languages and a taste to find a proper equivalent.

Idioms can be classified into:

- informal (e. g. alive and kicking, for my money, like a shot, etc.);
- formal (e. g. as regards, in the first instance, turn up trumps, etc.);
- verbal (e. g. burn the midnight oil, catch sight of, make fun of, etc.) [1, 2].

For better understanding and learning, idioms can be grouped in a variety of ways. For example,

- grammatically;
- by meaning;
- by verb or another key word.

Here there are some English idioms containing the word «book»:

1) *bookworm* (it means «a person who adores reading books»).

e. g. Emma is a complete bookworm. She spends all her free time reading books.

2) *hit the books* (it means «to study»).

e. g. I should hit the books tonight.

3) *by the book* (it means «to conform to the rules, not to swindle»).

e. g. Police officers should do things by the book.

4) *black book* (it means «a list of persons or things out of favor»).

e. g. Gregory is in my black book these days.

5) *not judge a book by its cover* (it means «do not judge people only by their appearances»).

e. g. Jack may seem shy and clumsy, but don't judge a book by its cover. He is one of the brightest students at the course.

6) *open book/closed book* (the first expression means «something obvious», the second on the contrary, «something unclear, difficult to guess»).

e. g. Your thoughts are an open book for me.

I'm afraid higher mathematics will always be a closed book to me.

7) *in my book* (it means «in my opinion, to my mind»).

e. g. Elizabeth is so kind in my book.

8) *take a leaf out of someone's book* (it means «to behave or to do something in a way that someone else would»).

e. g. When you don't study hard, you are taking a leaf out of my book.

9) *make book on something* (it means «to make or accept bets on something»).

e. g. She will definitely win in the dance contest. I will make book on it.

10) *every trick in the book* (it means «every clever or dishonest way that you know to achieve something that you want»).

e. g. She used every trick in the book to get his agreement to sign the document.

11) *one for the (record) books* (it means «a record-breaking or very remarkable act»).

e. g. What a movie! That's one for the record books. I've never watched such a remarkable picture.

12) *wrote the book on something* (it means «to be very authoritative about something; to know enough about something to write the definitive book on it»).

e. g. He wrote the book on thermal testing. He's been working in this field for over 40 years.

13) *coffee-table book* (it means «a book that is more suitable for display than for reading, typically, an oversize, illustrated book left on the coffee table for visitors to examine»).

e. g. It is the most popular coffee-table book among our clients.

Thus, translation of idioms is arguably one of the most difficult problems and largely depends on the context. The use of idioms makes speech emotionally colored, impressive and emphatic.

References:

1. Leah C. Idioms — grammaticality and figurativeness. http://www.theroundtable.ro/Current/Language/Claudia_Leah_Idioms_Grammaticality_and_Figurativeness.pdf (accessed May 10, 2015).
2. Seidl J., McMordie W. English idiom. OUP Oxford; 5th edition, 1988. 272 p.

Дискурс: разновидности, специфика, мнения

Калажокова Регина Зауровна, аспирант

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

Термин «дискурс» в современной научной литературе представляет собой неоднозначный, многокомпонентный и тем самым привлекающий к себе внимание объект многих исследований. Для более полного и точного понимания значения понятия «дискурс» вспомним основные определения данного термина.

Существует два основных значения термина «дискурс» — это традиционное (классическое) и современное. В традиционном понимании дискурс обозначает всякую форму проявления речевого взаимодействия людей, что выражается в последовательном развертывании мыслей, суждений. Такое понимание противопоставлялось интуитивному мышлению, свхватывающему целое вне зависимости от каких-либо построений рациональных последовательностей понятий и умозаключений. Разграничение истин, обусловленных либо наличием определенных доказательств, либо же отсутствием таковых, основанных лишь на интуиции, было обозначено еще в античности Платоном и Аристотелем.

Следует обозначить этимологию слова дискурс. Дискурс (фр. *discourse*) — в самом общем значении — это процесс языковой деятельности. В первоначальном значении в латинском языке этим словом обозначался глагол «бегать», и уже в производном смысле дискурс понимается как «использование языка», «беседа, разговор».

Изучение дискурса является одним из наиболее прогрессирующих в плане развития направлений современной лингвистики. Все множество научных гипотез, теорий дискурса, а также лингвистических школ, занимающихся исследованием данного термина, объединяет стремление познать язык не в качестве системы знаков либо абстрактного объекта изучения лингвистики, а только как реальное воплощение этой языковой системы в условиях живого общения, коммуникации.

Понятием дискурс обозначается речевая деятельность, которая происходит в самых разных областях жизнедеятельности человека: политике, философии, психологии, публицистике и др. В связи с этим принято выделять разные типы дискурса: политический, публицистический, дискурс СМИ и т. д.

Исследователи дают разные определения одному и тому же виду дискурса. Рассмотрим некоторые из них.

Многие лингвисты выделяют среди разновидностей дискурса — политический дискурс. Так, Маслова В. А. понимает под политическим дискурсом некую разновидность, которая необходима для достижения определенной степени политической власти, а также ее удержания. Она рассматривает различные языковые инструменты манипулирования, например, языковую игру, которая осуществляется посредством изменения семантики слов либо

через выбор некоторых лексем для названия тех или иных явлений. [7, с. 45]

В.З. Демьянков справедливо полагает, что исследование именно политического дискурса ведется в трех направлениях: филологического, социолингвистического и индивидуально-герменевтического. Таким образом, исследователь показывает, что изучение политического дискурса лежит на пересечении различных научных дисциплин, но его отличительное свойство заключается в его цели. А целью политического дискурса является побуждение адресата к определенным действиям в сфере политики, внушение некоторых оценок. По нашему мнению, является верным утверждение Демьянкова В.З. о том, что, исследуя политический дискурс, нельзя довольствоваться лишь изучением языковых элементов, необходимо учитывать ожидания аудитории. [3, с. 1]

Существуют и другие интересные точки зрения на сущность политического дискурса. Так, Базылев В.Н. называет политическим дискурсом некоторую семиосферу общения, рассматриваемую в реальном времени, другими словами — текущую речевую деятельность, и в виртуальном времени — представления о типичных моделях речевого поведения. [1, с. 12]

Следующий тип дискурса, который мы затронем в данном исследовании, — религиозный. Бобырева Е.В. проводит аналогии между религиозным дискурсом, педагогическим и медицинским, находя при этом много общего. Она считает, что религиозный дискурс обладает некой «театральностью», в нем присутствует обязательный компонент страха, и с этим нельзя не согласиться. Целью религиозного дискурса, по мнению исследователя, является воспитание личности. [2, с. 220]

Данную точку зрения разделяет и Кожемякин Е.А., который понимает под религиозным дискурсом деятельность, которая направлена на воздействие, формирование традиционного мышления, мироощущения. Кожемякин также признает наличие наигранности, театральности религиозного дискурса, предполагающую эмоциональную вовлеченность всех участников речевой деятельности. [6, с. 105]

Совершенно по-иному обозначает религиозный дискурс Салахова А.Г., и данное понимание представляется наиболее полным. По ее мнению, религиозный дискурс, которому присуща иерархия участников речевой деятельности, — это совокупность текстов, как устных, так и письменных, которые обслуживают коммуникацию в церковной сфере. [10, с. 531]

Наконец, рассмотрим ту разновидность дискурса, которая интересна нам в рамках именно данного исследования, а именно — публицистический дискурс.

Публицистический дискурс по праву можно назвать самым живым, динамичным, активным, постоянно ме-

няющимся типом дискурса. Он связан с реальными событиями и явлениями, происходящими в жизни общества, отражает конкретные действия в определенный промежуток времени. Публицистический дискурс обязательно предполагает диалог между адресатом и адресантом, он воздействует, убеждает, направляет в определенное русло размышлений. Если политический дискурс имеет своей целью убеждение аудитории для получения власти в области политики, то публицистический дискурс в этом смысле позиционирует себя намного шире. Ведь публицистика затрагивает многие разнообразные сферы жизнедеятельности человека и общества в целом.

Павлушкина Н.А. под публицистическим дискурсом понимает определенный текст, который актуализируется в конкретной ситуации, связанный с некоторым событием в одном и том же времени и пространстве. Отличием публицистического дискурса является его динамичность, диалогичность, открытость. [9, с. 254] Помимо отличительных характеристик можно обнаружить и сходство публицистического дискурса с дискурсом политическим, о котором говорилось выше. Ведь и тот, и другой имеют своей целью убеждение, манипулирование мыслями адресата. Эти общие черты подмечает и Клушина Н.И., определяя публицистический дискурс как любой текст, имеющий политико-идеологический подтекст, призванный воздействовать на субъект. [5, с. 70]

Современные лингвисты исследуют публицистический дискурс с разных точек зрения. Так, Немец Г.Н. рассматривает публицистический дискурс как методологический конструкт, который представляет собой систему методологических операций, направленных на сбор, переработку, передачу информации в социуме. [8, с. 67] Хорольский В.Н. говорит о культурологическом подходе изучения публицистического дискурса, что предполагает эстетический анализ текстов, интерпретацию посредством эстетических категорий. [11, с. 1]

Каждый исследователь видит объект своего научного изучения по-своему, стремится осветить неохваченные тонкости, специфические особенности. Все это позволяет увидеть изучаемое наиболее широко, всеобъемлюще. Что касается предмета нашего исследования, публицистического дискурса, как видно, существует множество мнений о его сущности, специфике. Но во всех этих научных высказываниях есть общее — несомненно, публицистический дискурс, во-первых, *лично-ориентирован*, т.е. направлен на адресата с целью получения отклика; во-вторых, имеет *языковую свободу*, выраженную разнообразием используемых лексем; и в-третьих, *ситуативно-обусловлен*, связан с конкретным пространственно-временным континуумом.

Литература:

1. Базылев, В.Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. Вып. 15. с. 5–32.

2. Бобырева, Е. В. Место религиозного дискурса в типологии дискурсов Текст./Е. В. Бобырева // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2003. — с. 218–223.
3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. — 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gumer.info/bibliothek/Buks/linguist/Article/DemPolDisk.php-52k>.
4. Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка // Язык. Личность. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой/Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. № М.: Языки славянских культур, 2005. № с. 34–55.
5. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (в аспекте культуры речи) // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Тезисы межвузовской научно-практической конференции. — СПб, 2008. с. 70–71.
6. Кожемякин, Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. № 2 (97)/том 15/2011.
7. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. — Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. с. 43–48.
8. Немец, Г. Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, № 3, 2010.
9. Павлушкина, Н. А. Релевантность массовой прессы как основа взаимодействия с аудиторией // СМИ в современном мире: Петербургские чтения: тезисы межвуз. науч. — практ. конф. СПб., 2010. с. 254–255.
10. Салахова, А. Г. Функционально-прагматическая характеристика современной религиозной проповеди Текст./А. Г. Салахова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. — с. 527–532.
11. Хорольский, В. Н. Культурологический метод изучения публицистического дискурса // RELGA, Культура, № 6 [60], 2001. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=796>

«Любовь» в контексте метафорического моделирования

Коберник Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Актуальность статьи обусловлена интегративной тенденцией исследований в сфере гуманитарных наук. Лингвоцентрическая установка замещается антропоцентрической и когнитивной: язык рассматривается как часть человеческого сознания, культуры и жизни человеческого духа. Целью статьи является реконструкция одной из когнитивных метафорических моделей семантической группы «любовь» и выявление представлений о чувстве любви в говорах Среднего Приобья.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, языковая картина мира, концептология, метафорическое моделирование, языковая репрезентация чувств и эмоций.

Современные лингвистические исследования направлены на поиск внешних детерминаций внутренних закономерностей языка: исследователи стремятся выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью; показать, что язык несет отпечаток человеческих способов освоения реальности. В то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощением языковой картины мира, язык накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком.

Чувства и эмоции существуют в сознании человека как образные представления в виде определенных когнитивных схем, репрезентирующих базовые эмоциональные ситуации. Когда человек описывает свои переживания или переживания третьих лиц, образные когнитивные сценарии эмоций активизируются и реализуются в метафо-

рических словах и выражениях. Лингвистический анализ метафорических единиц, описывающих чувства и эмоции, позволяет выявить метафорические модели чувств и эмоций и реконструировать фрагмент языковой картины мира, связанный с эмоциональной сферой человека.

Предметом нашего изучения являются когнитивные метафорические модели чувств и эмоций, реализованные в системе метафорических номинаций среднеобских говоров, в качестве единицы анализа выступает слово или выражение с метафорическим значением, в котором репрезентируется эмоциональная сфера человека. Исследование проведено на материале метафорической диалектной лексики, описывающей чувства и эмоции человека [1].

Семантическую группу «любовь» образуют языковые репрезентанты дружбы, влюбленности и любви.

В сферу метафорического моделирования включаются:
— дружба, состояние влюбленности (стадия ухаживаний);

— отношения влюбленных/любящих людей;

— отношения мужчины и женщины, находящиеся в браке;

— глубокая привязанность членов семьи друг к другу;

— влечение к человеку противоположного пола (при обозначении незаконных, внебрачных отношений мужчины и женщины).

Эмоциональная ситуация «любви» метафорически интерпретируется через обращение к образам разнонаправленных движений. Поступательные однонаправленные движения, круговые вращательные движения и перемещения являются основой метафорического переосмысления любовных отношений.

Стремление привлечь внимание объекта любви, процесс ухаживаний метафорически интерпретируется как поступательное движение субъекта, ориентированное относительно конечного пункта (объекта любви):

БЕГАТЬ — **МЗ** (метафорическое значение): ухаживать, преследуя кого-либо. *У меня Степан [муж] когда стал бегать за Машей, а мне одна женщина говорит: «Найди, говорит, змеиный выползок...»* (Верш.). **НЗ** (номинативное значение): неотступно следовать. *Он [кот] прямо рёвом по пятам бегает: ешиш давай [мяса]* (Верш.);

ГОНЯТЬСЯ — **МЗ**: ухаживать, добиваться любви. *А девки цяс за парнями гонятся. А за одного парня девки дерутся* (Верш.).

НЗ: бегать за кем-, чем-л., пытаюсь поймать. *Я гоняюсь за имя [мухами], но всё равно* (Верш.). Когда увлечение кем-либо приобретает массовый характер, в качестве субъекта выступает группа людей, метафорически уподобляемая стаду, движущемуся куда-либо: ♦ **ТАБУНОМ ХОДИТЬ (БЕГАТЬ)** — **МЗ**: о массовом увлечении кем-л. *Вот и внук мой, Андрюшка, танцует хорошо, так девчонки за ним табуном ходят. Токо я не хотела замуж пойти* (Верш.). **НЗ**: Стадо лошадей, коров, других копытных животных, пасущихся вместе. *Те коровы, которые дают много, — в один табун, те, которые мало, — в другой* (Верш.).

Образ направленного перемещения объекта, приведение в круговое, вращательное движение проецируется на ситуацию привлечения ответного чувства: **ЗАКРУТИТЬ** ♦ **ЗАКРУТИТЬ ГОЛОВУ** — **МЗ**: Вскружить голову, увлечь, влюбить в себя. *На заводе я работала, таскала кирпичи. Закрутили мою голову заводски трепачи* (Верш.). **НЗ**: Крутя, свернуть, завить что-л. *Не успеваешь — она [электропрялка] прямо закрутит до того, что и сроду не распушится [нить] никогда* (Верш.).

Любовные отношения метафорически переосмысляются в глагольной семантике разнонаправленных движений: **ХОДИТЬ** — **МЗ**: находиться в близких, любовных отношениях. *Я бы дружила, я бы с тобой ходила, но у меня жись никуда не годится* (Верш.).

НЗ: перемещаться в пространстве в разных направлениях и в разное время. *Клуба нет, они [молодежь] по деревне ходют, тут на берег придут* (Верш.).

В метафорических контекстах дифференцируются искренняя, чистая любовь и любовь как наименование «внебрачных отношений». Ситуация пребывания в отношениях любви «вне брака» метафорически переосмыляется через ситуацию разнонаправленных движений: **МОТАТЬСЯ** — **МЗ**: быть в любовных отношениях с кем-либо. *Она с тем живет — с этим мотатся. Ну и разошлась с тем* (Верш.). [Ср. **ОР** (общерусское) **МОТАТЬСЯ**: двигаться из стороны в сторону, качаться, болтаться]; **ТРЕПАТЬСЯ** — **МЗ**: находиться в интимных отношениях, не будучи в браке. *Она не жила с им, так, трепалась* (М. Яр.). [Ср. **ОР**. **ТРЕПАТЬСЯ**: развеиваться, трепыхаться]. Подобные действия обуславливают и метафорический образ субъекта внебрачных отношений: **ТРЕПАЧ, ТРЕПЛО** — **МЗ**: непостоянный, ветреный мужчина. *Путного мужчину пожалеть, а тако трепло...* (Верш.).

При метафорическом обозначении подобных отношений семантика кругового движения, вращения коррелирует с семантикой обмана, намеренного введения в заблуждение: **КРУТИТЬ** — **МЗ**: находиться в любовных отношениях. *А у ей муж был, она давай крутить с однем там* (Верш.). **НЗ**: приводить в круговое движение; вращать. *Колесо ногой крутят, успевают-успевают* (Верш.). [Ср. **КРУТИТЬ**: избегать прямого ответа с помощью каких-либо уловок, хитрить. *А у кого спросишь? Скажут: «иди к тому, у кого работал. А я тебя не видел, или к тому». И так вот, ёлки, начинают крутить* (Верш.)]; ♦ **ВОДИТЬ ЗА НОС** — **МЗ**: обманывать, вводить в заблуждение. *Одна девка всё меня за нос водила* (Верш.). **НЗ**: водить; ходить с кем-л., поддерживая его, помогая ему идти. — *В прошлом годе не копала картошки: не ставала, болела... Сыновья под руку водили* (Верш.).

«Внебрачные» любовные отношения характеризуются кратковременностью: **ПОКРУТИТЬ, ПОКРУЧИВАТЬ** — **МЗ**: находиться в любовных отношениях некоторое время. *Она моталась, моталась, с мужиком связалась и потом [он] уехал далёко, далёко. Думала тоже покрутить с мужичком* (Верш.). **НЗ**: крутить некоторое время. *Закалел, пошел покрутил колворотом, дырку другу покрутил, согрелся, опять садись* (Верш.).

Образ кругового, вращательного перемещения как переосмысление внебрачных отношений является основой номинации субъекта чувства: **КРУТЕНЬ** — **МЗ**: непостоянный, меняющий свои привязанности, симпатии человек. *Если он бегаёт туды-сюды между девками, сёдня — с тобой, завтра — с другой, то вот я и называю его крутень* (Б. Яр.). В отношении действий женщины, вступающей в подобные отношения, в лексических обозначениях появляются семы 'хитрить', 'лукавить', 'вводить в заблуждение', что обуславливает и мета-

форические номинации: ♦ **ВЕРТЕТЬ ХВОСТОМ** — **МЗ**: кокетничать. *Женщина его хвостом вертит, всё с чужими (Том.). НЗ*: хитрить, лукавить, заискивать. *Ну чё, он теперь хвостом вертит перед ней, вину заглаживает (Том.); ВЕРТИХВОСТКА*: легкомысленная женщина [которая будто всё время вертит хвостом]. *Я вот тебе покажу, вертихвостка такая, ну чё ломаешься, навязалась на мою голову, чтоб тебя черти унесли (Том.)*. Представление о женщине, способной вступить в любовную связь, как о легкомысленной, обусловливает метафорический образ «ветра в голове»: **ВЕТРЕНИЦА**, **ВЕТРЕНКА**: легкомысленная, непостоянная, как ветер, женщина. *Ветреница — сегодня с тем, завтра с другим (Мох.)*.

Ситуация чувства любви метонимически связана с отношениями субъекта любви в браке, которые также переосмысляются через образы движения, перемещения в пространстве. До замужества девушка находится в доме своего отца, замужество воспринимается как уход в семью мужа: **УХОДИТЬ** — **МЗ**: вступать в брак, становиться чьей-л. женой. *А потом она обратно уходит, за другого, а ты остаёшься (Верш.). НЗ*: удаляться, отправляться куда-л. *Нас привязывали к воротам, оставляли одних и уходили на целый день (Верш.)*. Раннее замужество переосмыляется как стремительное целенаправленное движение: ♦ **ВЫЛЕТЕТЬ ЗАМУЖ** — **МЗ**: выйти рано замуж. *Я сирота была, по людям ходила — надоело, вылетела замуж семнадцати лет (Верш.). НЗ*: двигаясь по воздуху с помощью крыльев, покидать пределы какого-либо пространства и появляться в другом месте. *Улетает ласточка, улетает стрижка, улетает скворец, вылетает плишка, кукушка вылетает [на зиму] (Верш.)*. Любимый человек, жених образно именуется «залёта»: **ЗАЛЁТА**, **ЗАЛЁТКА**, **ЗАЛЁТОЧКА**: любимый, возлюбленный. *Раньше девчонок «медунками» звали, а ребят звали «залётами» (Верш.)*.

Прекращение любовных отношений метафорически описывается глаголами движения с семантикой удаления: **УБЕГАТЬ** — **МЗ**: оставлять, прекращать совместную жизнь, покидать. *Убегают, бегают и приходят. Не потому, что ты така худа или он такой худой. Всяко же есть [о мужьях] (Верш.). НЗ*: удаляться бегом, отправляться куда-л. бегом. *Собака сколь раз отвязывалась, убежала (Верш.); УЙТИ — **МЗ**: покинуть, оставить, прекратить совместную жизнь. *Из тюрьмы парнишка пришёл, она с ём спуталась, от Вовки-то ушла (Верш.). НЗ*: убежать, скрыться от чего-л. *Облава была на волков. Но убили мало: ушли в Яр (Верш.)*.*

Анализ метафорических слов и выражений, описывающих дружбу, влюбленность и любовь, позволяет рекон-

струировать когнитивную метафорическую модель «любовь — физические движения и перемещения».

Выявлены разные представления об отношениях любви в системе среднеобских говоров:

12) любовь искренняя, взаимная, связанная с заботой, вниманием, привязанностью друг к другу (обычно любовь в браке);

13) внебрачные отношения, связанные с кратковременными увлечениями.

Такое «расподобление» подчеркивается метафорическими образами, характерными для интерпретации чувств, обозначенных лексическими номинантами семантической группы «Любовь».

Метафорические образы физических движений и перемещений преимущественно характеризуют любовные отношения вне брака. Представление о «внебрачной» любви репрезентируется в метафорических образах кругового вращательного перемещения чего-либо (*крутить, закрутить, покрутить* и под.), что также является основанием для переосмысления субъекта любовных отношений (*крутень, вертихвостка* и под.).

Ситуация прекращения любовных отношений переосмыляется в семантике глаголов движения: ситуация временного прекращения любви уподобляется ситуации «убытия» откуда-либо (*убежать, уйти*), «незаконные» любовные отношения интерпретируются как разнонаправленные движения временного характера (*побежать, бегать, потрепаться, мотаться*). Возобновление отношений переосмыляется в семантике движения «прибытия», возвращения куда-либо (*прийти, принять* и под.). Прекращение отношений по воле третьего лица также интерпретируется в глагольной семантике удаления, коррелирующей с семантикой деструктивного воздействия: **УВЕСТИ** — **МЗ**: Сманить чью-либо жену (или мужа), отбив кого-либо. *А вот раньше говорили: «Она ить отбила» — раньше говорили. А час дак Танька говорит: «Ольга боится Сашку отпустить, что я его уведу». «Уведу». Не «отобью», а «уведу». Ишь как! А раньше говорили: «Она его отбивать хочет» (Верш.). НЗ*: предложить или помочь кому-л. уйти, сопровождая его. *Ну, конечно, вчера ездили по траву, так кормили [коня]. Лучше бы увести его туда (Верш.)*.

Метафорический образ «лживой» любви восходит к восприятию кругового движения как движения по кругу, из которого нет выхода, стираются границы начала и конца. Подобное безвыходное положение проецируется на любовные отношения вне брака. Такие отношения осуждаются представителями народной культуры, что также отражается в словарных пометах лексических номинантов, обозначающих подобные отношения (неодобр., осуд. и т. п.).

Литература:

1. Исследование построено на основе материала, извлеченного методом сплошной выборки из: Вершининского словаря (т. 1–7; 1998–2002); Полного словаря сибирского говора (т. 1–4; 1992–1995); Словаря просторечий

русских говоров Среднего Приобья (1977); Словаря образных слов и выражений народных говоров (1997; 2001); Мотивационного диалектного словаря: Говоры Среднего Приобья (т. 1, 1982; т. 2; 1983); Словаря старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» и дополнений к нему (1964–1986). В качестве источников материала также привлекались данные картотек, хранящихся на кафедре русского языка Томского государственного университета, а также материалы: Словаря русских народных говоров (Вып. 1–34, 1999); Словаря русских говоров Сибири (т. 1,2; 1965–1999); Материалы, представленные в монографиях: Е. В. Иванцовой «Феномен диалектной языковой личности» (2002); Т. А. Демешкиной «Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики» (2000).

Translation Problem of Humour

Кобякова Ирина Карповна, кандидат филологических наук, доцент
Сумской государственной университет (г. Сумы, Украина)

Кобзева Надежда Александровна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В статье рассматривается проблема юмора и способы его перевода. Обращается внимание на базовые категории, их дефиниции. Эмпатируется адекватный перевод. Сохраняются авторские прагматические интенции. Раскрывается лингвокреативная активность адресанта.

Ключевые слова: текст, юмор, перевод, интерлингвальные и интеркультурные векторы.

The article in question deals with the problem of humour and its ways of rendering. Categories are being focused upon and described in terms of definitions. The adequacy of translation is being paid attention to. The authors' aims of the texts are not excluded either.

The paper deals with humour as a form of the authors' linguocreative reevaluating activity, which should not be overlooked in the process of translation.

Keywords: text, humour, translation, interlingual and intercultural vectors.

Humour is a thinking category specifically represented in an original text. For a foreigner it is very difficult to comprehend humour as a cross-cultural category. Limited thesaurus does not allow understanding humour as it is. A translator is supposed to be a highly educated person of a broad thesaurus, deep knowledge in many spheres of life, in terms of its political, economic and cultural background of the ethnic community.

Humour as a complicated phenomenon covers more than one sphere. No wonder that it is dealt with by psychologists and psycholinguists. Recently, several theories of humour have been proposed (Pretence Theory by Clark and Gerring that deal with humour and irony in a psychological aspect). But none of them has ever tried to solve the significant problem: «How should humour be rendered into other languages? Is it possible to render it from original texts into translation ones? And if it is possible, can all the types of humour be successfully rendered into foreign language?»

Some people take it for granted, the others try to exaggerate its advantages or hyperbolize its drawbacks; emphasising the unattractive and sometimes even ugly side of life, expressing amusing things about it. But it is important to keep humour fresh and original.

There are some reasons to state, that humour is relevant to an artistic and aesthetic connotation of the text and belongs to the elements of the prime significance [1]. Humour (as a means of creative subjective modality) is a form of the author's appraisal opinion. Practically in modern English and American prose, humour is presented as an original way of world view [2].

Before dealing with the translation of humour one should acknowledge the meaning of its category and subcategories, the ways of their verbalization.

Humour arouses amusement, laughter, the capacity of recognizing something funny. Humour is a means of cheerful and puzzling towards reality. The attempts of defining humour were made by philosopher Agnes Repplier (1858–1950), a social critic, who assumed that humour was associated with tolerance. Humour brings a deep and friendly understanding.

Humour is the form of paradox. Paradox is good, great and unexpected at the same time.

Cf. « — Did I meet you in Tolerado?

— No, I never was in Tolerado. Neither was I. It must have been two other fellows» [3].

«A notice was put up on the door of office: «If you haven't anything to Do, Don't Do it Here!» [3].

Alongside with development of linguistics new and specific definitions of humour appeared. Now there are quite a great number of them. For example: «Humour — the expression of one's thoughts, in order to make one's remark forceful» [4] or: Humour, irony is the use of words to express something different from and often opposite to their literal meaning.

Humour presupposes a highly developed intellect and can only exist within the framework of specific sociolinguistic conditions; the most important among these is a love of the mother tongue and aesthetic pleasure derived from its use [3].

The problem of translation of humour has not been paid proper attention to. It is enormously important and significant. The loss of humour in translation can lead to the loss of information of the author's style's, make his work of literature in a target language uninteresting and faked [5].

We distinguish two types of humour: situational and linguistic. Situational humour is usually realized in some sentences contexts that rarely exceed a paragraph.

Situational humour often appears as the discrepancy between outward and inner characteristics of an object described.

Cf. Professor — «You can't sleep in my class». Student — «If you didn't talk so loud I could» [3].

Professor — «A fool can ask more questions than a wise man can answer»

Student — «No wonder so many of us fail in our exams» [3].

With linguistic humour the figurative meaning is realized gradually in a broad context (in some paragraphs, short story) [3]. Humour is to be kept in the target text. The loss of it can tell on its coherence and the main idea [5].

Cf. Popularity is the crown of laurel which the world puts upon bad art. Whatever is popular is wrong [6].

More marriages are, ruined nowadays by common sense of the husband than by happy with a man who insists on treating her as if she were a perfectly rational being [6].

The research of linguistic mechanism of humour enables the analyst to discover many relevant items of language structure and semantics overlooked in previous linguistic researches and to give new assessment to facts. Humour is

always implicit, the context serves as a marker of it. While achieving the humorous effect authors use both verbal and non-verbal means involved in the play on social/linguistic experience. Humorous effect is verbalized by traditional and non-traditional means, actualizing the adaptive principles of language. Cf. situational humour: —

1) There is a man outsidewith a wooden leg, Mr. Smith. What's the name of hisother leg! [3].

2) Policeman — «Miss, youwere driving sixty miles an-hour!»

She — «Oh, isn't thatsplendid I only learned todrive yesterday» [3].

Cf. linguistic humour:

1) Jessie — «Her husband didn't leave her muchwhen he died, didn't?»

Jennie — «No, but he lefther very often when hewas alive» (Pocheptsov1981: 280).

2) Teacher — 'When was Rome built?»

Percy — At night.

Teacher — Who told youthat?

Percy — «You did. You said Rome wasn't built in aday» [3].

Linguistic means of humour vary and translation of humour is rather a complicated task. Translation consists in rendering information from one language into another. The assignment of the translator extends far than a mere translation. Translator's task is not only to convey the meaning, the thoughts of an author but also to keep intact the laws of both languages. The process of transformation results in creating linguocultural equality of the text. The translating is assumed to be both interlingual and intercultural.

The aim of any rendering isto reach adequacy, i. e. to make a text matching to standards of the target language preserving as many peculiarities of the author's style and the work of literature as possible. Humour is the use of words in a context to express something illogical to provoke laughter. The lack of knowledge on the part of the translator deprives the text of the national colouring. So all this should be taken into account for a translator to render humour in a proper way. Consequently the next step in humour translation is to convey it into the target language. Among all the ways of transformation syntax flexibility comes into the foreground.

References:

1. Komissarov, V. N. 1990. *Teoriya perevoda*. Moscow, Vysca Skola.
2. Glickberg, Ch. 1969. *Vision on Modern Literature*. The Hague: Nijhoff.
3. Pochptsov, G. G. 1981. *Language and Humour*. Kiev: Vysca Skola.
4. Hornby 1996. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Moscow: Sigma Press.
5. Kobyakova, I. K. 2007. *Kreatyvne constujuvannia vtorunnukh utvoruvan v angломovnonu duskursi*. — Vinnitsa: Nova knuga.
6. Wilde, O. 1986, *Aphorisms. The Book of Irish Humour*. Moskva: Raduga Publishers.

Сравнительный анализ концепта «цвет» в русском и китайском языках (на примере фразеологизмов, содержащих колоратив «белый»)

Лебедева Ирина Олеговна, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В современном русском и китайском языках образные фразеологические обороты речи играют особую роль — они сохраняют яркую, живую, выразительную образность языка. Устойчивые обороты отражают разнообразные стороны жизни русских и китайцев, которые были наиболее актуальны в ту или иную эпоху, что позволяет говорить об исторической значимости фразеологизмов.

Идиоматика иностранного языка по праву является самой трудной среди прочих разделов. Так, например, пословицы и поговорки, содержащие концепт «цвет», на первый взгляд могут показаться простыми для понимания, в силу одного и того же цветового обозначения, положенного в основу высказывания. Тем не менее, подобные фразеологические обороты зачастую являются лингвистическими ловушками, так как концепт «цвет» в русской и китайской культурах не всегда несет одинаковый смысл. Концепт «цвет» в разных языках может характеризоваться комплексом совершенно расходящихся значений. Очевидно, что изучение устойчивых оборотов речи русского и китайского языков, в состав которых входит то или иное цветовое обозначение, представляет большой научный, теоретический и практический интерес.

С целью показать специфику употребления концепта «цвет» в русском и китайском языках, было взято несколько устойчивых оборотов речи, содержащих в себе «белый» как цветообозначение в качестве основного. Перед тем как приступить к анализу фразеологизмов, необходимо, прежде всего, углубиться в культуру русского и китайского народов, так как именно культура оказывает непосредственное влияние на языковые формации.

Стоит отметить, что изолированное становление филологических направлений в Древнем Китае повлияло на культуру в большей степени, в особенности система пяти первоэлементов У-син [1, с. 296]. Как мы уже писали ранее, белый цвет в китайской культуре воплощал в себе такие философские понятия, как старость, смерть, увядание в качестве завершения цикла и выхода за грань мира. По этой причине белый цвет является символом траура и пустоты [2, с. 1375–1377].

Опираясь на данную культурологическую справку, можно сделать вывод о том, что белый цвет, ассоциируясь со смертью в сознании китайского народа, несет в себе негативную коннотацию, и, следовательно, язык, как отражение культуры, передаст отрицательное значение через образные фразеологические обороты.

Обращаясь к русской культуре, необходимо подчеркнуть, что его восприятие противоположно китайской

культуре. Белый цвет является символом света, чистоты и непорочности, поэтому в речевых оборотах белый цвет указывает на чистоту помыслов и души, отражает любовь ко всему *белому свету*. Необходимо также отметить, что в отличие от китайцев, считающих, что белый это пустой цвет [2, с. 1375–1377], русские полагают, что белый сочетает в себе все цвета.

Стоит также заострить внимание на древнеславянской культуре, где в оберегах концепт «белый цвет» наиболее полно раскрывает свои положительные стороны. Белый, являясь олицетворением света, был выбран цветом, защищающим от зла, от черных дел нечистой, темной силы, так как он противопоставлен черному [3, с. 19]. В связи с этим, многие обычаи и приметы славян связаны с белым цветом. Например, чтобы оградить дом от злых умыслов гостей, на стол стелили белую скатерть; а для сохранения здоровья и чистоты тела, нательное белье шили исключительно из белой ткани, как и постельное, в силу того, что ночь считалась темным, нечистым временем суток. Белое постельное белье было призвано оградить взрослых и детей от смерти, которую несет с собой тьма. В силу того, что маленькие дети имеют меньшую защиту, колыбель младенцев устилали белым кружевом [4, с. 90].

Тем не менее, несмотря на столь положительное восприятие белого цвета русским народом, данный цветовой концепт все-таки имеет сходства с отражением цветообозначения в китайской культуре. Стоит отметить, что на территории Древней Руси было множество племен, которые имели свои уникальные традиции и устои. По этой причине белый цвет в философии смерти также присутствовал в древнерусской культуре. Например, традиционное извещение о смерти — это белое полотенце, которым возвращающийся сорок дней из загробного мира покойник, утирал слезы. Однако белый цвет полотенца был выбран с целью, чтобы усопший имел хоть какую-то связь с миром, где остались оплакивающие его родные, то есть в данном обычае белый сохраняет себя как олицетворение жизни и света. Однако на русском Севере девушек-покойниц обряжали в белую погребальную одежду, что связано не только с обычаем свадебного захоронения молодых девушек, но и с представлением древних славян о смерти, как о женщине в белых одеждах. Поэтому в некоторых народных заговорах больного человека называли белым — тем, кого коснулась рука женщины в белом, — а здорового человека называли красным. Стоит также отметить толкование сновидений, а сон у наших предков ассоциировался со смертью, также не обошлось и без образов, связанных на концепте «белый». Сбор белых цветов во сне

предвещал появление покойника в семье; белые гуси, кони и козы сулили смерть спящему человеку, а увиденная во сне девушка в белом являлась предзнаменованием болезни [5, с. 148–159].

Исходя из выше приведенных примеров, можно сделать вывод, что восприятие белого цвета русским народом скорее положительное, нежели отрицательное, что является прямой противоположностью китайской культуре. Следовательно, положительная коннотация белого в устойчивых оборотах русского языка будет контрастировать с китайским языком. Однако, можно сделать предположение, что фразеологизмы русского и китайского языков, в основе которых положено философское понятие смерти, могут иметь сходное значение, в силу культурных особенностей.

К сопоставительному анализу концепта «цвет» в русском и китайском языках на примере колоратива «белый» привлечено двенадцать фразеологических оборотов [6,7,8,9,10,11,12]. Опираясь на представленные выше лингвокультурологические особенности, стоит отметить, что использование белого цвета в устойчивых выражениях двух исследуемых языков имеет явные отличия от наших предположений.

Действительно, из выбранных нами фразеологизмов четыре основаны на концепте «смерть», что, как и было утверждено ранее, имеет непосредственную связь с культурой. Например, в русском языке «белый свет не мил» означает, что из-за каких-то серьезных проблем человек угнетен настолько, что жить не хочется, а выражение «белый как мел» используется для описания человека, который бледен как мертвец, без здорового румянца на лице. В свою очередь, в китайском языке 素车白马 *sùchēbáimǎ* «белые колесницы и белые кони» означает похоронные дроги, на которых усопшего везут из дома на кладбище, а 红白喜事 *hóngbáixìshì* «свадьба и похороны» несет смысл «большие события», и значение данного устойчивого оборота может быть, как положительным, так и отрицательным, в зависимости от контекста. Косвенное отношение к тематике «смерть» также имеет фразеологизм 白头到老 *báitóudàolǎo* «оставаться преданными друг другу до конца своих дней» (о супружеской паре). В целом 白头到老 *báitóudàolǎo* несет положительное значение, так как верность друг другу есть выражение настоящей, чистой любви, но если разбивать чэньюй на сегменты, то 白头 *báitóu* означает «убелённый сединами, старый», что приближает описываемых людей к уходу в «пустой» мир мертвых.

Из отобранных нами фразеологических оборотов 白璧无瑕 *báibìwúxiá* «на белой яшме ни пятнышка» в образном значении олицетворяет совершенство, безупречность, отсутствие изъянов, а также кристальную чистоту и непорочность. Несмотря на то, что чистоту белый цвет символизирует в русской культуре, а не в китайской, в русском языке фразеологизм «белая зависть» все равно не несет однозначно прямого значения чистоты, как выше представленный чэньюй с колоративом «белый» в основе.

Белая зависть — это зависть без чувства досады, раздражения возможностями или успехами другого, то есть человек, завидующий белой завистью, радуется вместе с тем, кто преуспел, показывая свои чистые намерения, однако все же зависть остается завистью — низким чувством.

При сравнительном анализе отобранных фразеологических оборотов был выделен новый пласт, где белый цвет символизирует ложь. В русском языке устойчивое выражение «сказка про белого бычка» означает сочинительство, ложь, в китайском языке — два из отобранных чэньюев 颠倒黑白 *diāndǎohēibái* и 以白为黑 *yǐbáiwéihēi*, которые имеют перевод «выдавать черное за белое», то есть исказить или извращать истину, перевернуть факты.

Помимо этого, в русском языке два из двенадцати образных выражений не нашли соответствующей или контрастирующей пары в китайском языке — «черным по белому» и «белая ворона». «Черным по белому» имеет значение «совершенно ясно, недвусмысленно, четко и определенно». Такое использование связано с тем, что черный и белый цвета являются контрастирующими, а сочетание, основанное на контрасте, является наиболее четким для восприятия человеческим глазом, и данный факт был перенесен в русский язык при помощи данного устойчивого выражения. В этом случае белый цвет, как и черный, несет в себе положительное значение.

Фразеологизм «белая ворона» обычно употребляется для описания того, кто резко выделяется среди других, не похож на окружающих, а также зачастую находится под давлением общества из-за своей непохожести на большинство. Данное устойчивое выражение вошло в русскую речь из дикой природы, где не только черные вороны, но и другие имеющие характерный цветовой окрас животные, могут забить насмерть своего сородича, которому не повезло родиться альбиносом. Это связано с тем, что белый цвет бросается в глаза хищнику, и тем самым особь-альбинос подвергает опасности всех остальных представителей вида.

Исходя из результатов проведенного анализа, можно сказать, что значения устойчивых речевых оборотов имеют больше пересечений в коннотациях, чем мы предполагали ранее, опираясь на культурологическую справку. Общие концептуальные пласты для фразеологизмов двух языков: смерть, чистота и ложь. Стоит также отметить, что данные философские понятия в большей степени несут отрицательное значение, чем положительное. В целом колоратив «белый» в русском и китайском языках, несмотря на восприятие белого цвета в культуре, в основном обладает негативными свойствами. Тем не менее, мы не можем утверждать, что отрицательное значение концепта «белый цвет» в языках распространяется на формирование всех устойчивых оборотов. Многие китайские чэньюи еще не имеют перевода, в силу того, что это слишком большой культурно-языковой пласт, а русские фразеологизмы с течением веков претерпели большие изменения, и по причине урбанизации многие значения, пришедшие из славянской культуры, попросту растворились в языке.

Литература:

1. Делюсин, Л. П. Китай: традиции и современность. — М.: Наука, 1976. — 294–335 с.
2. Лебедева, И. О. Концепт «цвет» на примере философской категории У-син (черный и белый цвета) [Текст]/И. О. Лебедева, Л. М. Болсуновская, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1375–1377.
3. Голубкова, О. В. Женские обряды в народных верованиях восточных славян Сибири: Автореф....канд. ист. наук. — Новосибирск, 2001. — с. 19–20.
4. Шмелева, М. Н., Тазихина Л. В. Украшения русской крестьянской одежды // Русские: историко-этнографический атлас: Из истории русского народного жилища и костюма (Украшение крестьянских домов и одежды) Середина XIX-начало XX века. — М.: Наука, 1970. — с. 90.
5. Толстой, Н. И. Белый цвет // СД. — Т. 1. — с. 148–159.
6. Chinese-Tools, on-line dictionary./ [Электронный ресурс] — [http://www.chinese-tools.com/chinese/chengyu/dictionary/search/\(10.05.2015\)](http://www.chinese-tools.com/chinese/chengyu/dictionary/search/(10.05.2015)).
7. Deng Fang, Liu Lixin Handbook of Chinese Idioms. — Peking University Press, 2007. — 284 с./ [Электронный ресурс] — [http://www.twirpx.com/file/652864/\(10.05.2015\)](http://www.twirpx.com/file/652864/(10.05.2015)).
8. Даль, В. И. Пословицы русского народа. — М.: Диамант, 1998. — 544 с.
9. Русские народные загадки, пословицы, поговорки./Сост., авт. вступ., ст., коммент. и слов Ю. Г. Круглов. — М.: Просвещение, 1990. — 335 с.
10. Русские пословицы и поговорки/Сост. А. И. Соболев — М., 1983.
11. Пословицы. Поговорки. Загадки/Сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. — М.: Современник, 1986. — 512 с.
12. Пословицы, поговорки, потешки, скороговорки. Популярное пособие для родителей и педагогов/Сост. Т. И. Та-рабарина, Н. В. Елкина. — «Академия, К°», 2000. — 224 с.

Сравнительный анализ концепта «цвет» в русском и китайском языках (на примере фразеологизмов, содержащих колоратив «желтый»)

Лебедева Ирина Олеговна, студент;
Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Продолжаем наше изучение концепта «цвет» в русском и китайском языках на примере фразеологизмов, которое мы начали ранее. Напомним, что концепт «цвет» в русской и китайской культурах не всегда несет одинаковый смысл в силу очевидной разницы в формировании культурного сознания русских и китайских народов. По этой причине изучение устойчивых оборотов, в состав которых входит то или иной колоратив, представляет большой научный, теоретический и практический интерес.

С целью глубже показать специфику употребления концепта «цвет» в русском и китайском языках, было взято несколько образных выражений, содержащих в себе «желтый» как цветообозначение в качестве основного. Как и в предыдущем исследовании, перед тем как приступить к анализу фразеологических оборотов, мы дадим культурологическую справку об анализируемом колоративе.

Раннее изучение концепта «цвет» в философской системе пяти первоэлементов У-син показало, что желтый цвет, соотносясь со стихией «земля», стал цветом-символом императорской власти, благодаря великому импе-

ратору ЦиньШихуанди秦始皇帝 qínshǐhuángdì, прозвище которого было «Желтый император». Стоит также заострить внимание, что распространение желтого цвета было крайне масштабным. Примером тому служит желтый халат 龙袍 lóngpáo или 黄袍 huángpáo с изображением дракона, который имел право носить только император. Помимо этого, крыши императорского дворца были желтого цвета, а золото, цвет которого считался желтым, было атрибутом императорской власти. Кроме того, символом императора и его сакральной энергии стал Желтый императорский дракон, имевший пять когтей, которые указывали на власть над всем миром. [1, с. 1375–1377].

Однако в XX веке колоратив «желтый» неожиданно перенимает отрицательные коннотации и, употребляясь в переносном значении, указывает напорочные социальные аспекты жизни китайского народа. Цветопределение несет в себе такие негативные значения, как «продажный», «предательский», «низменный», «нечестный» [2].

Исходя из этого, можно сделать предположение, что преобладающее количество фразеологизмов, с коло-

ративом «желтый» в основе, будет иметь положительное значение, в силу большой значимости данного цветоопределения в сознании китайцев. В основном это будут устойчивые обороты, появившиеся в языке крайне давно и прошедшие сквозь призму веков. Образные выражения с концептом «желтый цвет», описывающие более современные реалии, будут нести отрицательное значение.

Если обратиться к русской культуре, то мы увидим категорически противоположную ситуацию. Желтый цвет в русской народной культуре наделялся преимущественно негативной оценкой. Например, в славянских поверьях появление желтого пятна на руке предвещает смерть. Также в желтый цвет окрашивают яйца, предназначенные для поминовения в пасхальных, семицких и троицких обрядах. На Пасху, поминая умерших на кладбищах, люди носили с собой красные и желтые яйца. В субботу, накануне Троицына дня, когда поминали умерших «не своей» смертью и некрещеных детей, красили яйца не в красный цвет, а в желтый, и раздавали детям. Кроме того, желтый цвет — один из традиционных эпитетов в заговорах восточных славян. Растения с желтыми цветами использовались для лечения «желтых» болезней, например, желтуха и другие, а также свойством исцелять наделялись желтые предметы (платки, кольца, посуда), куры с желтыми ногами, желтые бабочки.

Помимо этого, стоит отметить, что желтый в цветовой характеристике мифологических персонажей встречается довольно редко. Мифические существа, которые водят души на «тот свет», являются в желтых тонах, у домового волосы желтого цвета, одна из лихорадок называется желтой. Желтые круги появляются на траве, где старик «поверстался в колдуны», или старшая в его семье женщина покумилась с ведьмами. Иногда места хоронов, трапез русалок отмечены пожелтевшей, засохшей травой. Желтый цвет наряду с красным может выступать как заместитель золота. В приметах желтый цвет означает несчастье, болезнь или смерть, например, считалось, кто весной увидит желтую бабочку, будет в этом году несчастлив и слаб здоровьем [3].

Тем не менее, в русской традиции сложилось восприятие золотого, который часто воспринимался в качестве желтого, как знака избранничества, счастья и высшего суда. Такое представление сложилось в рамках солнечного культа [4]. Золотая символика, дохристианская по существу, функционировала в условиях постепенной христианизации культуры, сливалась с религиозными понятиями воздаяния и возмездия, добра и зла. Золото, как правило, связано с испытанием героя, его получают только избранные. Таким образом, золотые предметы в фольклоре сакральны. Мифологема чистого, сакрального, золота проявляется в заговорах, где заговаривающий ищет небесного покровительства; так, в заговоре на добрый путь он представляет себя одетым в золотые ризы, укрытым золотой пеленой [4].

Исходя из выше сказанного, мы можем сделать вывод, что большинство фразеологизмов русского языка будет

нести негативное значение, связанное с болезнями и смертью. Положительное значение желтого в устойчивых оборотах также возможно, предположительно, если желтый представлен как золотой цвет.

К сопоставительному анализу концепта «цвет» в русском и китайском языках на примере колоратива «желтый» привлечено двенадцать фразеологических оборотов [5,6,7,8,9,10,11]. Опираясь на представленные выше лингвокультурологические особенности, стоит отметить, что использование желтого цвета в устойчивых выражениях двух исследуемых языков практически совпало с нашими предположениями.

Например, 黄袍加身 huángpáojiāshēn «надеть на себя желтый халат» имеет перевод — «стать правителем, прийти к власти, взойти на престол», что напрямую связано с местом желтого цвета в культуре Китая. Оценивая положительную семантику данного фразеологизма, можно сказать, что философская концепция, заложенная в данный устойчивый оборот, указывает на счастье, успех и высшую степень позитивности какого-либо действия. Образные выражения, имеющие схожий концепт и семантику в китайском языке, это 初写黄庭 chūxiě huángtíng и 黄金时代 huángjīnshídài. Буквальный перевод чэньюй 初写黄庭 chūxiě huángtíng — «писать по классическим прописям», так образно говорят о выполнении какой-либо работы по лучшим образцам. Такая работа в высшей мере выполнена успешно. Другой чэньюй 黄金时代 huángjīnshídài полностью совпадает по семантике с русским выражением «золотой век». Оба устойчивых оборота характеризуют период благоденствия, когда совершаются наивысшие достижения в культуре, искусстве, науке и иных направлениях человеческой деятельности. Положительные коннотации данных фразеологизмов не ставятся под сомнение.

Что касается фразеологических оборотов, которые отражают современные реалии, то это, конечно же, вероятно, универсальное для всех языков словосочетание «желтая пресса» или в китайском 黄色刊书 huángsèkānshū. Ее другое название — бульварная пресса, — ничуть не добавляет понятию положительного оттенка. Желтая пресса эпатазирующе освящает слухи, мнимые сенсации, скандалы и сплетни, и колоратив «желтый» здесь несет в себе низменность и продажность. Также другое устойчивое выражение 黄色公会 huángsègōnghuì «желтый профсоюз» употребляется для описания нечестного, продажного, падкого на деньги коллектива. Стоит также отметить, что в русском языке порочность денег отражена следующим устойчивым оборотом — «желтый дьявол», где деньги называют дьяволом за их способность искушать и уводить людей на путь зла и порока.

Кроме того, необходимо заострить внимание, что в китайском языке есть выражение, которое отвечает представлениям русской культуры о желтом цвете — это чэньюй 稿项黄馘 gǎoxiàng huángguō «высохшая шея и желтое лицо», которое указывает на преклонный возраст описываемого

человека. Здесь колоратив «желтый» является символом старческих болезней и близкой смерти.

В русском языке болезни через призму желтого цвета выражены в фразеологизме «желтый дом», который обозначает психиатрическую лечебницу. Желтый цвет в данном речевом обороте указывает на психические отклонения и общую нездоровую атмосферу. Это выражение пришло в язык из реальной жизни — раньше стены в психиатрических лечебницах красили в желтый цвет, так как считалось, что желтый действует успокаивающе на пациентов.

Другое отрицательное значение желтого цвета в русском языке представлено оборотом «желтый билет». Стоит сказать, что желтый билет является неофициальным названием заменительного билета, который в до-революционное время был альтернативным паспорту документом и давал право женщине легально заниматься проституцией. Негативная семантика данного выражения очевидна.

Помимо выше сказанного, необходимо добавить, что для русского человека желтый цвет стал ассоцииро-

ваться с горем, тоской и расставанием, благодаря знаменитой песне Наташи Королевой «Желтые тюльпаны — вестники разлуки». После того, как эта песня облетела всю Россию, несмотря на все заверения флористов, самые дорогие и красивые цветы желтого цвета начали вызывать невольное беспокойство у женщин, получивших такой букет.

Подводя итоги сравнительного анализа концепта «цвет» на примере фразеологизмов русского и китайского языков, содержащих в основе колоратив «желтый», следует сказать, что в отличие от предыдущего исследования, посвященного колоративу «белый», связь языка с культурой более очевидна и прочна. В китайском языке отражение положительных и отрицательных коннотаций представлено в равном количестве и указывает на такие понятия, как успех, порочность, смерть. В русском языке количество фразеологизмов, имеющих негативное значение, в значительной степени превышает количество положительных оборотов. Пять из шести устойчивых выражений указывают на болезнь, порочность и горе, в то время как только один свидетельствует об успехе.

Литература:

1. Лебедева, И.О. Концепт «цвет» на примере философской категории У-син (чер-ный и белый цвета) [Текст]/И.О. Лебедева, Л.М. Болсуновская, У.В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1375–1377.
2. Проблемы перевода основных цветовых обозначений с китайского языка на русский [Текст]/А.А. Чубинец [и др.] // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 1194–1197.
3. Усачева, В.В. Желтый цвет // СД. — Т. 2. — с. 202.
4. Новичкова, Т.А. Эпос и миф. — СПб: Наука, 2001. — с. 183–187.
5. Chinese-Tools, on-line dictionary. [Электронный ресурс] — <http://www.chinese-tools.com/chinese/chengyu/dictionary/search/> (10.05.2015).
6. Deng Fang, Liu Lixin Handbook of Chinese Idioms. — Peking University Press, 2007. — 284 с. [Электронный ресурс] — <http://www.twirpx.com/file/652864/> (10.05.2015).
7. Даль, В.И. Пословицы русского народа. — М.: Диамант, 1998. — 544 с.
8. Русские народные загадки, пословицы, поговорки./Сост., авт. вступ., ст., коммент. и слов Ю.Г. Круглов. — М.: Просвещение, 1990. — 335 с.
9. Русские пословицы и поговорки/Сост. А. И. Соболев — М., 1983.
10. Пословицы. Поговорки. Загадки/Сост., авт. предисл. и коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. — М.: Современник, 1986. — 512 с.
11. Пословицы, поговорки, потешки, скороговорки. Популярное пособие для родителей и педагогов/Сост. Т.И. Тарабарина, Н.В. Елкина. — «Академия, К°», 2000. — 224 с.

Имя собственное в лексикографической практике

Левина Элла Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Особенностью современной лексикографии является повышенный интерес к составлению новых лексикографических материалов, словарей различного объема, качества, типа, что, безусловно, связано с потребностью

человека иметь надежные лексикографические источники в различных сферах деятельности.

В настоящее время усилился интерес лексикографов и к личным именам в составе художественных текстов.

Большинство лингвистических исследований строится в плане наблюдения над своеобразием выбора и особенностями функционирования ономастической лексики в творчестве того или иного автора в целом или в конкретном произведении. Различные модели словарей поэтического ономастикона необходимы в качестве лексикографических форм систематизации богатого фактического материала, кроме того, в таких лексикографических сводках раскрываются секреты выразительности имен собственных [1].

Значимость словарей поэтического ономастикона диктуется целым рядом причин: 1) необходимостью обратиться к глубокому анализу поэтических онимов на фоне возросшего интереса к именам собственным, а также разработке основных критериев составления словарей поэтического ономастикона; 2) недостаточной разработкой теоретических вопросов лексикографирования ономастической лексики в современном языкознании; 3) необходимостью более тщательного исследования и описания поэтических онимов как системы и недостаточно изученного, особого пласта лексики, передающего значимую информацию в литературном произведении; 4) значимостью литературной онимии для понимания и интерпретации художественного текста; собственные имена, представляющие собой ценный эстетический компонент в системе средств художественной изобразительности, дают ключ к решению проблем, связанных с разработкой актуальных в лингвистике проблем лингвистического комментирования художественного текста.

Язык литературных произведений может быть насыщен именами собственными в различной степени, что в каждом конкретном случае определяется темой, количеством персонажей, широтой социально-исторического кругозора в описании обстановки и др. Словари могут оказать практическую помощь в составлении примечаний, лингвистических и литературоведческих комментариев, а также служить справочным пособием при чтении литературных произведений.

Словарная статья в поэтических ономастиконах может содержать, на наш взгляд, следующие характеристики: 1) краткая характеристика референта, соотносимого с указанным именем; 2) этимологическая справка (семантика производящей основы, характеристика структуры имени), тип онима; 3) характеристика минимального контекста (стилистические особенности, функция имени); 4) имена-эквиваленты.

Предлагаем фрагменты словаря топонимической лексики (на материале путевых поэмах И.А. Бунина «Тень птицы»). В настоящее время система топонимической лексики художественных текстов И.А. Бунина исследована недостаточно и фрагментарно. Наблюдения над отдельными группами имен собственных в творчестве И.А. Бунина находим в работах Г.Ф. Ковалева, В.В. Красненского, З.В. Николаевой — Фатовой и др [2].

Приведем примеры словарных статей, построенных на материале путевых поэм И.А. Бунина «Тень птицы».

Следует отметить достаточно высокую «плотность культурных знаков» [3], что, безусловно, связано с жанром исследуемого текста, с высоким уровнем эрудиции писателя и лингвистической подготовкой. Путевые поэмы представляют собой цикл рассказов о путешествии по странам Востока, сочетая в себе дневниковые записи — описание городов, древних развалин памятников искусства — и легенды древних народов, экскурсии в историю их культуры. «Страсть к обозрению мира, говоря словами Саади, всегда была и есть у меня в очень большой, даже редкой, мере», — писал И.А. Бунин. В очерках представлены широкие возможности использования топонимической лексики в художественной речи: автор употребляет их в различных грамматических конструкциях и стилистических фигурах, географические наименования используются с различной целеустановкой, то есть функционирование топонимов в очерках И.А. Бунина основано на разнообразных ассоциациях.

БААЛЬБЕК, древний город на территории современного Ливана, знаменитый развалинами храма I—III вв. (Храм Солнца), основание которого сложено из каменных глыб, развалины древнего Гелиополя, грандиозного храмового комплекса, крепости, Большой мечети. Согласно Библии, Каин, сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля, был проклят Богом; скитаясь по свету, он построил город.

Топоним. Астионим. Монолексемное образование. Наименование отражает естественно-географические особенности местности.

«Эта низменность, — в ней около полутораства верст, — с незапамятных времен называется Бека, то есть страна, долина. БААЛЬБЕК есть долина <...> Ваала — Солнца...» (III, 576).

Топоним использован в соотнесенности с объектом, знаком которого служит (первичная функция), в позиции восприятия, ассоциаций. Контекст любопытен тем, что автор дает характеристику топонимическому по семантике образующих основ, включая свои рассуждения в художественные строки. Отметим, что именно здесь расположен храм в честь богов солнечных, и, видимо, не случайно, приближаясь к этой долине, «вагон вдруг ярко озаряется солнцем».

Имена-эквиваленты — **край баснословных племен, родина Адама, святилище солнца.**

ВОДОЕМЫ СОЛОМОНА, вошедшее в традицию произвольное название трех больших водоемов, водой из которых орошались сады царя Соломона (царя Израильско-иудейского царства в 965—928 г. до н. э., величайшего мудреца всех времен, повелителя духов), расположенных к юго-западу от Вифлеема (по дороге в Хеврон). Служили резервуаром для водопровода, снабжавшего Иерусалим.

Топоним (гидроним). Бинарное наименование. Образовано на базе личного имени (отантропонимический характер).

ВОДОЕМЫ СОЛОМОНА! Я ждал их с волнением и вот увидел наконец» (III, 545).

Топоним использован в конструкции именительный представления, первичная функция (в соотнесенности с объектом, знаком которого служит топоним), в позиции объекта восприятия, контекст не включает мотивацию внутренней формы имени

ГОРА СОРОКАДНЕВНАЯ, легенда связывает ее с евангельским рассказом о сорокадневном посте Христа и об искушении его дьяволом. На вершине горы — пещерный монастырь.

Топоним (ороним). Бинарное наименование. В основе происхождения номинации — евангельское повествование.

А когда мы спустились в долину и повернули влево, к Иерихону, черным и тяжким обрывом, уходящим в небо, встал перед нами кряж ГОРЫ СОРОКАДНЕВНОЙ. И огонек, чуть заметной точкой красневший на этом обрыве, опять напомнил о той страшной борьбе, которую впервые воздвигли здесь люди против искушителя» (III, 566).

Строки включают ассоциации, связанные с евангельским повествованием. Тополексема использована в первичной функции (в соотнесенности с объектом, знаком которого служит имя с ассоциативным значением), в позиции объекта восприятия, ассоциаций. Контекст включает мотивацию внутренней формы имени, слово-этимон отсутствует.

МАЛОАЗИЙСКИЙ ОЛИМП (Мизийский, или Вифинский Олимп, ныне Улудаг), горный массив на северо-западе Турции, высотой около 2500 метров.

Топоним (ороним). Бинарное образование. Наименование является производной от тополексемы.

«И опять развертывается передо мною зыбкая синева Мраморного моря, блеск солнца, лилово-пепельные силуэты горных вершин и мертвенно-белое облако МАЛОАЗИЙСКОГО ОЛИМПА» (III, 513).

Топоним используется в первичной функции (в соотнесенности с именуемым объектом), художественно-образная, в позиции объекта восприятия. Контекст не включает мотивацию внутренней формы имени.

ПЕЩЕРА ИЕРЕМИИ, пещерное сооружение близ Иерусалима (к северу от города). С XV века его выдавали за место погребения библейского пророка Иеремии, который будто бы здесь и слагал свои плачи.

Топоним (урбаноним). Бинарное наименование. Наименование образовано на базе личного имени (отантропонимический характер).

«Перед вечером видел я еще один след Иудей. Ехали мы опять по долине, и проводник указал мне на пещеру у подошвы холма — на ПЕЩЕРУ ИЕРЕМИИ. Вечер был мирный... На земле, при входе в пещеру, закопченной дымом, валялись пестренькие крылышки съеденной совки» (III, 545).

В основе функционирования тополексемы — библейская легенда. Топоним использован в первичной функции

(в соотнесенности с именуемым объектом), в позиции объекта описания, локализатора места.

ПЯТИГРАДИЕ, пять упоминаемых в Библии городов Юго-восточной Палестины: Содом, Гоморра, Ада, Севоим, Сигор. Содом, Гоморра и «вся окрестность их», по Библии, были уничтожены небесным огнем за разврат жителей. Спасся лишь единственный праведник Содома — Лот.

Мифотопоним (астионим). Монолексемное образование. Наименование возникло на основе библейских легенд.

«Так богата и прекрасна была некогда эта долина, что дьявол издревле избрал ее местом греха, искушений. Это он опьянил сладостью страсти и порока ПЯТИГРАДИЕ, переполнившее чашу терпения Предвечного» (III, 571).

Строки И.А. Бунина отражают легенду из Библии о пяти городах. Топоним используется в первичной функции в позиции представления, контекст не мотивирует внутреннюю форму имени.

СТАМБУЛ (Истанбул, Константинополь, Царьград), город в Турции (до 1923 года столица). До 395 года — столица Римской империи, в 395–1453 — Византии, 1204–61 — центр Латинской империи, 1453–1918 — Османской империи, затем до 1923 года — столица Турции. Расположен на обоих берегах пролива Босфор, европейские и азиатские части связываются с помощью паромов и мостов. Исторический центр Стамбула включен в список Всемирного наследия.

Топоним (астионим). Монолексемное образование. Древнейшее наименование города связано с римским императором Константином.

«А впереди, на закате, единственный в мире силуэт СТАМБУЛА» (III, 503).

Топоним использован с первичной функцией в соотнесенности с именуемым объектом, в позиции объекта восприятия; контекст не включает мотивацию внутренней формы имени.

Имена-эквиваленты — **Истанбул, Константинополь, Царьград, Песнь Песней, чудо чудес, столица земли, город Константина.**

ХРАМ РОЖДЕСТВА (церковь Марии), древнейший храм, основанный, видимо, еще в IV веке и поставленный перед пещерой, где, по преданию, родился Иисус.

Топоним. Бинарное образование. Наименование в одном варианте отражает связь с личным именем (отантропонимический характер), в другом — религиозное событие, праздник.

«В Вифлееме, в подземном приделе ХРАМ РОЖДЕСТВА, блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда» (III, 583).

Топоним использован в соотнесенности с объектом, знаком которого служит имя (первичная функция), в позиции объекта действия; контекст не включает мотивацию внутренней формы имени, использование основано на конкретном факте.

При составлении лексикографических материалов существенным оказывается то, что та или иная тополема ассоциируется в нашем сознании с определённой исторической эпохой, лицом, сыгравшим свою роль в истории. Следовательно, топонимическая лексика в художественной речи, помимо своего основного номинативного значения, обогащена добавочными смыслами, обусловленными, с одной стороны, ассоциативным фоном, с другой — авторским эмоционально-оценочным восприятием.

Построение словарных статей в словарях подобного рода может быть и несколько иным, однако важно указать

особенности функционирования имен собственных в творчестве того или иного писателя или в конкретном произведении. Словари поэтического ономастикона имеют много общих черт и тем не менее необходимы в качестве лексикографических форм систематизации огромного многообразия ономастического материала.

Привлеченные к художественному описанию, тополемы становятся опозитизированными, пополняют сокровищницу имен собственных. Подобные лексикографические сводки дают возможность приблизиться к языковой картине мира мастера слова.

Литература:

1. См. например: Таич Р. У Опыт антропонимического словаря писателя // Антропонимика/Ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М., 1970. — С. 314–319; Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
2. См., например: Ковалев Г. Ф. Писатель. Имя. Текст. Монография. Воронеж, ВГПУ, 2004; Листрова — Правда Ю. Т. Личные собственные имена и национально — культурная семантика в творчестве И. А. Бунина // И. А. Бунин и русская культура XIX—XX веков. Воронеж, 1995; 3. Термин проф. В. К. Харченко. См.: Харченко В. К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль. Монография. М., 1998.

Особенности передачи мифонимов из русских народных сказок на английский, французский и итальянский языки

Лиходкина Ирина Александровна, кандидат филологических наук
Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

В статье рассматриваются мифонимы из русских народных сказок как особый вид реалий тесно связанных с культурой и менталитетом народа и вызывающих особые трудности при переводе на другие языки. Путем сопоставительного анализа выявляются особенности передачи русских мифонимов на английский, французский и итальянский языки, а также оценивается степень соответствия перевода оригиналу.

Ключевые слова: сказка, мифоним, имя собственное, реалия, перевод.

Сказка — древнейший жанр устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое, произведение волшебного, авантюрного или бытового характера [6]. Сказки являются важной составляющей национальной культуры, несут в себе народную мудрость и передаются из поколения в поколение. Они с детства прививают общечеловеческие ценности, учат добру, помогают развиться воображению и творческому началу, расширяют кругозор, а порой даже подсказывают выход из затруднительных ситуаций и снимают напряжение, стресс. В сказках добро всегда побеждает зло, а пословица, кочующая из сказки в сказку, «утро вечера мудренее» решает все проблемы.

Сказки всегда содержат в себе элемент волшебства, чуда. В них природа оживает, простоты сказочных земель населены мифическими существами, а животные начинают разговаривать и приобретают способности, которыми в реальной жизни наделены только люди. Герои

сказок часто просят совета у деревьев, птиц, животных и всегда его получают.

Народные сказки — это один из видов фольклора, изначально существующие только в устной форме. Впервые письменное изложение сказок было осуществлено французским академиком Ш. Перро, который в 1697 г. издал сборник «Сказки матушки гусыни». Заложившую им традицию литературной обработки народных сказок продолжили немецкие лингвисты Я. и В. Гримм, опубликовавшие несколько сборников под названием «Сказки братьев Гримм», которые стали известны по всему миру. В России начало научного собирания и изучения восточнославянской сказки было положено выдающимся историком, фольклористом, исследователем народного творчества А. И. Афанасьевым, чей классический труд, впервые опубликованный в 1855–1863 гг. и неоднократно переиздававшийся, до сих пор является единственным собранием русских сказок [5].

В сказках встречается неперебиваемая или трудно перебиваемая лексика, восходящая к реалиям — мифонимы. К мифонимам относятся имена собственные вымышленных существ или героев (Кощей Бессмертный, Баба-яга, леший, царевна Несмеяна, Морозко и др.), названия предметов и объектов (ковер-самолет, сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, избушка на курьих ножках и т. п.), мифотопонимы, т. е. несуществующие географические объекты (Тридцать первое царство, Дремучий лес, Лукоморье), мифозоонимы — названия сказочных животных, птиц и насекомых (Жар-птица, Лягушка-путешественница, Змей-Горыныч, Финист Ясный Сокол), а также мифофитонимы — названия сказочных растений (Аленький Цветочек) и т. п.

Все вышеприведенные мифонимы хорошо известны русскому народу и вызывают определенные живые ассоциации, т. к., как правило, они связаны с детством, с детскими воспоминаниями и впечатлениями, которые остаются на долгие годы. Как говорится то, что «впитано с молоком матери» не забывается. Несмотря на то, что мифонимы из русских народных сказок понятны даже ребенку, у иностранцев они могут вызвать сложности в восприятии и понимании, а для переводчика — стать серьезным испытанием, поскольку принадлежат к русской культуре, её традициям и обычаям и практически не имеют аналогов в других языках. Подобные мифонимы могут быть отнесены к реалиям. Реалии — это слова и выражения, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта, не существующее в практическом опыте людей, говорящих на другом языке [3, с. 178].

А. А. Реформатский приводит следующую классификацию реалий:

- имена собственные,
- монеты,
- должности и обозначения лиц,
- детали костюма и украшения,
- кушанья и напитки,
- обращения и титулы при именах [4, с. 139.]

Подобно реалиям, мифонимы могли бы быть сведены к представленной выше классификации с той лишь небольшой разницей, что они отражают субъекты, объекты и явления сказочного вымышленного мира, а не реального.

Обычно при передаче имен собственных, в том числе и сказочных, используют транскрипцию (передача звучания слова при помощи алфавита ПЯ), когда языки имеют разные системы письменности, например, кириллица и латиница. Также в этом случае транскрибированное имя будет иметь различное графическое написание на языках, имеющих один алфавит, но разные фонетические нормы. Таким образом, имя персонажа русских сказок *Кощей* приобретает следующий вид: в английском языке — *Koshchey*, во французском — *Kochtchéï*, а в итальянском — *Koscei*.

Рассмотрим некоторые варианты передачи имен сказочных персонажей на английский язык.

Русский язык [1]	Английский язык [9]
Иван-дурак	Ivan the Simpleton
Иванушка-дурачок	Ivanushka the Little Fool
Емеля дурак	Emelya the Simpleton
Никита Кожемяка	Nikita the Tanner
Баба-яга	Baba Yaga
Кощей Бессмертный	Koshchey the Deathless

Можно заметить, что при передаче русских имен использована транслитерация, т. е. передача букв иноязычного слова при помощи своего алфавита, а «говорящим» прозвищам подобраны соответствующие эквиваленты. Мифоним *Несмеяна-царевна* передан описательным оборотом — *Princess Who Never Smiled*, т. е. буквально *Принцесса, которая никогда не улыбалась*.

Похожая ситуация наблюдается и во французском языке: практически все имена переданы без изменений, т. е. транслитерированы:

Русский язык [1]	Французский язык [8]
Баба-яга	La Baba Yaga
Василиса Прекрасная	Vassilissa la Belle
Ивашко и ведьма	Ivachko et la sorcière
Иван-царевич и Марфа-царевна	Ivan-tsarévitch et la princesse Marfa
Фролька-сидень	Frolka le Paresseux
Иван Попялов	Ivan-Cendron
Иван Быкович	Ivan Taurillon
Никита Кожемяка	Nikita le Corroyeur
Князь Данила-Говорила	Prince Daniel, mots de miel
Морозко	Le Gel au nez rouge
Колобок	La petite galette ronde

Всем говорящим прозвищам подобраны не менее яркие аналоги. Таким образом, *Фролька-сидень* становится *Frolka le Paresseux* — букв. Фролька Ленивый. В оригинале прослеживается связь с экспрессивным устойчивым выражением «сиднем сидеть», т. е. ничего не делать.

Образно передан и мифоним *Князь Данила-Говорила* — *Prince Daniel, mots de miel* (букв. Князь Даниэль, медовые слова). Переводчику удалось сохранить рифму, выраженную в ИЯ окончанием «-ла», а в ПЯ — «-el», хотя для этого была произведена целесообразная замена славянского имени Данила на французское Даниэль.

В другой сказке переводчик почему-то использует разные способы передачи одинаковых титулов: *Иван-царевич* и *Марфа-царевна*/*Ivan-tsarévitch et la princesse Marfa*. На наш взгляд, было бы лучше унифицировать понятия и дать следующий перевод: *Ivan-tsarévitch et Marfa-tsarevna* или же *Le prince Ivan et la princesse Marfa*.

Иначе обстоит дело в итальянском языке:

Русский язык [1]	Итальянский язык [7]
Иванушка-дурачок	Giovanni-citrullo
Емеля дурак	Emiliano lo scemo
Иван Быкович	Ivan bovino
Иван Попялов	Giovanni Cinderello

Иванушка-дурачок	Giovanni-citrullo
Емеля дурак	Emiliano lo scemo
Иван Быкович	Ivan bovino
Иван Попялов	Giovanni Cinderello
Никита Кожемяка	Nikita Conciapelle
Козьма Скоробогатый	Cosimo Prestoricco
Баба-Яга	Baba Yaga
Кощей Бессмертный	Scheletto Senza Morte (букв. Скелет без смерти)
Несмеяна-царевна	La principessa Senza Sorriso (букв. Царевна без улыбки)

Здесь переводчик постарался подобрать к русским именам итальянские (Giovanni, Emiliano, Cosimo). «Подобное уподобление вряд ли целесообразно, так как создает неправильное представление о взаимозаменяемости имен собственных в разных культурах. Тем самым оно стирает культурные различия, усредняет, нивелирует разные культуры» [2, 470]. Так, итальянское мужское имя Emiliano может вызвать ошибочную ассоциацию с регионом Эмилия-Романья (Emilia-Romagna) и с названием его жителей — эмильянцами (emiliano).

Передача мифонима *Кощей*, как *Scheletto* также неудачна. Было бы лучше использовать транскрибирование *Koscei* и при необходимости в сноске привести пояснение: злой худощавый старик, смерть которого заключена в трудно находимой волшебной игле.

Литература:

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки: в 3-х томах. — М.: Гослитиздат, 1957 г. — Т. 1. — 514 с., Т. 2. — 509 с., Т. 3. — 571 с.
2. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
4. Реформатский, А. А. Введение в языкознание. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
5. Собрание авторских и народных сказок/Народные сказки Афанасьев А. Н. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hobbitaniya.ru/afanasyev/afanasyev.php>, свободный.
6. Текстология. Журнал о русском языке и литературе/Сказка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/skazka/?q=458&n=209>, свободный.
7. Afanasjev, A. N. Antiche fiabe russe (trad. di G. Venturi). — Torino: Einaudi, 1973. — 675 p.
8. Afanassiev, A. N. Contes populaires russes (traduit du russe et présenté par Lise Gruel-Apert). — P: IMAGO, 2010. — 416 p.
9. Russian fairy tales/Transl. by N. Guterman. — New York: Pantheon, 1945. — 662 p.

Интересен аналог *Giovanni Cinderello* подобранный к имени персонажа *Ивана Попялова*. Героя белорусской сказки прозвали Попяловым, потому что он 12 лет пролежал в пепле, а когда поднялся и отряхнулся с него сле- тело 6 пудов пепла (беларус. попел). Cinderello отсылает к всемирно известной сказке «Золушка» (англ. Cinderella, фр. Cendrillon, ит. Cenerentola).

Подводя итог проведенному исследованию можно сде- лать следующие выводы:

При передаче имен собственных сказочных персо- нажей в английском и французском языках почти всегда используется транскрипция или транслитерация, тогда как в итальянском переводчик чаще всего старается найти аналоги в ПЯ.

Всем говорящим прозвищам подобраны не менее яркие соответствия.

Из-за различий в словообразовании в исходном и пере- водящих языках не всегда удастся полностью отразить тот или иной оттенок значения. Так, из-за отсутствия суффиксов в английском языке для создания уменьшительно-ласка- тельного оттенка чаще всего употребляется прилагательное «little», например: Little Sister Fox and the Wolf — Лисич- ка-сестричка и волк, тогда как во французском и итальян- ском языках этот оттенок возможно передать с помощью словообразовательных элементов: *Sœurette la Renarde et le Loup* (фр. *sœur* — сестра, *sœurette* — сестричка)/*Sorellina volpe e il lupo* (ит. *sorella* — сестра, *sorellina* — сестричка).

К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов

Митяева Анна Павловна, аспирант

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Отличительной чертой современного языкознания является стремительное развитие такого его направления, как когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика, выделившаяся из когнитологии в середине 70-х годов 20 века, многими учеными до сих пор воспринимается неоднозначно, вызывая бесчисленное количество обсуждений и споров от абсолютного неприятия до полного признания. В какой-то степени из-за этого до сих пор не решена проблема терминологии как самого понятия *когнитивная лингвистика*, так и входящей в ее состав терминологической базы.

Когнитивная лингвистика — направление современного языкознания, в центре внимания которого находится язык как инструмент для организации, обработки и передачи информации и при этом как разновидность способности человека к познанию.

Представим некоторые определения когнитивной лингвистики. По определению Е.С. Кубряковой и В. З. Демьянкова, «когнитивная лингвистика (*cognitive linguistics*; *kognitive Linguistik*; *linguistique cognitive*) — лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [2. с. 53]. З.Д. Попова и И. А. Стернин полагают, что «когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [5. с. 12]. По мнению В.А. Масловой, «инструментом оперирования в когнитивной лингвистике становятся оперативные единицы памяти — фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупность всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допознавательные образы фрагментов мира) и т.д. Следовательно, когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания» [4. с. 13]. По мысли З.И. Резановой, когнитивная лингвистика — новый этап в исследовании языка. «В антропоцентристской парадигме лингвистического описания когнитивная лингвистика играет ключевую роль, исследуя связи языка и когнитивного механизма в качестве важнейших детерминаций, обуславливающих онтологические» [6. с. 195].

Когнитивная лингвистика — активно осваиваемая область научных исследований. Впервые работы по данному направлению были опубликованы в США в середине 1970-х гг., а впоследствии увидели свет труды европейских и российских когнитивистов. В отечественной науке

исследования в области когнитивной лингвистики велись с середины 80-х годов 20 века. Но начало научному направлению положили представители других наук, в первую очередь врачи, нейрофизиологи, психологи (П. Брока, К. Вернике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов и др.), затем нейролингвисты (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия) и психоллингвисты (Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэрл, А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов и др.) [5. с. 8].

До начала 1990-х годов «когнитивная лингвистика представляла собой совокупность индивидуальных исследовательских программ, слабо связанных или вовсе не связанных между собой» [4. с. 21–22]. Да и в настоящее время когнитивная лингвистика — не единое научное направление, у нее до сих пор нет унитарной концепции развития и определенного набора исследовательских подходов. В этом смысле ученые-когнитивисты не ограничены в выборе, им предоставлен широкий междисциплинарный спектр различных приемов и методов исследования таких наук, как лингвистика, психология, социология, этнография, политология, философия и др. Такой междисциплинарный подход является характерной особенностью современных гуманитарных научных направлений. Что люди знают о себе и о мире, как организовано и как вербализуется это знание, какова языковая картина мира — вот центральные вопросы, которые исследует когнитивная лингвистика. Исследования языковой картины мира способствовали появлению в отечественной когнитивной лингвистике особого направления — концептологии, занимающейся изучением и анализом *концептов*. Термин *концепт* первоначально появился в переводах на русский язык работ А. Вежбицкой и Ч. Филлмора.

Концепт связан с мышлением человека. Анализ концепта как мыслительной quintessence начинается с изучения репрезентации концепта в языке, т.е. с рассмотрения конкретных языковых единиц, которые могут обеспечить понимание концепта. Только через вербализацию концепт становится понятным для всеобщего восприятия. При этом объективация концепта носит индивидуальный характер, каждый человек в зависимости от пола, возраста или профессии по-разному вербализует тот или иной концепт. Изучение концептов осуществляется при помощи выявления и анализа языковых средств их репрезентации, а также моделирования их структуры.

Неоднородность и неоднозначность структурной организации концепта были понятны и видны еще с самого начала когнитивных исследований. Поэтому подходов к изучению концепта довольно много и все они разноплановые. В зависимости от науки, предметом которой яв-

ляется концепт, на сегодняшний день выделяют следующие основные научные подходы к его исследованию: 1) лингвокогнитивный; 2) лингвокультурологический; 3) психолингвистический/нейропсихолингвистический; 4) семантический; 5) логико-понятийный; 6) логический; 7) интегративный.

При всем многообразии подходов к изучению концептов в настоящее время можно говорить о двух более обоснованных и поддерживаемых научным сообществом подходах — лингвокогнитивный и лингвокультурологический. По словам В.И. Карасика, «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [1. с. 97]. Об этих двух основных подходах и пойдет речь в данной статье.

Представителями *лингвокогнитивного* подхода являются Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Г.Г. Слышкин, В.Г. Костомаров А.П. Бабушкин, С.А. Аскольдов и др.

В рамках лингвокогнитивного подхода исследователи определяют концепт как нечто моделирующее и обобщающее познавательную деятельность индивида. Исследователи, изучающие концепт с этой точки зрения, трактуют его как ментальное образование в сознании человека, которое помогает выйти на концептосферу (языковую картину мира). В основе наших знаний о мире лежит такая единица информации, как концепт, а язык выявляет и вербализирует то, что человек увидел и понял в окружающем его мире.

Связь концепта с картиной мира подчеркивают авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», определяя концепт как «термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2. с. 89].

И.А. Стернин трактует концепт как «комплексную мыслительную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [5. с. 27]. И.А. Стернин впервые разрабатывает полевую модель строения концепта. Однако исследователь обращает внимание на то, что структура концепта очень многослойна и разнообразна и потому модель концепта не является жесткой и навсегда определенной. С течением времени сам концепт может претерпевать различные изменения, его наполнение может варьироваться, и то, что находилось в одном понятийном слое, может по разным причинам перейти в другой. И.А. Стерниным определено наличие у концепта ядра и периферии. Таким образом, полевая модель концепта З.Д. Поповой и И.А. Стернина выглядит так: 1) ядро — яркий образ;

2) базовые слои — различные концептуальные признаки; 3) интерпретационное поле, содержащее трактовки содержания ядра и концептуальных признаков и принадлежащее индивидуальному или национальному сознанию.

Организация экспериментальной части нашего исследования, разработка и интерпретация на основе лингвистического эксперимента концепта *бизнес* опираются на структуру, предложенную З.Д. Поповой и И.А. Стерниним. С целью построения номинативного поля изучаемого концепта, вербализующего его ассоциативный слой, был применен свободный ассоциативный эксперимент как метод, широко известный и активно использующийся не только в когнитивной лингвистике, но и в других науках. Данный метод позволяет получить богатый языковой материал, необходимый для построения интерпретационного слоя концепта

На основе полученных результатов построена модель ассоциативного поля концепта *бизнес*, отражающая смысловое наполнение номината одноименного концепта в сознании современного поколения. Итак, экспериментальным путем было установлено, что в интерпретационное поле концепта *бизнес* попали такие лексемы, представленные ниже в зависимости от частотности употребления, как *деньги, работа, автомобиль, коррупция, дело, кредит, риск, связи, конкуренция* и пр. Высокий процент среди единиц номинативного поля концепта *бизнес* составляют новейшие заимствования конца XX — начала XXI века, по терминологии О.Г. Щитовой, — новейшая *ксенолексика* [7, 9–11]. К ним относятся такие лексемы, как *бизнес-ланч, рэкетир, дефолт, промоушен, мерчендайзер, креатив* и др.

Таким образом, полученные реакции в своей совокупности помогают составить представление о том, какие смыслы лежат за исследуемым концептом для носителей современной культуры. Можно предположить, что все полученные реакции не являются случайными, они обусловлены статусом, образованием, деятельностью человека и вписываются в общие процессы языка, изучаемые современной когнитивной лингвистикой. Итак, лингвокогнитивный подход в исследовании концептов предполагает изучение культуры и окружающего мира через сознание индивида.

Совершенно противоположным является *лингвокультурологический* подход, идущий, соответственно, от культуры к индивидуальному сознанию. С лингвокультурологической точки зрения концепт считается базовой единицей культуры, который является результатом культурных знаний человека. Приверженцами данного подхода принято считать С.Г. Воркачева, Д.С. Лихачева, В.Н. Нерознака, Н.А. Красовского, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Маслову и др. Лингвокультурологический подход ориентирован на изучение культурных концептов, он помогает понять их сущность, сформировавшуюся в коллективном сознании, определить систему ценностей, на развитие которой повлиял культурный, языковой или общественный опыт индивидов.

Лингвокультуролог В.А. Маслова разрабатывает понятие ключевые концепты культуры, под которым подразумевает ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингво-культурного сообщества в целом [4. с. 51]. В результате анализа концептов В.А. Маслова приходит к выводу, что культурных концептов в любом языке очень много, значительно больше, чем может показаться на первый взгляд. Концепты культуры играют значительную роль в коллективном языковом сознании и поэтому их исследование — очень популярное и актуальное направление лингвокультурологии в настоящее время. Одним из наиболее ярких представителей лингвокультурологического подхода к исследованию является Ю.С. Степанов. Концепт для него — «предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8. с. 41].

Концепт для ученого относится к ценностям, которые представляют собой элементы и языкового сознания нации, и индивидуального сознания человека. По мнению Ю.С. Степанова, в составе концепта выделяются следующие компоненты: «(1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [8. с. 44].

Создание структурированной модели концепта позволяет разработать новые методы и приемы его исследования для каждого из его уровней. Так, для изучения пассивного слоя концепта рекомендуется обращение к историческому методу, то есть выявлению закономерностей развития словаря в связи с развитием общества, т.е. рассмотрению материала в диахроническом аспекте. Актуальный же слой концепта рассматривается с социальной стороны путем синхронного анализа. Для этого активно используются тексты СМИ и Интернет. Все это позволяет на практике применить понятие *концепт* как инструмент лингвокультурологического анализа.

В связи с этим еще одно определение Ю.С. Степановым *концепта* — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в мен-

тальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [8. с. 40].

Также можно отнести к лингвокультурологической с некоторым психологическим уклоном позицию Д.С. Лихачева. При объяснении понятия концепт, во главу угла Дмитрий Сергеевич ставит индивидуально-психические особенности человека. В формировании концепта ученый придает большое значение самой личности, ее культурному и образовательному уровню, запасу знаний и умений. Этот багаж, по мнению Д.С. Лихачева, «не обедняет, а даже обогащает и расширяет последний (концепт — А. М.). У каждого человека есть свой, индивидуальный, культурный опыт, запас знаний и навыков (последнее не менее важно), которыми определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений, а иногда, впрочем, и их бедность и однозначность» [3. с. 281]. Таким образом, Д.С. Лихачев понимает концепты с точки зрения отдельного индивида, но признает и их универсальность и всеобщность.

Итак, были представлены два основных подхода к изучению концептов. Данные подходы в той или иной степени представляют концепт как ментальный способ репрезентации действительности в сознании людей, как смысловое образование, несущее важную культурную информацию и находящее свое конкретное вербальное или знаковое выражение в языке. В рамках разных научных подходов понимание концепта может отклоняться от данного определения, т.е. нужно признать, что единого определения *концепта* до настоящего времени еще не выработано. Концепты носят универсальный характер, т.к. являются продуктом мыслительной деятельности человека и отнесение их к тому или иному направлению когнитивной лингвистики в некоторой степени условно. Очень важной представляется содержательная составляющая концептов, т.к. именно их содержание фиксирует и репрезентирует различия в концептосфере того или иного народа. Концептосферу, т.е. глобальный образ мира, составляет совокупность культурологических и лингвокогнитивных концептов, и для нее больше важна содержательная, а не формальная организация концептов.

Литература:

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов/Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1997. — 242 с.
3. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М.: Академия, 1997. — с. 280–287.
4. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 296 с.
5. Попова, З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. — 314 с.
6. Резанова, З.И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Том. гос. ун-та, 2010. Томск. — № 334. — с. 195–199.

7. Савилова, С. Л., Щитова О. Г. Групповая языковая личность студента высшей школы: типические признаки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3. — Ч. 1. — 2014. — С. 206–209. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/59.html> (Дата обращения 13.04.2015).
8. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
9. Щитов, А. Г., Щитова О. Г. Новейшая ксенолексика в речи учителя-словесника // Комплексный подход к подготовке специалиста-исследователя: тезисы докладов общероссийской конференции. — Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 1997. — с. 7–8.
10. Щитова, О. Г. Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — с. 27–30 [Электронный ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/355/image/355-027.pdf> (Дата обращения 13.04.2015).
11. Щитова, О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. — Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. — № 1 (2). — с. 278–286 [Электронный ресурс]. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234> (Дата обращения 26.04.2015).

Способы выражения глаголов движения с приставкой «с-» в персидском языке

Мохаммади Мохаммад Реза, доцент;
 Голькар Абтин, преподаватель;
 Гахремани Хавва, магистр
 Университет «Тарбият Модарес» (г. Тегеран, Иран)

Настоящая статья посвящена русским глаголам движения с приставкой «с-» и способы их выражения в персидском языке. Выбор данной темы объясняется тем, что студенты, изучающие русский язык часто сталкиваются с трудностями в понимании значений и употребления приставок «с-» с глаголами движения. Присоединение приставок к этим глаголам изменяет их значение, а иногда прибавляет новое значение к исходному значению глагола.

На материале приставки «с-» будет проиллюстрировано рассмотрение русских глаголов движения с приставкой «с-» и теоретических вопросов, связанных с ними, классификация глаголов движения с приставкой «с-» и их значения в прямом значении, сопоставление русских глаголов движения с приставкой «с-» с их персидскими коррелятами; определение способов передачи значений глаголов движения с приставкой «с-» на персидский язык.

Ключевые слова: приставка «с-», глагол движения, приставочный глагол движения, русский язык, персидский язык.

Глаголы движения

Современная лексика русского языка состоит из множества пластов, различающихся стилистическим употреблением, частотностью, принадлежностью к различным семантическим полям. Человек использует в разных ситуациях различные пласты лексики, но можно сказать, что никто не может обойтись без употребления слов из группы глаголов движения. Эти глаголы в русском языке в сочетании с приставками выражают разные значения. В русском языке среди глаголов, существует одна группа, которая обозначает движение специфично и состоит из 14 пар. Глаголы, обозначающие движение, перемещение в пространстве, называются **глаголами движения**. Например: *летать, плавать, ходить, водить, носить, ездить, бегать*.

В «Русской грамматике» определяются глаголы движения русского языка таким образом: «Глаголы движения являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов несовершенного вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разнокорневых в паре *идти — ходить*). Эти слова противопоставлены друг другу по значениям односторонности-неодносторонности движения, а также по некратности-кратности» [Русская грамматика, 1980: § 1404].

В современном русском языке рассмотрение и изучение приставочных глаголов является одним из трудных разделов русской грамматики для иностранных.

Изучением глаголов движения, в том числе и приставочных глаголов движения, занимаются как зарубежные, так и отечественные лингвисты.

Словообразование глаголов

Словообразование один из компонентов общей системы языка. Словообразование — это раздел науки о языке, изучающий морфемный состав слова, отношения производности между однокоренными словами. Толкование словообразования в «Словарь-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя представляется таким образом: «**словообразование**. 1. Раздел языкознания, изучающий структуру слов и законы их образования. 2. Образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем либо без аффиксным способом по определенным моделям, существующим в данном языке» [Розенталь, 1976:414].

Процесс словообразования тесно связан как с лексикой, так и с грамматикой. Связь с лексикой выражается в пополнении словарного состава языка новыми словами, потребность в которых порождена самой жизнью. Связь с грамматикой проявляется в том, что новые слова обычно оформляются по существующим моделям, располагаются по тем грамматическим категориям, которые присущи языку.

Среди всех частей речи глагол имеет самые широкие словообразовательные связи и активно влияет на все важнейшие процессы словообразования. В связи с этим, мы рассматриваем словообразование глагола. В «Современном русском языке» Н. С. Валгиной так написано: «При образовании глаголов в различной степени продуктивны три морфологических способа словообразования: префиксальный, суффиксальный и суффиксально-префиксальный.

Префиксальный способ образования глаголов является наиболее продуктивным. От любого бесприставочного глагола путем присоединения к нему приставки, возможно, образовать новый глагол с иным оттенком в лексическом значении (ср. *бежать* — *вбежать*, *выбежать*, *прибежать*, *отбежать* и др.). Лексическое значение приставки наиболее отчетливо у глаголов движения» [Современный русский язык, 2002: §196].

«Префиксы (латинский *prefixus* — прикрепленный спереди), называемые также приставками, которые находятся в слове перед корнем (*прибежать*) или другим префиксом (*призадуматься*).

В русском языке префиксы никогда не бывают самостоятельными средствами словоизменения, окончания же всегда выполняют словоизменяющую функцию» [Лекант, 2001: 185].

Приставки сообщают глаголам временные, пространственные и количественные значения. Чаще всего эти значения выступают отдельно (одно независимо от другого), но они могут и совмещаться, т. е. иногда встречаются в семантике одного глагола как его разные значения или составляют компоненты одного его лексического значения.

Глаголы движения с приставкой «с-»

В книге «Система русских приставочных глаголов движения в зеркале персидского языка» подчеркивается, что глаголы движения с пространственной приставкой «с-» имеют четыре лексико-семантические варианты (ЛСВ). Перечислим эти ЛСВ:

С₁ — Направленность движения субъекта/объекта сверху вниз. *Сбежать, сойти, сползти, слезть по лестнице* = вниз

С₂ — Движение с целью изменить место нахождения, перестать находиться где-л., движение в бок: не сойти мне с этого места, *машина съехала на обочину*;

С₃ — Комплексное движение туда и обратно: *сходить в магазин*,

С₄ — Направленность движения с разных сторон в одну точку: *сойтись у калитки* [4].

Можно определить нижеследующие основные значения для анализируемых приставок при их сочетании с глаголами движения:

Приставка «с-»:

- движение сверху вниз,
- соединение, движение с разных сторон в одно место,
- совершение движения туда и обратно,
- результативность движения.

Глагол в персидском языке

По мнению Ю. А. Рубинчика, «глагол — часть речи, в основе семантики которой лежит обозначение процесса. Обобщенное понятие процесса конкретизируется лексической семантикой глагола: процесс может обозначать действия лиц, предметов, явлений» [Рубинчик, 2001 : 197].

«Простые глаголы состоят из одного слова, в котором, если оно берется в форме инфинитива, выделяются две морфемы — основа прошедшего времени и суффикс *ن* an Количество простых глаголов в персидском языке строго ограничено и составляет около трехсот единиц. <—>

- Префиксальные глаголы

Особенностью этого структурного типа глаголов является наличие у них префиксов (приставок, превербов), которые в отличие от отмеченных выше формообразующими. Число словообразующих префиксов невелико, и, как справедливо отмечают иранисты, оно уже не пополняется новыми префиксами. Состав префиксальных глаголов и значения глагольных префиксов, которые исторически восходят главным образом к предлогам, довольно подробно освещены в работах отечественных и зарубежных авторов. Тем не менее вопрос о выделении префиксальных глаголов в самостоятельный структурный тип остается еще спорным» [Рубинчик, 2001: 204–205, 213].

Далее будут проанализированы примеры употребления приставки «с-» с глаголами движения в составе предложения и указываем на их значения, которые зафиксированы в русско-персидских словарях, лексические и грамматические способы двух языков в отношении перечисленных эквивалентов.

Для каждого глагола даются его значения и их примеры из словарей С. И. Ожегова, и Д. Н. Ушакова. После каждого примера представляется его перевод на персидский язык, предлагаемый автором. В конце дается анализ данных примеров.¹

1. Сбегать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) быстро, бегом спуститься вниз:

1. **Сбежали** с лестницы.

— *Бэ сорят/бэдо аз пелеһа паин дэвиданд.*

б) о многих, многом, бегом собраться в одном месте, вообще собраться вместе:

2. *Он думал, на него сбежится* весь базар, как на пожар. (Крылов)

— *У фэкр микярд, энгар атйшсузи шодэ башад, һәмэ-е базар бэ сорят/бэдо доре у джэм хаһанд шод.*

В примерах эквиваленты в персидском языке выражаются способом сочетания сложного глагола с наречием: *به سرعت/بدو جمع شدن*, *به سرعت/بدو پايين آمدن*. Предложения имеют дополнительное значения скорости движения чего-нибудь и пространственное значение.

2. Свезить:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) стащить, стянуть, волоча (простреч.) (Уш.):

3. **Свезти** скатерть со стола.

— *Софрэ ра аз руе миз бярдаштан/кецидән.*

б) спуститься, сползти (простореч.) (Уш.):

4. *Одеяло свезлось* с постели.

— *Ләһаф аз руе тәхтехаб сор хорд вә офтад.*

Значения глагола «свезить» в русских словарях по сравнению с русско-персидскими словарями немного различаются. В русских словарях точно указано на движение сверху вниз, стащить что-нибудь, сползти что-нибудь. Во всех его эквивалентов в персидском языке встречается пространственное значение.

3. Сводить:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

б) веда, доставить сверху вниз, помочь кому-н. сойти вниз:

5. **Свести** слепого с лестницы.

— *Набина ра аз пелеһа паин авәрдән.*

б) удалить, направив в другую сторону:

6. **Сводить** лошадь с дороги.

— *Асб ра аз джадэ дур кардан/монһареф кәрдән.*

Глагол «сводить» в разных контекстах имеет разные значения. Его эквивалент определяется с контекстом. Значение глагола в примере № 6, не выражено в русско-персидских словарях и на основе русских значений мы предлагаем новый эквивалент.

4. Сгонять:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) быстро сбегать или съездить куда-нибудь (Ож.):

7. **Сгонять** в магазин на велосипеде.

— *Ба дочархэ (сарие) бэ магазе рафтән.*

д) кого, что. Пригоняя из разных мест, заставить сойтись, собраться:

8. **Сгонять** коров на луг.

— *Гавһа ра дәр мәрғзар джэм кәрдән.*

¹ Подробнее анализ данных глаголов выражается в магистерской диссертации «Русские глаголы движения с приставками «раз-» и «с-» и способы их выражения в персидском языке» под руководством к.ф.н. Мохаммади М.Р., Университет Тарбиат Модарес Тегерана.

При анализе этих примеров можно сказать, что значение этого глагола в таких примерах не зафиксировано в русско-персидских словарях, а их эквиваленты выражены при помощи русских объяснений. В примере № глагол «сгонять» имеет пространственное значение. Эквиваленты передаются на персидский язык и сложным и простым глаголами,

1. Съезжать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) свернуть в сторону (при езде) (Ож.):

9. *Машина съехала на обочину.*

- *Машин бэ кэнар-э джадеһ пичид.*

б) покинуть какое-н. жильё, переселившись (разг.):

10. *Жильцы съехали.*

— *Сакэнин әсбабкэши кәрдәнд/наглә мәкан кәрдәнд.*

Глагол «съезжать» в основном имеет пространственное значение. Эквиваленты примеров № 10 не указан в русско-персидских словарях.

2. Сходить:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) идя, покинуть своё место, спуститься:

11. *Поезд сошёл с рельсов.*

— *Гатар әз рейл харедж шод.*

б) о пассажире: выйти на остановке (из вагона, автобуса, троллейбуса) (разг.) (Ож.):

12. *Сойдете на следующей остановке?*

— *Дәр истгаһ-э бәэди пиядеһ хаһид шод?*

Эквиваленты примеров имеют пространственное значение и эквиваленты выражены сложными глаголами.

5. Скатывать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) катая, свернуть (в трубку), собрать (в шарик):

13. *Скатать рукопись в трубку.*

— *Дәст невештеһ ра лулеһ кәрдән.*

б) быстро сходить, сбегать (простореч. фам.):

14. *Он мигом скатает за папиросами.*

— *У меслә бәрг бәра-э хәрид-э сигар (сәриэ) мирәвәд.*

Значение примера № 14 не зафиксировано в русско-персидских словарях. В примерах для передачи их эквивалентов на персидский язык употребляются сложные глаголы.

6. Слезать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) спуститься, держась, цепляясь за что-нибудь:

15. *Слезть со стремянки.*

— *Әз нәрдәбан паин амәдәнд.*

б) то же, что сойти (о пассажире: выйти на остановке (из вагона, автобуса, троллейбуса) (разг.):

16. *Слезть с трамвая.*

— *Әз терамвай пиядәһ шодән/ паин амәдәнд.*

Эквиваленты глагола «слезать» передаются сложными глаголами на персидский язык. Эквиваленты № 15 и 16 имеют пространственное значение.

7. Слетать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) летя, спуститься:

17. *Орёл слетел со скалы.*

— *Огаб пәрвазконан әз руэ сахрәһ фуруд амәд.*

б) прилететь в одно место с разных сторон:

18. *Воробьи слетелись на гумно.*

— *Гонджешкһа ру-э хәрмәнгаһ джәм шодәнд.*

Глагол «слетать» в персидском языке выражается сложными глаголами, и имеет пространственное значение.

8. Сносить:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) кого, что. отнести куда-нибудь, или сверху вниз:

19. *Река снесла плоты вниз по течению.*

— *Рудханеһ ба джәрәянэ аб, кәләкһа ра паин авәрдәһ әст.*

б) что. Сорвать, сломать; сокрушив, унести и силою сбросить, скинуть, сдвинуть с чего-н., откуда-н.:

20. *Буря снесла крышу.*

— *Туфан сэгф ра хяраб вә аз джа кянд.*

Значение примера № 19 не указано в русско-персидских словарях. эквиваленты примеров в персидском языке выражаются сложным глаголам.

9. Сноситься:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

— Установить связь с кем, чем-нибудь, сообщить что-н. друг другу:

21. *Все правительства снесутся телеграммами.* (Некрасов)

— *Тамамие нукумәтһа аз тәриг-э тәлэграф эртэбат бәргярар миконянд.*

Глагол «сноситься» передается в персидском языке сложным глаголом.

10. Сплывать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) уплыть вниз по течению, быть унесенным водой:

22. *В половодье мостки, плотик — все сплыло.*

— *Дяр сейлаб полһа, гаегһае бади, һәмэ ра аб борд.*

б) стечь откуда-нибудь, с поверхности чего-н., переливаться через край:

23. *Весь навар сплыл.*

— *Һәме-э рогяне ру-э гәза сяр рәфт/сяр риэ шод.*

Эквивалент глагола «сплыть» вообще не зафиксировано в русско-персидских словарях. Эквиваленты передаются на персидский язык при помощи сложного глагола.

11. Сползть:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) спуститься ползком или медленно, с трудом:

24. *Сползла с плеча его доха.* (Некрасов)

— *Палто-э пуст-э у аз ру-э шанэ-әш бә арами паиин рәфт/паиин ләгзид.*

б) о многих, многом: ползая, собраться в одно место:

25. *Тараканы сползлись на хлебный крошки.*

— *Сускһа ру-э хордэ нанһа джәмэ шодэ будянд.*

Значение глагола «сползаться» не зафиксировано в русско-персидских словарях. Эквивалент примера № 24 передается способом наречия + сложного глагола и № 25 — сложным глаголам.

12. Стаскивать:

Значения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова:

а) переместить куда-нибудь, таща волоком:

26. *Кум замертво стащил ее обратно в пруд.* (Крылов).

— *Пирмәрд бәдән-э би ждан-э у ра кэшан кэшан бә тәрәфэ абгир бәргярданд.*

б) о многом, многих: таща, принести куда-нибудь, сосредоточить в одном месте (Ож.):

27. *Стащить хворост в кучу.*

— *Шахәһа-э хошк ра дяр кумәһ-и джәм кярдән.*

Значение примера № 26 выражается в персидском языке «наречием+приставочным глаголам», передаются сложными глаголами и их значение-пространственное.

Заключение

Русские глаголы движения с приставкой «с-» передают многие значения, но в персидском языке такой разряд, как глаголы движения, не выделяется. Приставки в персидском языке могут передать новые значения, но не обладают таким разнообразием, широким употреблением как в русском языке.

Приставки кроме семантических изменений играют также роль в образовании видовых пар глаголов движения.

2. Значения глаголов движения с приставкой «с-» представлены ниже:

1) быстро спуститься, бегать, сползти, доставить сверху вниз. Переводится на персидский язык:

– сложным глаголом + наречием: به سرعت/بدو پايين دویدن

– сложным глаголом + простым глаголам: سر خوردن و افتادن

– сложным глаголом: پايين آمدن

– простым глаголом: افتادن

2) быть унесенным, сломать, вывести что-нибудь. Выражается в персидском языке:

– сложным глаголом: خراب شدن، پاک شدن، پاک سازی کردن/ از بين بردن

3) отвести, отклонить, свернуть в сторону. Передается на персидский язык:

- сложным глаголом: دور کردن/منحرف کردن
- простым глаголом: کشیدن، پیچیدن

4) соединить, сблизить, собраться (собрать) в одном месте. Передается на персидский язык:

- сложным глаголом + наречием: به سرعت/بدو جمع شدن
- сложным глаголом: جمع شدن

Значения глаголов движения с приставкой «с-» даются с помощью значения, которые зафиксированы в русско-персидских словарях и толковых русских словарях, но в ходе работы были предложены также другие новые значения, которые не указаны в русско-персидских словарях (См. примеры № 3, 7, 14 и др.). Иногда параллельно с существующим переводами предложены и другие эквиваленты, (См. примеры № 6, 10 и др.).

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что контекст и стиль речи играют важную роль в определении лексического значения приставочных глаголов движения в русском языке. При нахождении их эквивалентов в персидском языке сложного глагола преобладает над простым глаголом.

На основе проведенного исследования можно уверенно сказать, что русские словари С. И. Ожегова, и Д. Н. Ушакова по сравнению с русско-персидскими словарями Г. А. Восканяна и И. К. Овчинниковой располагают более широкими значениями. Поэтому мы на основе значений, указанных в русских словарях, предлагали и новые эквиваленты в персидском языке.

Литература:

1. Архипова, Л. В. Изучаем глаголы движения, Тамбов, 2006.
2. Волохина, Г. А., Попова З. Д. Русские приставочные глаголы и их значения: учебное пособие для прак., занятий, Воронеж, 1994.
3. Восканян, Г. А. Русско-персидский словарь, Тегеран: изд. Кухсарь, 2002 (1381)
4. Всеволодова, М. В., Али Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка), М: ЛКИ, 2010.
5. Гахремани, Х., «Русские глаголы движения с приставками «раз-» и «с-» и способы их выражения в персидском языке» //магистерская диссертация, — Тегеран: университет «Тарбиат Модарес», 2014.
6. Овчинникова, И. К., Г. А. Фруругян и др., Русско-персидский словарь, Тегеран, изд.: Гутенбэрг, 2000 (1384).
7. Ожегов, С. И., Н. Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. -4-ое изд. — М.:Азбуковник, 1999.
8. Розенталь, Д. Э. И др., Словарь-справочник лингвистических терминов, — М.: Просвещение: 1976.
9. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного литературного персидского языка. — М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
10. Русская грамматика/Под. ред. Щедовой Н. Ю. — М.: Наука Т. I и II, 1980.
11. Современный русский язык/Под. ред. Леканта. П. А., — М.: Дрофа, 2001.
12. Современный русский язык: Учебник/Под. ред. Н. С. Валгиной. — 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2002.
13. Тихонов, А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка, — 3-е изд., М.: Культура и традиции, 1996.
14. Ушакова, Д. Н. Толковый словарь русского языка, Издание: Государственный институт «Советская энциклопедия» — М.: ОГИЗ. 1935–1940.

Терминология китайской медицины. К постановке вопроса

Попова Дарья Евгеньевна, студент;
Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Китайская медицина, как традиционная, так и современная, всегда пользовались повышенным интересом в мировом медицинском сообществе. Однако существуют барьеры для понимания медицины восточной Азии ввиду ее специфичности. Ни в коем случае нельзя приравни-

вать термины западной медицины к терминам традиционной китайской медицины, так как это может привести к фатальным ошибкам. Все дело в ином подходе к человеческому телу и методам лечения. Другая проблема состоит в том, что пока не сформирована единая терми-

нологическая база, тем, кто заинтересован в китайской медицине, приходится сталкиваться с проблемами перевода. Такие проблемы возникают из-за многозначности иероглифов и метафоричности терминов. Данная тема затрагивалась ранее в статье *Хоречко У.В. «К вопросу образования китайских медицинских терминов»*, где говорилось о том, что «В китайско-русских словарях обычно можно встретить только общеупотребительное значение слова, из которого не всегда понятно, какое значение тот или иной термин несет в контексте медицины» [1, с. 203–205]. Для того чтобы начать разбираться в терминологии китайской медицины, необходимо понять природу традиционного врачевания. Ведь язык китайской медицины является специализированной формой китайского языка, используемого в медицинской среде.

Более трех тысяч лет назад к китайцам пришло понимание человеческого тела и его недугов, и оно отчасти заменило старые представления. Теперь, тело стало рассматриваться в качестве империи, в которой посредством

хорошо организованной политической иерархии обеспечивается плавное взаимодействие всех его частей. В соответствии с новыми взглядами на здоровье и болезни, которые подчиняются законам природы, знание этих законов в свою очередь способствует вмешательству в болезненные процессы и восстановлению организма. Данная «революция» произошла не спонтанно, а в результате расцвета философской мысли, которая рассматривала помимо всего прочего и здоровье общества, как субъект естественных законов Дао. Следуя конфуцианской мысли, человек может обеспечить для себя стабильную жизнь, правильно питаясь, одеваясь, и ведя умеренный образ жизни. Однако, воздействие факторов внешней среды, таких как холод, жар, ветер, сырость, сухость и летний зной могут спровоцировать болезнь. Заболевания, связанные с вышеупомянутыми внешними факторами тесно связаны с сезонами года. Отдельное место в ТКМ занимает учение о ИНЬ-ЯН и Теория пяти элементов (У-СИН). Остановимся на каждой из них поподробнее.

Общие явления ИНЬ-ЯН

Явление	Ян	Инь
пространство	небо	земля
время	день	ночь
сезон	Весна лето	Осень зима
пол	мужской	женский
температура	горячая	холодная
вес	легкий	тяжелый
яркость	светлый	темный
движение	Вверх наружу	Вниз вовнутрь
	очевидное движение	застой

Как учение о ИНЬ-ЯН стало детерминированной доктриной, так вещи и явления, которые имели естественные дополнительные противопоставления, смогли классифицироваться как инь и ян согласно не только своей природе, но также взаимосвязи и взаимодействию между собой. В медицине Инь и Ян выступают классификаторами частей тела, внутренних органов и физиологических веществ, и их движением в теле вверх-вниз, вовнутрь или наружу. Все это сочетается с пониманием основных физиологических процессов, сформированных из рудиментарных анатомических наблюдений. Учение о Инь и Ян не проливает свет на подробную работу внутренних органов, однако служит продуктивной основой для понимания взаимосвязи между ними. Результатом потери относительного равновесия ИНЬ-ЯН их избытком или недостаточностью является возникновение заболевания. В ТКМ ИНЬ и ЯН также подразделяются как два типа патогенных факторов. При внедрении патогенного фактора ИНЬ происходит его преобладание и повреждение ЯН, что проявляется синдромами «холода типа избытка». Также, наоборот,

при превалировании ЯН идет повреждение ИНЬ, что проявляется синдромами «жара типа избытка». Если же Ян истощена, то происходит преобладание ИНЬ и сопровождается синдромами холода типа недостатка и наоборот.

Теория Пяти элементов (У — СИН) довольно сложна, но последовательна. Она отражает пять категорий окружающего мира: дерево木, огонь火, земля土, металл金 и вода水. Все Пять элементов имеют различные свойства, однако взаимосвязаны друг с другом и имеют прямую зависимость. Двумя неотъемлемыми свойствами Пяти Элементов являются активация и угнетение. Так, дерево активирует огонь, огонь-землю, земля-металл, металл-воду, вода-дерево. При угнетающей связи, дерево угнетает землю, земля — воду, вода-огонь, огонь — металл, металл-дерево. Основные идеи таковы: каждый внутренний орган относится к определенному элементу, при повреждении какого-либо органа происходит реакция со стороны других органов, что называется трансмиссией заболевания. В соответствии с теорией У-СИН, данная передача может осуществляться по активирующим и угнета-

ющим связям. ЦЗАН-ФУ-органы — это общее название органов человека, и оно включает в себя 5 ЦЗАН-органов, и 6 ФУ-органов, а так же «необычные ФУ — органы». [2,

с. 31]. Для более простого понимания, предоставляем вашему вниманию таблицу, в которой соотнесены элементы и органы:

элемент	ЦЗАН-органы	Фу-органы	Необычные ФУ-органы
Дерево	Печень	Желчный пузырь	Желчный пузырь
Огонь	Сердце心 перикард	Тонкий кишечник Сань-цзяо	Головной мозг костный мозг髓
Земля	Селезенка脾	желудок	Кости骨
Вода	Почки腎	Мочевой пузырь	Сосуды
металл	Легкие肺	Толстый кишечник	матка

Что подразумевает под собой загадочный Сань-Цзяо? Его можно расшифровать как три части тела: до диафрагмы — ШАН-ЦЗЯО (сердце и легкие), между диафрагмой и пупком — ЧЖУН-ЦЗЯО (селезенка и желудок), ниже пупка — СЯ-ЦЗЯО (почки, кишечник и мочевой пузырь). Главной его функцией является направление энергии ЧИ (жизненной энергии) и помощи в циркуляции жидкости тела.

Мы попытались описать основные положения ТКМ: те системы взаимодействия элементов между собой и их влияние друг на друга, без которых традиционная китайская медицина не может называться традиционной. Из всего вышесказанного становится понятным, что большая часть элементов ТКМ относится к натурфилософии. Основные термины, такие как 水shui (Вода), 土tu (Почва), 金jin (Металл), 风feng (Ветер), 木shu (Дерево), 火huo (Огонь), 熱 — 寒re — han (жар и холод) являются частью философской терминологической лексики и имеют свои прямые эквиваленты.

Кроме всего прочего, нельзя пропустить ранее упомянутый факт, который говорит нам о метафоричности терминов китайской медицины. Понятие метафоры, классической формы семантического расширения, существует с древности, но это по большей степени считается стилистическим приемом писателя или оратора. Метафора имеет большое значение в подходе к пониманию любого интеллектуального продукта цивилизации. Писатель из Германии Пол Уншульд утверждает, что развитие медицинских идей может быть понято только в том случае, когда словарный запас китайской медицины рассматривается в контексте экономических, социальных, политических и философских вопросов. Выбор метафоры может быть и не случайным, он может и отражать происхождение самого понятия.

В любой терминологии, слова, которые не используются в их первоначальном значении, используются в расширенном смысле. В терминологии китайской медицины наиболее распространена метафоричность (например, 血xuehai, море крови). Тем не менее, есть определенные трудности в распознавании того, используются ли слова в широком смысле или нет. Мы придерживаемся той точки зрения, что метафора в самом широком смысле включает в себя не только саму истинную метафору, но и сравнения и метонимии. Также категорией ме-

тафоры выступают и эпитеты. Истинные метафоры наиболее часто употребляемы.

Метонимия используется в качестве части, представляющей целое, или используется для наименования одного объекта для целого класса, к которому принадлежит объект. В китайской медицине 穀gu, злаки, означает пищу в целом, а 水, shui, вода, означает жидкости или напитки. Это и является метонимией.

Использование термина 脉, mai, сосуды, для обозначения движения в сосудах, т. е. пульса, можно также рассматривать как метонимию. Термины ИНЬ и ЯН первоначально значили тенистую и темную стороны горы, однако за появлением учения о ИНЬ-ЯН мы стали классифицировать метонимически какие-либо предметы в системе. Кроме того, пять элементов 木 дерево, 火 огонь, 土 земля, 金 металл, 水 вода, также могут рассматриваться как метонимия.

Сравнение отличается от метафоры тем, что акт сравнения является явным. Именно поэтому Ньюмарк называет сравнение «более осторожной формой метафоры». Китайские медицинские писатели обычно используют сравнение для описания различных явлений. 下焦如渎xiajiaorudú — нижний «обогреватель», как скважина (нижний центр (кишечник и органы выделения)); 白如枯骨bairukugǔ — белый, как сухая кость.

Метафорический эпитет — это слово или фраза, описывающая абстрактные характеристики субъекта (его функции) путем приравнивания к другому субъекту, обладающим сходными характеристиками. В первом из приведенных ниже примеров кровь описывается как «мать ци». Когда мы осознаем значение метафоры, мы понимаем, что эта фраза не имеет генеалогической связи между ЦИ и кровью. Дело в том, что кровь питает ЦИ, как мать кормит дитя. Метафорические эпитеты это некая специфическая форма описательной метафоры. 气为血之帥qiwei xuezhishuai — ЦИ направляет кровь; 将军之官jiangjunzhiguan — внутренний орган подобен генералу/ — печень.

Фразеологизмы, используемые в медицинской лексике можно классифицировать по разным группам, в зависимости от их составляющих. Например, это могут быть фразеологические единицы, относящиеся к частям тела или физиологии. Например:

兕骨fugu, — ребра дикой утки/реберные дуги;

五轮 wǔlún — пятиколёсный/(веки, уголки глаз, белки, радужная оболочка, зрачки);

喉管 hóuguǎn — глотка, глоточная трубка;

三焦 sānjiāo — три обогревателя — один из шести Фу-органов, включающий верхнее (легкие, сердце), среднее (желудок, селезенка), нижнее (печень, почки, мочево́й пузырь) Цзяо;

营气 yíngqì — питающие жизненные силы (циркулирующие по 经 меридианам; напр. артериальная кровь);

宗气 zōngqì — наследственная Ци;

君火 jūnhuǒ — жар от сердца; сердце;

命门之火 mìngmēnzhihuo — врата жизни во огне/жар в почках;

龙雷之火 lóngléizhihuo, — огненные дракон и гром, т. е. врата жизни во огне/жар в почках;

后天之本 hòutiānzhi běn — основа позднего рая (приобретение конституции);

髓海 suǐhǎi — море костного мозга/мозг (головной);

玉海 yùhǎi — море из нефрита/мочево́й пузырь;

气街 — дорога Ци/проход Ци;

Выискивая особенности терминологии китайской медицины, можно также прийти к выводу о том, что китайская медицина не брезгует и заимствованиями и кальками (семантическими заимствованиями), которые делятся на чисто фонетические и полу-фонетические. Например: 卡波卡因 kǎbōkāyīn — карбокаин; 咖啡因 kāfēiyīn — кофеин; 艾滋病 àizībìng, СПИД; 休克 xiūkè, шок (мед. смысл); 海洛因 hǎilùoyīn, героин; 鸦片 yāpiàn, опиум; 吗啡 mǎfēi, морфин; 阿斯匹林 āsīpílin, аспирин; 爱克斯光 àikèsīguāng — х-лучи (爱克斯 àikèsī — от англ. X-iks); 埃可病毒 āikèbìngdú — ЕСНО-вирусы.

Кальками называются заимствования иностранного слова или выражения посредством буквального перевода. Т. е. средствами принимающего языка они точно воспроизводятся, при этом сохраняя морфологическую структуру.

В основном, большая часть масса современной китайской терминологии — это разновидности кальки. Если рассматривать структуру этих слов, то они состоят из китайских элементов. А если источник возникновения — то это заимствования, т.к. вводится в обиход заимствующего языка раннее отсутствующие в нем значения.

Структурные. Дают буквенный перевод каждого структурного элемента

Литература:

1. Хоречко, У.В. К вопросу образования китайских медицинских терминов/У.В. Хоречко, А.В. Гончарова // Молодой ученый. — 2010. — № 12. Т. 1. — с. 203–205
2. Овечкин, А. М. Основы чжень-цзю терапии. Саранский филиал СП «Норд», изд. «Голос», 1991. — 417с
3. Unschuld P U (1990) Forgotten Traditions of Ancient Chinese Medicine. Brookline MA, Paradigm Publications.
4. Dictionary of Traditional Chinese Medicine. HongKong: Commercial Press

超基因 chāojīyīn — суперген, 超 chāo — супер-, сверх-, + 基因 jīyīn — ген; 两性现象 liǎngxìngxiànxiàng — двуполое явление; 两性 liǎngxìng — двупольный + 现象 xiànxiàng — явление.

Этимологические раскрывают содержание калькируемого слова

突变 tūbiàn — мутация; 突 tū — внезапный + 变 biàn — изменение; 人本学 rénběnxué — антропология; 人 rén — человек + 本 běn — корень, исток + 学 xué — учение; 变形虫 biànxíngchóng — амеба; 变 biàn — изменять + 形 xíng — форма + 虫 chóng — насекомое.

Полукальки — разновидность калек, которые своей звуковой частью говорят нам об иноязычном происхождении. Они являются связующим звеном между кальками и фонетическими заимствованиями. Полукальки могут быть только структурными, т. к. определенной части иностранного термина соответствует определенная часть в китайском образовании. 尼他病毒 nítābìngdú — нита-вирус; 尼龙骨锤 nílónggǔchuí — нейлоновый моток.

Из всего выше сказанного, можно сделать выводы о том, что терминология китайской традиционной медицины базируется на основных положениях натурфилософии и является зеркалом китайской самобытной культуры, так же отличается наличием метафор. Тело воспринимается как система с непрерывным взаимодействием и влиянием органов в ней. Терминология современной медицины изобилует заимствованиями и кальками в связи с западным влиянием на нее. Однако не теряет своей специфики, так как метафоричность также широко распространяется на всю терминосистему. Она в свою очередь отражает мировосприятие китайского народа посредством создания медицинской терминологической базы. При переводе терминов китайской медицины необходимо брать во внимание многозначность входящих в одно понятие элементов. Также необходимо обращаться к этимологии. Многие авторы по медицинской литературе используют этимологию в качестве основы, и переданное значение может привести к «этимологическому заблуждению». Точно так же, многие слова, основанные на смысловом и фонетическом базисах, сами не несут никакого смысла. Не смотря на то, что этимология иногда становится полезной исходной точкой, нельзя забывать, что при переводе китайской медицины необходимо избегать большого количества этимологических описаний.

Направления и методы изучения детской речи в отечественной и зарубежной лингвистике

Поспелова Софья Николаевна, аспирант
Воронежский государственный университет

В последнее время намечается возрастающий интерес к вопросам изучения звучащей речи. Если раньше основным материалом для лингвистических исследований служил письменный текст, то с возникновением технических средств фиксации речи и всевозможных компьютерных программ анализа речевой продукции стало возможным исследовать звучащую речь во всех ее проявлениях. Одним из актуальных направлений в исследовании звучащей речи является изучение процессов и особенностей овладения языком детьми. «То обстоятельство, что подавляющее большинство детей в сравнительно короткий срок оказывается в состоянии освоить свой родной язык — во всяком случае, в той степени, которая им нужна для выражения необходимых для них коммуникативных смыслов, — ни у кого уже не вызывает сомнений, хотя способ, которым они при этом пользуются, сооружая собственную языковую систему, все еще не изучен с должной степенью подробности» [5, с. 24].

Детская речь в качестве материала для исследования достаточно давно привлекает специалистов из различных областей научного знания — психологов, педагогов, лингвистов, логопедов, дефектологов. Однако в последнее время наметился переход от описательного характера исследований, без которых нельзя было обойтись на более ранних этапах, к нацеленности на постижение сути явлений [3, с. 40].

Американский лингвист Д. Ингрэм [6, с. 7] применительно к зарубежным исследованиям детской речи выделил три периода в истории их развития:

- 1) период дневниковых записей (1876—1926)
- 2) кросс-секционные исследования (1926—1957)
- 3) лонгитюдные исследования (1957 — по настоящее время).

Одной из «первых классических работ, посвященных исключительно детскому языку» [4, с. 8] явилась работа Клары и Вильгельма Штерн «Die Kindersprache» (1907). Метод дневниковых записей был применен Тьерри Вильямом Прейером (T. W. Preyer, 1882) и Грэнвилл Стэнли Холлом (G. Stanley Hall, 1894). Последний основал журнал «Pedagogical Seminary», в котором публиковались дневниковые записи речи детей: «Bateman (1916), Brandenburg (1915), Chamberlain and Chamberlain (1904, 1905, 1909), Pelsma (1910), Nice (1917, 1920)» [6, с. 10].

В дневниковых записях содержалось большое количество конкретных фактов развития языковой системы отдельно взятого ребенка. При этом, однако, в них редко можно было найти какие-либо теоретические положения, к примеру, принципы формирования системы языка ре-

бенка. Дневниковые записи носили чаще всего описательный характер.

Второй период, по Д. Ингрэму, начинается с публикации в 1926 г. экспериментальной работы М. Смит (Madorah Smith). Ее исследование содержало подробный анализ некоторых языковых аспектов 124 детей в возрасте от 2 до 5 лет. Подобные исследования были сделаны Маккарти (McCarthy 1926). Новый период характеризовался тем, что для исследования привлекалось достаточно большое количество детей одной возрастной группы и проводилось сопоставление образцов их речи. Вслед за Смит и Маккарти, рядом исследователей были проанализированы особенности речи близнецов (Day, 1932; Davis, 1937), одаренных детей (Fisher, 1934), а также детей-представителей разных социальных слоев (Young, 1941; Templin, 1957). Кросс-секционный метод исследования, в отличие от дневниковых записей, позволял собрать достаточно большое количество языкового материала. Основным недостатком метода явилось то, что он не позволял сделать наблюдения за языковым развитием отдельного ребенка.

Принципиально другими явились лонгитюдные исследования, которые предполагали «посещение ребенка с predetermined интервалами в течение разумного отрезка времени с целью сбора репрезентативного материала» [6, с. 22]. Среди исследователей — М. Брейн (M. Braine, 1963), В. Миллер (W. Miller, 1964), С. Эрвин (S. Ervin, 1964), Л. Блум (L. Bloom, 1970) и Р. Браун (R. Brown, 1973).

В отечественной лингвистике изучение детской речи имеет свои давние традиции. Так же, как и в зарубежной лингвистике, в основу первых работ по детской речи, преимущественно описательных, легли наблюдения за развитием речи собственного ребенка. Наиболее известные из них — «Душа ребенка» И. А. Сикорского (1890), «Основы новой педагогики» В. П. Вахтерова (1913), «Мой ребенок» А. Ф. Левоневского (1914).

Одним из первых «масштабных экспериментальных исследований детской речи» [7] можно назвать многолетние наблюдения за речевыми инновациями («речениями») десятков детей К. Чуковского, опубликованные в книге «От двух до пяти». Книга вышла в свет в 1928 году и переиздавалась при жизни Чуковского под разными названиями 20 раз. Автора интересовал детский язык и детское сознание. Как отмечал Чуковский в послесловии к своей книге, «цель ее... — серьезнейшим образом исследовать те области умственной и психической жизни малолетних детей, которые до сих пор не подвергались исследованию» [8].

Ярким примером научных наблюдений за развитием речи собственного ребенка является дневник А.Н. Гвоздева «От первых слов до первого класса», получивший широкую известность как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Гвоздев вел наблюдения в течение 7 лет, начиная с возраста 1;8. Собранный им материал лег в основу проведенных им впоследствии нескольких фундаментальных исследований о закономерностях усвоения ребенком фонетики и грамматики русского языка. На материале его дневниковых записей долгое время основывались исследования детской речи в нашей стране.

Детская речь как объект исследования находилась в центре внимания отечественных психологов, в частности, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, С.Л. Рубинштейна. На продуцируемом детьми речевом материале ими изучалась проблема взаимосвязи мышления и речи. Швейцарский психолог Жан Пиаже, известный прежде всего своими работами по изучению речи детей, утверждал, что речь ребенка раннего возраста эгоцентрична и не выполняет коммуникативных функций: «Эта речь эгоцентрична прежде всего потому, что ребенок говорит лишь о себе... Ребенок говорит сам с собой, как если бы он громко думал. Он ни к кому не обращается» [4, с. 17]. Л.С. Выготский в противовес Пиаже показал, что эгоцентрическая речь выполняет очень важную функцию, а именно представляет собой основу для внутренней речи ребенка: «...видимо, эгоцентрическая речь, ... помимо того, что она просто сопровождает детскую активность, очень легко становится мышлением в собственном смысле этого слова, т.е. принимает на себя функцию планирующей операции, решения новой задачи, возникающей в поведении» [2, с. 93].

Согласно Выготскому, речь и мышление имеют разные генетические корни. Мышление напрямую взаимосвязано с «орудийной деятельностью», речь — с «эмоциональным заражением посредством звукового сигнала» [2]. В возрасте около полутора лет мышление и речь ребенка соединяются, результатом этого является появление словесно-логического мышления. Это означает, что ребенок начинает осмысливать употребляемые взрослым звуки речи. Согласно мнению Выготского, слово по отношению к мышлению есть знак, превращающий мышление в высшую психическую функцию. Эта функция является основой его мышления.

Н.И. Жинкиным, А.А. Леонтьевым, А.Р. Лурия, И.А. Зимней были исследованы механизмы порождения речевого высказывания.

Достаточно долгое время исследователей интересовал исключительно словесный период речевого онтогенеза.

Так, было разработано немало периодизаций речевого развития, включавших в себя в качестве «подготовительной стадии» период до первых слов, самостоятельно продуцируемых ребенком, в рамки которого включалась вся речепродукция детей примерно до одного года.

Одна из первых особое внимание дословесному этапу уделила Е.Н. Винарская. В предречевом развитии ребенка ею были выделены два периода: период так называемых «фонетических универсалий» и следующий за ним «период фонетических образов и жестов» (паралингвистических средств эмоциональной выразительности). Согласно Е.Н. Винарской, крик является первичной отрицательной эмоцией ребенка. Связано это с тем, что в основе саморегуляции организма лежит оборонительный рефлекс. С течением времени по мере коммуникативно-познавательного развития его сменяет ориентировочно-исследовательский рефлекс с соответствующими эмоционально-положительными реакциями — гулением и лепетом. Последние автор относит к знакам «паралингвистических средств эмоциональной выразительности». Е.Н. Винарской были также подробно описаны отклонения от нормального речевого развития — алалия, олигофрения, аутизм. Важной особенностью в концепции речевого развития Е.Н. Винарской было рассмотрение процесса речевого развития с позиции единства биологических и социальных факторов. Так, было особо подчеркнута значение эмоционального поведения матери, оказываемое «на закладывающуюся систему ценностных ориентиров формирующейся личности» [1, с. 148].

Весь комплекс проблем, исследований, проводимых на материале детской речи, лег в основу новой молодой науки — онтолингвистики. Под руководством С.Н. Цейтлин создана Лаборатория детской речи, ежегодно проводятся научные конференции, на которых современные исследователи представляют результаты своей работы в этой области. Помимо исследования овладения звуковой стороной речи (Е.А. Офицерова, И.М. Румянцева), формирования морфологического, синтаксического и лексического компонентов языковой системы (А.А. Бондаревич) изучаются вопросы детского билингвизма (О.В. Абакумова, Н.В. Гагарина), становления коммуникативной и текстовой компетенций у ребенка (М.А. Еливанова, Н.А. Лемяскина). Большую популярность имеют сопоставительные исследования детской речи на материале двух и более языков, позволяющие проследить универсальные и национально-специфические черты освоения языка (И.П. Амзаракова, А.А. Петрова, М.Е. Шурова).

Литература:

1. Винарская, Е.Н. «Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии: Периодика раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка» (М; 1987 — 160 с.)
2. Выготский, Л.С. «Мышление и речь»
3. Парамонова, Л.Г. «Становление звукопроизношения в онтогенезе: норма и патология». Материалы международной научной конференции «Проблемы онтолингвистики-2013» (Спб; 2013 — 528 с.)

4. Пиаже, Ж. «Речь и мышление ребенка» (М; 1994—528 с.)
5. Цейтлин, С. Н. «Индивидуальная языковая система ребенка: некоторые штрихи к портрету». Материалы международной научной конференции «Проблемы онтолингвистики-2013» (СПб; 2013 — 528 с.)
6. D. Ingram «First Language Acquisition: Method, Description and Explanation» (Cambridge University Press; 1989—588 с.)
7. «Проблемы онтолингвистики 2012». Материалы международной научной конференции. <http://libed.ru/konferencii-psihtologiya/638633-1-problemi-ontolingvistiki-2012-materiali-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferencii-posvyaschennoy-130-letiyu-dnya-rozhdeniya.php>
8. Корней Чуковский. Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: — «От двух до пяти». <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Ot2do5/Posleslovie>

Языковые реалии как отражение национально-культурной специфики на материале рассказа Лу Синя «Лекарство»

Привороцкая Татьяна Викторовна, старший преподаватель;
Волкова Юлия Сергеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Общество и язык неразрывно связаны друг с другом. Любые изменения в обществе, так или иначе, влияют на лексический состав языка. Язык — это живой организм, который постоянно развивается и модифицируется в связи с постоянными изменениями в жизни общества, с развитием производства, культуры и науки [1—4]. На протяжении всей истории в языковой практике китайского языка появлялось большое количество лексических единиц, к которым невозможно подобрать эквиваленты [5—7]. В данной статье языковые реалии рассматриваются как наиболее яркое проявление национальной специфики на примере китайского языка.

И.С. Паревская, основываясь на точке зрения С.И. Влахова и С.П. Флорина предлагает следующую трактовку понятия национально-специфических реалий: «реалии — это языковые единицы, несущие информацию о целях, интересах, особенностях образа жизни и исторического прошлого, характерных исключительно для того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [8. с. 153]. К таким единицам речи относятся такие слова как:

火锅 *huǒguō* — «китайский самовар, в котором варят овощи, мясо, рыбу и т. д.»;

寿面 *shòumiàn* — «лапша, подносимая в день рождения как символ долголетия»;

谷雨 *gǔyǔ* — «хлебные дожди» (6-й из 24 сезонов лунного календаря, начинающийся 20—21 апреля).

И.С. Паревская также отмечает и то, что благодаря языковым реалиям можно извлечь культурные коды и культурные установки, которые веками существуют в языке и отражают особенности национального сознания и мышления народа [8. с. 154].

Л.С. Бархударов в своей книге к языковым реалиям относит:

1) имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка, к таким единицам речи относятся такие слова как:

天安门 *tiān'ānmén* — «площадь Тяньаньмэнь»;

人民日报 *rénmínrìbào* — «Жэньминь жибао» (официальное печатное издание ЦК КПК);

大连 *dàlián* — «Далянь» (город в провинции Ляонин);

2) слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей говорящих, на другом языке. К ним относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу. Например: названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев, видов устного народного творчества и т. д. Сюда же входят слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления, торговые и общественные заведения и пр. К таким единицам речи относятся такие слова как:

休妻 *xiūqī* — «отослать жену в родительский дом»;

耍龙 *shuǎilóng* — «танец дракона» (цирковое представление, в котором 11 артистов изображают дракона, который следует за фонарем, указывающим ему дорогу);

小皇帝 *xiǎohuángdì* — «маленький император» (об единственном и зачастую избалованном ребенке в семье);

3) лексические единицы, которые можно назвать случайными лакунами, то есть те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка. К таким единицам речи относятся такие слова как:

甲乙丙丁jiǎyǐbǐngdīng — «1, 2, 3, 4/A, B, C, D» (названия циклических знаков, которые используются, когда нужно обозначить какую-либо последовательность, например, роли в диалоге);

老外lǎowài — так называют иностранца, который проживает в Китае.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров также относят к реалиям:

1. фразеологизмы;

например: 兰摧玉折láncuīyùzhé — букв. «орхидея сломалась, и нефрит раскололся», образное значение — «смерть талантливого человека».

2. сложные слова различных типов, которые требуют передачи путем описательного перевода или других трансформаций;

например: 丁克家庭dīngkèjiātíng — «семья без детей с обоими работающими супругами»;

低头族dītóuzú — букв. «нация опущенных голов», так в Китае называют молодых людей, которые в общественных местах не выпускают из рук телефон.

Рассказ «Лекарство» написан в 1919 году. А само действие рассказа происходит в период позднего правления маньчжурской династии Цин. В это время стали учащаться социальные противоречия, возникали антицинские восстания, которые заканчивались казнями революционеров, борющихся за свободу простого народа. События в рассказе происходят в деревне на юге Китая. У Лао Шуана, хозяина чайной и его жены был сын, который болел туберкулезом легких. Родители очень хотели вылечить сына, и поэтому отец добыл для него некое лекарство, а именно, пампушку, пропитанную кровью казненного. Эту пампушку он получил из рук палача, взамен дав ему деньги. На следующий день палач пришел к Лао Шуану в чайную и стал рассказывать всем посетителям, как преступник пошел против властей. Именно кровь этого революционера использовалась после его казни как лекарство для сына Лао Шуана и должна была излечить его. Когда Сяо Шуан съел её, он должен был поправиться, как предполагали и надеялись его родители, но ему не стало лучше, и, в конце концов, мальчик умер. В день Поминовения на кладбище встретились две матери: мать Сяо Шуана и мать Ся Юя, юноши, которого казнили за бунт и попытку восстать против власти, и, кровь которого была на пампушке для Сяо Шуана. Но женщины в итоге так и не поняли, что общего между ними, и что кровь сына одной из них послужила бесполезным лекарством для другой.

В силу различных факторов рассказ Лу Синя «Лекарство» сосредоточил в себе большое количество национально-специфических реалий. Реалии, встречающиеся в рассказе условно можно разделить на несколько групп:

1. Семантические (лексические).

При сопоставлении лексики китайского и русского языков можно обнаружить пробелы в семантике одного из языков, эти пробелы и называются лексическими реалиями, к ним относятся те слова, эквиваленты которых отсутствуют в другом языке.

К этой группе относятся такие лексические единицы как:

灯笼dēnglong — «красный фонарь (бумажный или из ткани)» — традиционное украшение китайцев на праздник春节chūnjié («праздник весны, китайский Новый год»). Данная лексическая единица очень ярко отражает миропонимание китайцев. Красный цвет является для жителей Поднебесной некой защитой. Считается, что он отпугивает злых духов. Поэтому красные фонари висят везде: в домах, в кафе, в магазинах, а во время праздников и на улицах. Китайцы считают, что красные фонари — символ процветания и благополучия. Этот предмет является отличительной чертой Китая, его «визитной карточкой».

祝寿zhùshòu — это слово буквально переводится как «пожелать долголетия» (祝zhù — «поздравлять, приветствовать»; «желать (блага, счастья)», 寿shòu — «долголетие»; «долгая жизнь»; «долголетний»), имеет значение «поздравить с днём рождения человека в возрасте». Эта уникалия является ярким отражением того, как в китайской культуре принято относиться к людям старшего возраста, и говорит о том, что о таких людях всегда заботятся, почитают их, уважают и ставят в пример.

2. Фразеологические (фразеологизмы — это особые единицы языка, состоящие из нескольких компонентов и имеющие цельное значение, способные воспроизводиться в речи и обладающие устойчивостью лексического состава и синтаксической конструкции: 成语chéngyǔ — «чэньюй» (готовые выражения), 俗语súhuà — «поговорки», 惯用语guànyòngyǔ — «привычные фразы; ходячие выражения», 警句jǐngjù — «афоризмы»).

К этой группе относятся такие лексические единицы как:

老虎头上搔痒lǎohǔ tóushàng sāoyǎng — букв. «чесать тигру голову», а образное значение — «играть с огнём». В китайском языке существует очень много фразеологизмов и пословиц, в которых тигр символизирует мужество, силу и могущество. Тигр в Китае считается Царем зверей. Китайцы полагают, что рисунок на лбу у тигра похож на иероглиф 王wáng — «царь, король», считается, что люди, родившие в год Тигра — прирожденные лидеры. Именно поэтому данное выражение обычно используется для описания отважного, но безумного поступка.

3. Лингвокультурологические (этнокультурные) уникалии, которые отражают особенности культуры и социума народов — носителей сопоставляемых языков.

К этой группе относятся такие лексические единицы как:

清明节qīngmíngjié — праздник поминовения усопших «Цинмин». Благодаря упоминанию этого праздника в рассказе, читатель узнает, что смерть в Китае — это не горе, это новый этап жизни, к которому нужно подготовиться и который нужно преодолеть. Праздник «Цинмин» существует для того, чтобы вспомнить об умерших родственниках и навестить их могилы. Описание этого праздника

в рассказе помогает читателю лучше узнать китайскую культуру и традиции.

纸锭 *zhǐdìng* — «ритуальные бумажные деньги». В Китае существует древняя традиция, подразумевающая то, что умершим нужно передать деньги (путем их ритуального сжигания), чтобы они могли жить на них в другом мире. Есть также другое представление, что загробные деньги нужны умершим, чтобы откупиться от своих грехов у владыки ада Яньло Вана. Одной из отличительных черт Денег преисподней является то, что обычно они имеют большой номинал и исчисляются в долларах, например, 10 тысяч долларов, 100 тысяч долларов, один миллион долларов и иногда даже 500 миллионов долларов. Эти деньги китайцы используют два раза в год: на праздник 清明 *qīngmíng* «Цинмин» и праздник 盂兰 *yúlán* — «Ю Лан» (фестиваль голодных призраков, отмечается 15-го числа 7-го месяца). Ритуальные деньги сжигаются в специальных печах при храмах и посвящаются определённым божествам. Считается, что сжигание настоящих денег вместо жертвенных приносит несчастье. Эта языковая реалия является ярким примером того, как китайцы относятся к смерти. Для того чтобы умершему родственнику было хорошо в загробном мире, китайцы придумали и стали печатать специальные «ритуальные деньги», таким образом, показывая, что смерть — это неотъемлемая часть жизни.

4. *Фонетические* (лексические единицы, которые имеют под собой фонетическую базу, так как представляют собой графическую интерпретацию звука, производимого в процессе описываемой деятельности).

В данном случае уникалии появляются из-за особенностей фонетики каждого отдельно взятого языка, так как одни и те же звуки разными народами интерпретируются по-разному). Звукоподражания, которые являются национально-специфическими реалиями, помогают лучше понять особенности фонетического строя языка,

произношения и то, как китайцы воспринимают и интерпретируют звуки.

К этой группе относятся такие лексические единицы как:

窸窣 *xīsù* — в понимании китайцев это слово передает звук шороха, также может переводиться как «шуршать»; «тревожный, беспокойный (о звуке)». В русском языке для передачи такого звука используется «ш-ш».

哑 *yà* — междометие, являющееся звукоподражанием вороньему карканью. В русском языке ворона издает звук «кар-р-р», а в понимании китайцев — это «йя-я-я».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно языковые реалии отражают образную картину мира китайского языка, и в какой-то степени даже формирует её. Следовательно, образная картина мира и во много формируется с помощью языковых реалий.

Кроме того, было установлено, что реалии являются особой единицей языка и служат не только названиями понятий, явлений, различных характеристик предметов и действий, но и хранилищем национальной культуры. Если эквивалентные единицы закрепляют общечеловеческие логические модели познания окружающей действительности, то реалии отражают призму мировидения китайцев.

Приведенные реалии очень ярко отражают национальную специфику культуры Китая, которая напрямую связана с историей общества, а также с предметами и явлениями материальной и духовной культуры. Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие единицы речи придают повествованию аутентичность, приближают читателя к философии носителя языка, дают понять миропонимание другого народа в его полном многообразии. Языковые реалии одновременно принадлежат и китайскому языку и самой культуре Китая, то есть одновременно отражают особенности языка и специфику культуры.

Литература:

1. Привороцкая, Т. В. Способы достижения речевой компрессии при переводе с субтитрами (на материале фильма Цзинь Ма «Мулан», КНР, 2009 г) // Язык и культура. 2013. № 2 (22). Томск: Издательство Томского университета. С. 61–67.
2. Привороцкая, Т. В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский // Язык и культура: сб. статей XXIII Международной научной конференции. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С 90–92.
3. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): дис. канд. пед. наук/Е. В. Тихонова — Томск, 2014. — 152 с.
4. Гураль, С. К., Тихонова Е. В. Организация процесса обучения устному последовательному переводу в свете синергетической теории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 77–82.
5. Тихонова, Е. В. Особенности реализации тренинга в обучении устному последовательному переводу // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 132–136.
6. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). Томск: Издательство Томского университета. С. 38–44.
7. Тихонова, Е. В. Развитие профессиональной компетентности переводчика на основе виртуальной обучающей среды Moodle // Язык и культура. 2015. № 1 (29). с. 169–175.

8. Паревская, И. С. «Непереводимое в переводе» или к вопросу о понятии и специфике реалий/И. С. Паревская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. — № 2. — с. 151–154.
9. Китайско-русский словарь/под ред. проф. И. М. Ошанина. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1984. — 1062 с.
10. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)/Л. С. Бархударов. — М.:Международ. отношения, 1975. — 240 с.
11. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы/Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Изд-во «Идрик», 2005. — 1037 с.

Сопоставительный анализ оригинала и перевода стихотворения Бин Синь «Бумажный кораблик»

Путинцева Анастасия Алексеевна, студент;
Привороцкая Татьяна Викторовна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье дается краткий обзор жизни и творчества китайской поэтессы XX века Се Бин Синь, а также анализируется стихотворение поэтессы «Бумажный кораблик» и его перевод на русский язык.

Ключевые слова: Се Бин Синь, китайская поэзия, перевод китайской поэзии, тема детства.

Одной из самых известных и почитаемых китайских поэтесс XX века является поэтесса Се Бин Синь 谢冰心 (Бин Синь). Ее настоящее имя — Се Ванъинь 谢婉莹, а псевдоним Бин Синь 冰心, который в переводе означает «Ледяное сердце», стал ее вторым именем с самого начала творческой деятельности поэтессы — с 1919 года.

Поэтесса родилась в семье военных, ее отец был офицером военно-морского флота, участвовал в китайско-японском морском сражении. Когда Ванъинь было 4 года, ее семья переехала в портовый город Яньтай провинции Шаньдун, где они жили девять лет. Детство, проведенное у морского побережья, оказало глубочайшее влияние на становление Ванъинь как поэтессы, на ее мировоззрение и понимание любви и красоты. Воспитанная в патриотичной семье, поэтесса горячо любила Родину, семью и природу, что ярко отразилось в ее поэзии.

В 1918 году, через несколько лет после переезда семьи в Пекин, Се Ванъинь поступает на подготовительное отделение женского университета Сехэ в Пекине. Через год, 4 мая 1919 года, происходит одно из важнейших поворотных событий в истории Китая XX века, известное как «Движение 4 мая». Начинаясь как студенческая демонстрация против передачи Японии бывших германских концессий в провинции Шаньдун, демонстрация вылилась в общенародное антиимпериалистическое движение, которое затронуло все стороны общественной жизни китайского народа. Движение 4 мая привело к отмене устаревшего и сложного языка вэньянь и распространению разговорного языка байхуа, пересмотру конфуцианских этических норм и созданию новой, близкой к народу, современной поэзии и литературы. Се Ванъинь была не только свидетельницей, но и активной участницей происходящих

в то время событий. В августе 1919 года она впервые публикует собственные стихотворения и рассказ «Две семьи» [7, с. 4–7].

Как и многие другие молодые поэты того времени, Се Ванъинь пробует себя в новых формах, пришедших из западной литературы и поэзии. Поэтесса начинает писать «короткие стихи» («сяоши»), подражает японским хокку, осваивает популярное на Западе и непривычное для китайцев свободное стихосложение. Короткие, схватывающие ускользающие моменты жизни стихотворения «сяоши» сразу же приносят Се Ванъинь популярность и всенародную любовь. В маленькие и на первый взгляд обрывочные стихотворения поэтесса вкладывает глубокий смысл:

青年人呵！
为了后来的回忆
小心着意的描你现在的图画。
Для будущих воспоминаний,
О юноша, рисуй свое сегодня
Внимательно и осторожно.
Из сборника «Звезды», 1923 г.

Многих читателей поэтесса Бин Синь подкупает своей искренностью и детской непосредственностью. Бин Синь писала стихи и рассказы для детей, а во «взрослой» лирике часто обращалась к теме детства.

Рассмотрим стихотворение «Бумажный кораблик», которое Бин Синь написала в 1923 году.

纸船 — 寄母亲
我从不肯妄弃了一张纸
总是留着 — 留着，
叠成一只一只很小的船儿，
从舟上抛下在海里。

有的被天风吹卷到舟中的窗里，
 有的被海浪打湿，沾在船头上。
 我仍是不灰心地每天叠着，
 总希望有一只能流到我要它到的地方去。
 母亲，倘若你梦中看见一只很小的白船儿，
 不要惊讶它无端入梦。
 这是你至爱的女儿含着泪叠的，
 万水千山，求它载着她的爱和悲哀归去。 [7, с. 277]

Подстрочный перевод

Я никогда не выкидывала ни листочка бумаги
 Всегда сохраняла, сохраняла,
 Складывала один за другим маленькие кораблики
 С корабля спускала в море.
 Некоторых ветром задувало к окнам корабля,
 Некоторые были смочены волной, приставали к носу
 корабля.

Я по-прежнему, не теряя надежды, каждый день складываю их,

Всегда надеюсь, что будет один, который сможет доплыть до того места, куда я хочу.

Мама, если вдруг во сне ты увидишь маленький белый кораблик,

Не удивляйся, что он без причины попал в сон.

Это [кораблик], твоей обожаемой дочкой сквозь слезы сложенный,

Через тьмы рек и тысячи гор,

Прошу его вернуться, нагруженным ее [маминой] любовью и горем.

Художественный перевод

Бумажный кораблик

Маме

Любому обрывку бумаги,
 что попался мне в руки,
 Упрямо я находила
 всегда одно примененье:
 Один за другим вертела
 кораблики да лодчонки
 И, высунувшись из каюты,
 пускала их в пенное море.
 Порыв — и кораблик легкий
 к иллюминатору липнет,
 Другой в мгновенье потоплен
 волной, бегущей от носа...
 А я опять мастерила,
 спускала кораблики в воду:
 Один доплывет, быть может,
 туда, где в мечтах живу я.
 Во сне ты увидишь, мама,
 кораблик — не удивляйся,
 Что он совсем беспричинно
 приплыл в твой сновиденья.
 Знай: слезы сдержав, твоя дочка
 его по волнам пустила,
 Любовью своей и печалью
 все трюмы набив до предела...
 (пер. Л. Е. Черкасского) [2, с. 104]

Поэтесса написала стихотворение, находясь на корабле, плывущем в Америку. Она отправлялась на учебу в университет США, но не знала, сможет ли она вернуться на Родину. Бумажный кораблик в стихотворении является посредником между ней и мамой, между кораблем и Китаем, между прошлым и будущим.

Стихотворение состоит из трех строф по четыре строки в каждой. Если в оригинале длина строки составляет от шести до семнадцати иероглифов, в переводе Л. Е. Черкасского все строки примерно одной длины. Поскольку русское слово по длине не может быть равно китайскому иероглифу, переводчик разбил длину строки, и в переводе стихотворение состоит из шести строф.

Китайские литераторы выделяют в анализируемом стихотворении три смысловые части, соответствующие трем строфам стихотворения. В первой строфе лирическая героиня действует, во второй строфе надеется, в третьей — мечтает, видит сон [7, с. 278]. В первой строфе раскрывается характер героини: она бережливая (не выкидывает попусту бумагу), упорная и настойчивая (каждый день делает кораблики, хотя они не могут отплыть далеко от корабля). Здесь еще не раскрыта причина, по которой она делает бумажные кораблики и что она чувствует. Л. Е. Черкасский передал характер героини в первой и второй строфе: «упрямо находила примененье», вместо отрицания «никогда не» переводчик использовал антонимичное ему «любому <...> всегда». В переводе мы замечаем разговорные и просторечные слова, которые в оригинале относились к нейтральной, литературной лексике: вместо 一张纸 yīzhāngzhǐ (один листок бумаги) переводчик использовал слово «обрывок», которое обозначает часть, нечто, оторванное от целого [3, с. 351]. Вместе со словом «любой» оно гиперболизирует бережливость героини: она не просто делает кораблики из бумаги, но мастерит их даже из неприглядных обрывков. Обратим внимание и на глагол «вертеть», использованный в тексте перевода вместо стилистически нейтрального глагола 叠成 diéchéng — складывать. Тем самым переводчик указывает, что героиня делает кораблики ловко и быстро. Кроме того, переводчик использовал прием синекдохы: вместо родового понятия «маленькие кораблики» (小的船儿 xiǎode chuánr) он использовал два видовых названия: «кораблики да лодчонки», а «корабль» заменил на «каюту». Также мы можем увидеть добавленный переводчиком эпитет «пенное море». С помощью стилистически окрашенных слов «обрывки», «вертела», «высунувшись» переводчик представляет героиню непосредственной, простой и знакомой читателю.

Во второй строфе описывается, что происходит со сделанными корабликами: одних задувало ветром к иллюминаторам, других омывало волной и прибывало к носу корабля. Но, несмотря на неудачи, героиня Бин Синь продолжает делать новые кораблики. Ведь у нее есть надежда, что хотя бы один сможет доплыть туда, куда она их отправляет — к матери. Переводчик немного интер-

претировав первые две строки второй строфы: вместо параллельной структуры 有的 yǒude... 有的 yǒude... он использовал противопоставление «один-другой»; если в оригинале кораблик прибывает волной к носу корабля», то в переводе он тонет. Стилистически и эмоционально нейтральное выражение «流到我要它到的地方去 liúdào wǒ yào tā dào dìfāng qù» (доплывет туда, куда я хочу, чтобы он приплыл) преобразовано переводчиком в «туда, где в мечтах живу я», что указывает на несбыточность желания героини.

Последняя строфа начинается с обращения к маме — адресату, которому героиня отправляет кораблики как напоминание о себе. Увидеть во сне бумажный кораблик означает, что планы или желания, о которых мечтает человек, являются несбыточными. Кроме того, сон — это способ связи с тем, о ком вы думаете сильнее всего. Таким образом, с одной стороны, поэтесса намекает на несбыточность своей мечты (вернуться домой), с другой стороны, показывает тесную связь между матерью и дочкой, которая остается сильной даже тогда, когда их разлучают. Последняя строфа оригинала насыщена эпитетами (белый кораблик), образными выражениями (万水千山 wànshuǐ qiānshān — тьмы рек и тысячи гор — в значении «долгий путь»), противопоставлениями (боль и любовь). Однако в переводе отчаянье и вместе с тем надежда выражены с помощью других средств: выражения крайней степени (до предела), используемый ранее прием обозначения части вместо целого (трюм вместо бумажного кора-

блика), синтаксические средства (стихотворение заканчивается многоточием).

Данное стихотворение, как и большинство стихотворений Бин Синь и других авторов 20–30-х годов XX века, написано верлибром, то есть свободным стихом без рифмы. Однако за счет параллельных синтаксических структур 有的 yǒude... 有的 yǒude... и лексических повторений 留着liúzhe 留着liúzhe, 一只yī zhī 一只 yī zhī стихотворение имеет особый волнообразный ритм. Л. Е. Черкасский выполнил рифмованный перевод стихотворения, сохранив и передав волнообразный ритм.

В целом, можно выделить мастерство переводчика, который, используя все богатство стилистических приемов перевода, передал чувства героини так, чтобы русские читатели через переводной текст смогли прочесть и сопереживать лирической героине стихотворения.

Стихотворение «Бумажный кораблик», написанное Бин Синь в возрасте двадцати трех лет, вошло в школьные учебники по китайской литературе в некоторых провинциях и городах Китая, например, в Гонконге и Шанхае.

В творчестве Бин Синь имеется немало стихотворений, написанных в таком же стиле: «Тоска», «Я люблю, возвращаясь, люблю», «Голубь» и другие. Все они в современной поэзии считаются признанными шедеврами. В самую трудную минуту жизни человек всегда стремится к матери, в атмосферу любви и понимания. Бин Синь удалось в нескольких строках выразить собственные чувства, свою искреннюю грусть и нежность.

Литература:

1. Большой русско-китайский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info/> (дата обращения 12.05.2015).
2. В поисках звезды заветной: Китайская поэзия первой половины XX в. М.: Художественная литература, 1988. — 352 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов/Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: «Русский язык», 1984. — 748 с.
4. Привороцкая, Т. В. Способы достижения речевой компрессии при переводе с субтитрами (на материале фильма Цзинь Ма «Мулан», КНР, 2009 г) // Язык и культура. 2013. № 2 (22). Томск: Издательство Томского университета. — С. 61–67.
5. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). Томск: Издательство Томского университета. — С. 38–44.
6. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): дис.... канд. пед. наук/Е. В. Тихонова. Томск, 2014. — 152 с.
7. 冰心名作欣赏 (名家析名著丛书冰心)/浦漫汀主编. 2版. 中国和平出版社: 北京, 2007. — 310页.

About metaphor and its types

Сидакова Виктория Станиславовна, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Sidakova Victoria Stanislavovna, student;
Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
National research Tomsk polytechnic university

Books are the mirrors of the soul
Virginia Woolf

Metaphor is a relation between an implicit, implied or hidden comparison between two things or objects. It compares two different things based on a single or some common characteristics. Metaphors are used in common language and in types of literature, but more often in poetry and songs to draw poetic or comparative links between things.

Metaphor comes from the Greek, *metaphora*, meaning to carry or to transfer something. It is used to create a mental expression, a judgment and transfers characteristics of a concept to another [1].

Metaphors are classified differently by researchers. There exist several types of metaphor [2]:

1) *dead metaphor* (it has lost its original force and meaning through overuse and is no longer considered thought-provoking). For example,

- at the bottom of the hill;
- the body of an essay;
- to feel blue;
- to fall in love;
- the light of my life;
- crown of glory, etc.

2) *cliché metaphor* (a metaphor which has outlived its usefulness). For example,

- Achilles' heel;
- a transparent lie;
- dark and stormy night;
- explore all avenues;
- a jewel in the crown;
- tall, dark and handsome.

3) *mixed metaphor* (leaps to a second identification inconsistent with the first one; often regarded as humorous cases of speech). For example,

- beyond the question of a doubt;
- nothing out of the unusual;
- Pause your eyes!
- He's a pretty sharp cookie;

— Did you hear what they feel?

— What goes around, stays in Vegas, etc.

4) *extended metaphor* (makes a deeper comparison between the subject and the thing it's being compared with). For example,

All the world's a stage,

And all the men and women merely players;

They have their exits and their entrances,

And one man in his time plays many parts (William Shakespeare, *As You Like It*).

5) *stock or standard metaphors* (is used in an informal context to convey a situation pragmatically). For example,

— a sunny smile;

— to oil the wheels;

— I can read him like a book, etc.

6) *adapted metaphor* (is a stock metaphor that has been adapted into a new context by its speaker or writer). For example,

— the ball is a little in their court;

— almost carrying coals to Newcastle.

7) *original metaphor* (created or quoted by the writer). For example,

— Art washes away from the soul the dust of everyday life (Pablo Picasso);

— Conscience is a man's compass (Vincent Van Gogh);

— Chaos is a friend of mine (Bob Dylan).

In conclusion, it can be noted that metaphors play an important role in the author's intention to convey an appropriate atmosphere and show unforgettable images. Therefore, metaphors help the reader to understand the meaning and content of a literary text much more deeply. Metaphors are important in the enrichment of the language. They make it brighter and more diverse. With the help of metaphors, a literary text becomes more emotional, impressive, striking and alive.

References:

1. Abdullah Sh., Shuttleworth M. Metaphors in the translation of English technical texts into Malay: A preliminary study // *Journal of Asian Scientific Research*, 2013, № 3 (6). Pp. 608–629.
2. Oliynyk T. Metaphor translation methods // *International Journal of Applied Science and Technology*. 2014. Vol. 4, No. 1. Pp. 123–126.

Нормативные аспекты перевода

Тиллаева Шахло Максудовна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (г. Бухара, Узбекистан)

Общая теория перевода раскрывает понятие переводческой нормы, на основе которой производится оценка качества перевода. Лингвистика перевода включает как теоретические (дескриптивные), так и нормативные разделы. Теоретические разделы лингвистики перевода (т.е. лингвистическая теория перевода) исследуют перевод как средство межъязыковой коммуникации, как объективно наблюдаемое явление, которое можно описывать и объяснять. В нормативных разделах лингвистики перевода на основе теоретического изучения перевода формулируются практические рекомендации, направленные на оптимизацию переводческого процесса, облегчение и повышение качества труда переводчика, разработку методов оценки переводов и методики обучения будущих переводчиков. Для сознательного и правильного выполнения своих функций переводчик должен ясно представлять себе цель своей деятельности и пути достижения этой цели. Такое понимание основывается на глубоком знакомстве с основами теории перевода, как общей, так и специальной, и частной, применительно к той области и комбинации языков, с которыми имеет дело переводчик. Оно предполагает знание системы соответствий между этими языками, приемов и методов перевода, умение выбрать необходимое соответствие и применить наиболее эффективный прием перевода в соответствии с условиями конкретного контекста, учет прагматических факторов, влияющих на ход и результат переводческого процесса. Для обеспечения высокого качества перевода переводчик должен уметь сопоставлять текст перевода с оригиналом, оценивать и классифицировать возможные ошибки, вносить необходимые коррективы. Оценкой качества перевода, выявлением и классификацией ошибок занимается и большое число лиц, анализирующих результаты переводческого труда: редакторы, критики, заказчики, преподаватели перевода и т.п. Практические рекомендации переводчику, и оценка перевода взаимосвязаны и взаимообусловлены. Если переводчик должен выполнять какое-то требования, то оценка результатов его работы определяется тем, насколько полно и успешно он выполнил эти требования. Как сам переводчик, так и другие лица, оценивающие качество перевода, прямо или косвенно исходят из посылки, что правильный перевод должен отвечать определенным требованиям. Совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода, называется нормой перевода. Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы. Нормативные требования формулируются в виде принципов или правил перевода. Нормативные положения могут быть общими или частными, охватывать от-

дельные, частные случаи или относиться к определенному типу переводов или к переводу вообще. Они могут формулироваться в виде единого правила или сопровождаться указаниями на условия, в которых это правило применимо, или на большее или меньшее число случаев его неприменимости (исключений из правил). Сравним, например, разную степень обобщенности таких нормативных рекомендаций, как правила передачи без эквивалентной лексики, правила передачи имен собственных, правила передачи индейских имен типа *Хитрая лисица*, *Великий змей* и правило о сохранении в переводе традиционных имен королей: *Людвиг*, *Генрих*, *Карл* и пр. В каждом случае нормативные рекомендации распространяются на определенный круг явлений. Результаты процесса перевода (качество перевода) обуславливаются степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами, влияющими на выбор варианта перевода. Все эти аспекты перевода носят непосредственно нормативный характер, определяют стратегию переводчика и критерии оценки его труда. Понятие нормы перевода включает требование нормативного использования переводчиком языка перевода, а также необходимость соответствия результатов переводческого процесса общепринятым взглядам на цели и задачи переводческой деятельности, которыми руководствуются переводчики в определенный исторический период. Таким образом, норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований: нормы эквивалентности перевода; жанрово-стилистической нормы перевода; нормы переводческой речи; прагматической нормы перевода; конвенциональной нормы перевода.

Жанрово-стилистическую норму перевода можно определить, как требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод. Выбор такого типа определяется характером оригинала, а стилистические требования, которым должен отвечать перевод — это нормативные правила, характеризующие тексты аналогичного типа в языке перевода [1]. Жанрово-стилистическая норма во многом определяет, как необходимый уровень эквивалентности, так и доминантную функцию, обеспечение которой составляет основную задачу переводчика и главный критерий оценки качества его работы. Следует подчеркнуть, что подобно тому, как нормы правильной речи могут устанавливаться лишь с учетом стилистической и социолингвистической дифференциации языка, так и нормативные требования к качеству перевода имеют смысл лишь по отношению к определенному

типу текстов и определенным условиям переводческой деятельности. Было бы принципиально неверным пользоваться одинаковыми критериями для оценки перевода бульварного романа и высокохудожественного литературного произведения, перевода оперного либретто и патентного свидетельства. Практически критика переводов, главным образом, основывается на интуитивном представлении о жанрово-стилистической норме. Перевод художественного произведения оценивается по его литературным достоинствам, технический перевод — по терминологической правильности, обеспечивающей понимание сути дела и возможность использования текста перевода в технической практике, перевод рекламы — по ее действенности и т. п. Текст перевода — это речевое произведение на ПЯ, и для него обязательны правила нормы и узуса этого языка. Однако эти правила неодинаковы для всех случаев функционирования языка. Они варьируются как в различных функциональных стилях, так и в зависимости от разновидности общелитературного языка. Среди последних обычно различают язык разговорной речи (неформального общения) и язык художественной литературы. В лингвистической литературе высказывалось мнение, что особую разновидность языка составляет и язык науки. «Вторичность» переводных текстов, их ориентированность на иноязычный оригинал выделяет такие тексты среди прочих речевых произведений на том же языке. Совокупность переводных текстов какого-либо языка составляет особую разновидность этого языка, пересекающую его функциональные стили и иные разновидности. Ориентированность на оригинал неизбежно модифицирует характер использования языковых средств, приводит к «расшатыванию» (другими словами, к развитию) языковой нормы и особенно узуса. Контакт двух языков в процессе перевода неизбежно ведет к более широкому использованию аналогичных форм, к относительному уподоблению языковых средств. Прагматическую норму перевода можно определить, как требование обеспечения прагматической ценности перевода. Она не является «нормой» в полном смысле этого слова, так как прагматическая сверхзадача переводческого акта может быть индивидуальной и не свойственной переводу вообще. Однако модификация результатов процесса перевода в прагматических целях — достаточно распространенное явление, без учета которого невозможна нормативная оценка переводов. Стремление выполнить конкретную прагматическую задачу — это своего рода суперфункция, подчиняющая все остальные аспекты переводческой нормы. Решая такую задачу, переводчик может отказаться от максимально возможной эквивалентности, перевести оригинал лишь частично, изменить при переводе жанровую принадлежность текста, воспроизвести какие-то формальные особенности перевода, нарушая норму или узус ПЯ, и т. п. Прагматические условия переводческого акта могут сделать вынужденным полный или частичный отказ от соблюдения нормы перевода, заменить фактически перевод пересказом, рефератом или каким-либо иным видом передачи содержания оригинала,

не претендующим на его всестороннюю репрезентацию. В настоящее время конвенциональную норму перевода можно определить, как требование максимальной близости перевода к оригиналу, его способность полноценно заменять оригинал как в целом, так и в деталях, выполняя задачи, ради которых перевод был осуществлен. Практически это требование реализуется путем выполнения всех или некоторых из указанных аспектов переводческой нормы. В практическом плане между различными аспектами нормы перевода существует определенная иерархия. Переводчик и пользующиеся переводом прежде всего обращают внимание на прагматическую ценность перевода, на успешность решения прагматической «сверхзадачи», если подобная задача была поставлена перед данным переводческим актом. Существование прагматической сверхзадачи — явление не столь уж частое, и во многих случаях требования прагматической нормы удовлетворяются путем обеспечения достаточно высокого уровня эквивалентности перевода. Что касается нормы переводческой речи, то, как уже указывалось, оценка выполнения ее требований во многом определяется жанрово-стилистической принадлежностью текста перевода и предполагается, что переводчик в совершенстве владеет тем типом речи, который характерен для сферы его деятельности.

И, наконец, норма эквивалентности представляет собой конечное нормативное требование, которое должно выполняться при условии соблюдения всех остальных аспектов переводческой нормы. Несомненно, полнота передачи содержания оригинала в переводе является важнейшей характеристикой межязыковой коммуникации, норма эквивалентности — это наиболее «собственно переводческое» нормативное требование к переводу. Она полностью определяется лингвистическими факторами, и степень ее соблюдения может быть установлена с максимальной объективностью. Эквивалентность перевода оригиналу является и наиболее объективным критерием для характеристики результатов деятельности переводчика. Как следствие, именно этот критерий широко используется и при редактировании профессиональных переводов, и в процессе обучения будущих переводчиков.

Таким образом, соблюдение всех нормативных правил, кроме нормы эквивалентности, носит более общий характер и является чем-то само собой разумеющимся, а степень верности оригиналу оказывается той переменной величиной, которая в наибольшей степени определяет уровень профессиональной квалификации переводчика и оценку качества каждого отдельного перевода.

Напомним, что в эквивалентном переводе воспроизводится та часть элементарных смыслов, которая релевантна для данного сообщения. Кроме того, могут появиться дополнительные элементарные смыслы, обусловленные структурой ПЯ.

В английском предложении *I had some* содержится пять элементарных смыслов:

- 1) «говорящий»,
- 2) «прибытие»,

- 3) «прошедшее время»,
- 4) «наличие связи с другим моментом или действием»,
- 5) «наличие связи с другим моментом или действием в прошлом».

В русском переводе Я пришел таких элементарных смыслов уже шесть — три из них совпадают с элементарными смыслами оригинала, а три возникают в связи с особенностями структуры русского языка:

- 1) «говорящий»,
- 2) «мужской род»,
- 3) «прибытие»,
- 4) «пешком»,
- 5) «прошедшее время»,
- 6) «законченное, однократное действие».

Эквивалентность содержания оригинала и перевода будет тем больше, чем больше элементарных смыслов будет в них совпадать. В то же время далеко не все элементарные смыслы в оригинале оказываются релевантными (коммуникативно значимыми) для сообщения, а утрата нерелевантных смыслов не делает перевод неэквивалентным. Буквальным переводом будет перевод, воспроизводящий нерелевантные элементарные смыслы оригинала при нарушении норм русского языка: Я совершил прибытие в прошлом в момент, предшествующий другому моменту или действию в прошлом (?!). В свободном переводе элементарные смыслы оригинала будут не переданы или изменены и будут добавлены необязательные дополнительные смыслы: А ваш покорный слуга уже находится здесь. И при таком подходе буквальный перевод непонятен и неприемлем, а свободный перевод неоправданно отходит от оригинала.

При таком подходе буквальный переводом будет перевод, осуществленный на более низком уровне языковой иерархии, чем тот, к какому принадлежит данная единица

перевода в оригинале. Если английское словосочетание *is a member* в предложении *The terrestrial globe is a member of the solar system* перевести как *является членом*, то такой перевод будет буквальным, ибо для правильной передачи значения этого словосочетания при соблюдении лексических норм русского языка требуется в качестве единицы перевода избрать не слово, а словосочетание, т. е. найти соответствие на более высоком уровне — *входить в*. В то же время остальная часть этого предложения может быть переведена на уровне слова: *Земной шар входит в солнечную систему*. Точно так же, если английское предложение (предупредительную надпись) *Keep off the grass!* перевести как *Держитесь прочь от травы*, то перевод будет буквальным, так как он выполнен на уровне слов, в то время как для правильной передачи смысла при соблюдении норм русского языка здесь необходим перевод на уровне предложения: *По газонам не ходить*. Как указывалось, при буквальном переводе либо искажается содержащаяся в оригинале информация, либо нарушаются нормы ПЯ, либо имеет место и то, и другое. Буквальный перевод по определению неэквивалентен, отдельные элементы буквализма в эквивалентных в целом переводах встречаются на практике довольно часто, но должны рассматриваться как переводческие ошибки. Таковы нередко встречающиеся переводы *sweet pea* как *сладкий горошек* (правильно: *душистый горошек*), *delicate balance* как *деликатный баланс* (правильно: *неустойчивое равновесие*), *cold-blooded murder* как *хладнокровное убийство* (правильно: *зверское убийство*). В последнем случае перевод *cold-blooded* как *хладнокровный* осуществлен на уровне морфем: *cold* — хладно-, *blood-* — кров-, — *ed* — н-, в то время как для правильной передачи значения этого английского слова требуется перевод на уровне всего слова в целом, а не составляющих его морфем

Литература:

1. Пронина, Р.Ф. Пособие по переводу английской научно-технической литературы. М.: «Высшая школа», 2005.
2. Пьянкова, Т.М. ABC переводчика научно-технической литературы. М.: «Летопись», 1994.
3. Скороходько, Э.Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (перевод терминов). Киев: Изд-во Киевского университета, 1993
4. url статьи: http://teneta.rinet.ru/rus/de/denis_yatsutko-matom.html#razmanda
5. (uri: <http://teneta.rinet.ru/rus>)

Компоненты устного билингвального дискурса (на материале китайского языка)

Тихонова Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
Томский государственный университет

В настоящее время теоретические и прикладные аспекты перевода и, в частности, устного последовательного перевода при работе с китайско-русской языковой парой рассматривались многими исследователями

и научными коллективами [1–4]. Однако для познания самого процесса перевода, его особенностей, характерных черт и сложностей необходимо обратиться к дискурсивному анализу, который в настоящее время рассматрива-

ется «как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [5–7].

Описывая процесс устного последовательного перевода с учетом лингвистических, коммуникативных, когнитивных составляющих, необходимо обратиться к термину «устный билингвальный дискурс». Истоки данного термина восходят к определению Ю. А. Карповой, которая характеризует дискурс переводчика при устном последовательном переводе как билингвальный [8]. В данном исследовании «устный билингвальный дискурс» определяется как разновидность дискурса, которая включает в себя структурные компоненты процесса перевода (компоненты коммуникации с переводом) и когнитивные процессы, которые, развиваясь по своим собственным правилам, эволюционируя, представляют собой сложную самоорганизующуюся систему [10].

При изучении дискурса в устном последовательном переводе (устного билингвального дискурса) необходимо рассматривать не только текст исходного языка, который предназначен для передачи, и преобразованный текст языка перевода, речевую ситуацию, но и принимать во внимание все компоненты акта коммуникации с переводом в сложившейся ситуации речевого общения (две речевые ситуации, два источника сообщения, два речевых произведения, два получателя, код и различные виды информации (фондовая информация, информация о структуре, семантическая и ситуационная информации)).

Рассматривая устный билингвальный дискурс как одну из разновидностей дискурса, представленного в современной лингвистической науке, вслед за С. К. Гураль [7, 9] можно предположить, что он обладает следующими базовыми категориями: пропозиция, референция, экспликация, импликация, инференция, пресуппозиция, ментальный лексикон. Однако устный билингвальный дискурс имеет ряд особенностей, свойственных лишь ему:

1. *Пропозиция* (от англ. proposition — предположение или утверждение, предлагаемое для обсуждения). Так, ученый Хунайского университета Сю Ле Чунь и исследователь Академии гуманитарных наук КНР Лю Тань Чинь впервые определили китайский язык как «discourse configurationallanguage» [11], где базовым критерием определения дискурса и речи, а также их взаимосвязи является изначально заданная тема беседы (话题 huàtí). Тема беседы в данном случае — это и ядро предложения, и цель выражения, при этом в дискурсе может существовать несколько таких тем. Лингвисты отмечают, что тема высказывания выявляется описанием структуры предложения, определением связей между членами предложения, а особенно связей между субъектом и предикатом [11]. Таким образом, при устном билингвальном дискурсе китайского языка переводчик должен уметь выделять «ключ» предложения для раскрытия коммуникативной составляющей высказывания, дополняя и восстанавливая предложенную форму высказывания до уровня полной пропозиции и дальнейшего ее корректного перевода для финального

адресата. Изначально пропозицию обозначает источник сообщения (текста на исходном языке). Пропозиция переводчика в свою очередь включает в себя пропозицию источника (то, как он ее понял), а также цели и задачи самого процесса перевода (то, как видится результат данного действия самим переводчиком) [10].

2. *Референция* (от англ. reference — ссылка на кого-либо/что-либо) — отношение между употребляемыми словами и объектами. При устном билингвальном дискурсе переводчик, выполняя роль и адресата, и источника, должен обладать определенным информационным запасом. Общее количество информации, которую можно извлечь из речевого произведения, является непостоянной величиной и зависит от каждого отдельного человека. Предполагается, что переводчик должен обладать информационным запасом третьей степени из пяти (то есть наиболее существенные признаки денотата четко осознаются коммуникантом, и он способен выделить его из группы подобных предметов) для правильной трактовки и дальнейшей передачи информации [12]. Однако при интродуктивной референции переводчику, выполняющему роль источника сообщения, необходимо прибегать к языковой избыточности, поясняя те или иные понятия. Эта особенность четко прослеживается при устном последовательном переводе при работе с китайско-русской языковой парой. Два народа имеют ярко выраженные черты характера, отличные менталитеты, обычаи и традиции, религии. Для того чтобы донести информацию в корректной форме переводчику необходимо обладать обширными фоновыми знаниями в разных областях.

3. *Экспликация* (от англ. explication) — детальное, четкое объяснение или толкование написанного или услышанного. В данном случае обозначаются различия между тем, что конкретно говорится (экспликация), и тем, что подразумевает источник сообщения (импликация).

4. *Импликация* (от англ. Implication) — то, что подразумевается; подтекст; смысл. Так, например, в КНР профессор Пекинского университета Шень Ян рассматривает термин «дискурс» как категорию языковой коммуникации. По его мнению, отличие дискурса от других единиц языка заключается в том, что он содержит большую имплицитную информацию, которая может рассматриваться только через анализ подтекста, также в его работах говорится о том, что на дискурсивном уровне известная информация является главной темой в тексте, а неизвестная информация — это служебная (вспомогательная). Основной задачей дискурсивного анализа является нахождение контактов и связи между двумя темами не только в тексте, но и в языковой ситуации, связанной с ним [13]. Особенность дискурса китайского языка заключается в наличии единиц, не имеющих открытого (выводимого из словарной и грамматической информации) смысла. К ним относятся сложносокращенные слова (лексические единицы, возникающие в результате контракции или стяжения), фразеологизмы (成语 chéngyǔ), неоговорки-иносказания (歇后语 xiēhòuyǔ), неологизмы (新词语 xīncíyǔ) и т. д.

5. *Инференция* (от англ. inference — вывод, заключение) — операция извлечения смысла или информации из текста или дискурса, которые напрямую непосредственно не представлены. При устном билингвальном дискурсе остается проблема вычленения ключевой, основной информации предложенного сообщения, так как мотивы и цели источника при устной межкультурной коммуникации не представлены. В результате в реальных условиях работы переводчик имеет в своем распоряжении только речевое произведение, которое ему предстоит трансформировать средствами другого языка, сохраняя необходимую информацию, способную вызвать у финального адресата необходимый коммуникативный эффект согласно заданной цели перевода [12]. Поэтому переводчику приходится делать соответствующий вывод на основе логики содержания сообщения и своих когнитивных операций, учитывая ролевое поведение коммуникантов, а также их социальный статус.

6. *Пресуппозиция* (от англ. presupposition — допущение; исходная предпосылка) — смысловой компонент высказывания, характеризующийся семантической правильностью и контекстуальной уместностью, который когнитивно предшествует высказыванию.

7. *Ментальный лексикон* — сложная система, включающая большое количество слов в словарном запасе человека, которые находятся в определенной степени упорядоченности, и высокую скорость оперирования ими [14]. В работах С. К. Гураль [9] ментальный лексикон сравнивается со словарем, где, во-первых,

слова находятся в алфавитном порядке, и, во-вторых, его содержание фиксировано и постоянно. Ментальный же лексикон включает неалфавитную систему расположения слов, оговорки, а также отличается от словаря своей гибкостью и текучестью, при которой словарный состав постоянно меняется, дополняя его новыми словами и убирая другие. При устном билингвальном дискурсе слова (единицы ментального лексикона), как родного, так и иностранного языков, которые также в ментальном лексиконе находятся в тесной взаимосвязи, позволяя переводчику свободно оперировать ими в процессе перевода, учитывая предметное содержание того или иного слова, которое с течением времени может меняться.

Таким образом, устный билингвальный дискурс переводчика обладает всеми вышеперечисленными базовыми когнитивными категориями, присущими непосредственно самому дискурсу, выделяя в каждом из них свои особенности. Однако его формирование невозможно без сформированных составляющих профессиональной компетентности переводчика, которые придают синергетически новый смысл процессу устного последовательного перевода. Тем самым, мы можем обозначить тот факт, что в устном билингвальном дискурсе присутствует сложная система, включающая в себя: структурные компоненты (компоненты коммуникации с переводом) и когнитивные процессы, которые, развиваясь по своим собственным правилам, эволюционируя, представляют собой сложную самоорганизующуюся систему.

Литература:

1. Привороцкая, Т. В. Способы достижения речевой компрессии при переводе с субтитрами (на материале фильма ЦзиньМа «Мулан», КНР, 2009 г) // Язык и культура. 2013. № 2 (22). Томск: Издательство Томского университета. С. 61–67.
2. Тихонова, Е. В. Развитие профессиональной компетентности переводчика на основе виртуальной обучающей среды Moodle // Язык и культура. 2015. № 1 (29). с. 169–175.
3. Тихонова, Е. В. Особенности реализации тренинга в обучении устному последовательному переводу // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 132–136.
4. Привороцкая, Т. В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский [Текст] / Т. В. Привороцкая / Язык и культура: сб. статей XXIII Международной научной конференции. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С. 90–92.
5. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). Томск: Издательство Томского университета. С. 38–44.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
7. Гураль, С. К., Тихонова Е. В. Организация процесса обучения устному последовательному переводу в свете синергетической теории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 77–82.
8. Карпова, Ю. А. Языковая личность переводчика в устном переводе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 24: Филология. Искусствоведение. — с. 233–235.
9. Гураль, С. К. Дискурс-анализ в свете синергетического видения: [учеб. пособие] / С. К. Гураль. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — 176 с.
10. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. Томск, 2014

11. Xu Lie Tong, Liu Dan Qing. Xuatiyujiaodianxinlun. — Shang hai: Shang haijiaoyuchu ban she, 2003. 11. — 280 p.
12. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод/Р.К. Миньяр-Белоручев. — М.: Воениздат, 1980. — 237 с.
13. Shen yang. Yu yanxuechangshishiwujiang. — Beijing: Beijing da xuechu ban she, 2005. 11. — 468 p.
14. Aitchison, J. Words in the mind. an introduction to the mental lexicon/J. Aitchison. — Maldon a. o.: Blackwell Publishing, 2005. — 314 p.

Современные подходы к исследованию отрицания

Тухтахуджаева Мадина Улугбек кизи

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

На современном этапе развития мировых языков, в частности английского языка как международного, остаётся сложной задачей классифицировать отрицание по конкретным признакам. К современным подходам к исследованию отрицания мы относим: прагматический, когнитивный и лингвокультурологический подходы.

Отрицание в языке рассматривается, сторонниками прагматической концепции отрицания, как функциональная категория. Авторы считают, что особый речевой акт создаётся, отрицательным высказыванием, смысл которого заключено не в том, чтобы сообщить новую информацию, а в том, чтобы опровергнуть, отклонить или скорректировать ложное мнение или суждение адресата. Говорящий при общении опирается на собственные предполагаемые знания относительно точки зрения адресата, и, употребляя отрицание, он пытается повлиять на мнение собеседника. Пресуппозицию отрицательного высказывания, согласно этой концепции, составляет утвердительный коррелят адресата. Говорящий строит свою речь, исходя из коррелирующего утвердительного высказывания собеседника [2].

Заметим, что прагматическая концепция ярко отображает коммуникативную обусловленность функционирования отрицания. Условия коммуникации указывают нам, как необходимо воспринимать высказывание, — как отрицательное по смыслу или как положительное. Грамматическая форма не всегда может являться обязательно определяющей. Широко известно, что негативные грамматические формы вполне оказываются способными передавать положительные значения.

Сторонники прагматической концепции считают, что отрицание существенно более прагматически нагружено, чем утверждение, потому что опирается на предпосылку заблуждения адресата. Заблуждение требует исправления и мотивирует дальнейшие речевые действия участника коммуникации. В большинстве случаев отрицание встречается во вторых репликах диалога. Такие ответные реплики выражают несогласие, протест, опровержение, а также манифестируют субъективную негативную оценку. Главной целью использования отрицательных высказываний в речи является побуждение адресата взять

обратно, пересмотреть свое мнение, предотвратить, прекратить действие с его стороны [3].

Представители когнитивного направления в языкознании были первыми кто заметил, что в языковых формах отображается визуальное и слуховое восприятие действительности человеком, а также его менталитет, выражающийся в системе ценностей, временной соотнесённости, иерархической организации мира и т.д. При восприятии речи человек использует те же механизмы, что и при восприятии музыки, звука, температуры, цвета и т.д. Семантические правила, на подобии с биологическими законами визуально-слухового аппарата, имеют скрытый характер. Мы их используем бессознательно. Когнитивный аспект изучения языковых форм позволяет постичь сущность концептуализации фактов и процессов действительности человеком [1].

Целью когнитивного лингвистического анализа является создание семантической методологии, то есть грамматику человеческого познания. Л. Талми делает заключение, что язык состоит из двух подсистем, выполняющих дополнительные функции: 1) обеспечение концептуального содержания; 2) определение концептуальной структуры (Талми, 1999. с. 92—95). Структура когнитивной репрезентации определяется грамматическими элементами, а лексические — её материалами. Итак, отрицание — континуально-дискретная сущность, концептуальная универсалия, проявляющаяся на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, фонетическом. При этом между средствами выражения отрицания нет резкой грани, более того между ними есть генетическая связь. Эта связь обусловлена общим концептуальным содержанием. Вариативность, неконтруэнтность и контекстная зависимость отрицательных концептуальных структур позволяет определить характер когнитивной природы отрицания как топологический, приблизительный, а не как абсолютный и точный. Такое определение отрицания нам представляется наиболее полным, и мы ему отдаем предпочтение.

Целостность противоположности «утверждение — отрицание», основывается на оппозиции объекта, обозначенного каким-то признаком, и объекта, необозначенного этим признаком. Противоположность «утверждение —

отрицание» показывает закон мыслительной экономии: человеческий мозг все время стремится к компрессии, иными словами нахождению наиболее оптимальных и экономичных способов обработки и воспроизведения информации.

Литература:

1. Сусов, И. П. Язык и дискурс: когнитивные и коммуникативные аспекты. // Сб. науч. трудов / Отв. ред. — Тверь, Мир лингвистики и коммуникации, 1997. — 84 с.
2. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета, 1999. № 1. — 310 с.
3. Андреева, И. В. Грамматическая категория отрицания и ее стилистические потенции в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1974. — 33 с.

На базе когнитивного подхода был разработан лингво-культурологический, в рамках которого выявляются национально-культурные особенности, в нашем случае — средств отрицания. Основные моменты этого подхода будут описаны в следующей главе.

Особенности образования терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования (на примере китайского языка)

Хафизова Лейла Ильгамовна, студент;
Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Термин «нефть», пришедший к нам из персидского языка через турецкое слово «neft», в современном мировом лексиконе стал синонимом общепринятого словосочетания «черное золото». И объясняется этот факт не только тем, что сегодня нефть, наряду с природным газом, является основным и практически безальтернативным источником энергии, но и тем, что ее запасы невосполнимы. Вторая половина XX века характеризуется бурным ростом потребления нефти — основного источника энергии в настоящее время. Нефть и те продукты, что из нее создаются, играют определяющую роль в мировой экономике. Из нефти производится целая серия всевозможных продуктов, без которых сегодня не может обойтись современное общество.

Одной из наиболее важных проблем современной лингвистики является исследование терминологии. В этой связи большой научный интерес представляет собой изучение типологически разных языков, а конкретно русского и китайского. Нефтедобывающая промышленность является одной из главных отраслей энергетики в России, что связано с богатыми залежами нефти как на земле, так и на воде. Тем временем, Китай продолжает освоение нефтедобывающей промышленности, и вместе с тем выходит на лидирующие позиции на рынке нефтедобывающего оборудования. В связи с этим обе страны наладили производственные отношения в данной области и в настоящее время являются партнерами.

Актуальность работы обусловлена тем, что в условиях научно-технического развития общества, роста экономики и промышленности Китая, расширения его международных связей, укрепления сотрудничества с Россией, нефтегазовая отрасль вышла на первый план, что и послужило основой для возникновения и заимствования раз-

личных терминов. Основная цель данной работы заключается в исследовании процессов терминообразования в отрасли нефтедобывающего оборудования, а также в выявлении разницы между буквальным переводом терминологической единицы с китайского языка и терминологическим названием в русском языке.

За время изучения особенностей термина и терминологии накопилось значительное количество определений понятия «термин» не только в лингвистике, но и в других науках. Обратимся непосредственно к мнениям лингвистов. Так, например, Б. Н. Головин характеризует термин как «отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии (научной, технической, производственной, управленческой)» [3, с. 46]. А. А. Реформатский же в качестве главной функции термина выделяет точность, и под термином понимает «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» [5, с. 542]. Два приведенных определения отражают разные аспекты термина, потому нельзя сказать, что какое-то понятие неверно. По мнению А. В. Суперанской, существование разнообразных трактовок понятия «термин» объясняется, прежде всего тем фактом, что «...у представителей разных дисциплин оно связывается со своими особыми понятиями и представлениями, имеет неравный объем содержания и определяется по-своему» [9, с. 100].

Из выше сказанного следует, что единых общих устойчивых требований к терминам нет. Причин этому не-

сколько, главная причина объясняется сложностью самого объекта и большими языковыми возможностями выполнять свою основную номинативную функцию (т.е. быть именем единого нерасчлененного понятия). Однако, несмотря на множество трактовок «термина», можно выделить его главный признак: способность к обозначению определенного научного понятия.

Говоря о способах терминообразования и об их употреблении в китайском и русском языках, невозможно не сказать о таком лингвистическом понятии, как «терминологическое сочетание». Очевидно, что термин не может представлять собой только единое слово, зачастую в состав термина входят несколько слов, которые образуют сочетание, несущее в себе значение слова. В. А. Татаринцов определяет терминологические сочетания как, «многокомпонентные, раздельно оформленные семантически целостные сочетания, образованные путем соединения двух, трех или более элементов» [10, с. 158].

Нельзя не отметить и тот факт, что эта тема уже была затронута и в работах наших студентов. Мы продолжаем изучать проблемы перевода терминов и терминологических сочетаний с китайского на русский, описанные в таких статьях, как «Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли)», автор Е. А. Яковлева [6]; «Проблемы перевода материаловедческих терминов с китайского языка на русский», автор Ю. О. Огурцова [7]; «Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции», автор И. О. Лебедева [8]. Перечисленные материалы в очередной раз доказывают актуальность и значимость данной темы.

Терминологические сочетания сложно найти в словарях, так как подобная лексика в них не фиксируется. При переводе научно-технических текстов учитываются значения слогов-компонентов терминологических сочетаний. Получается, что для адекватного и полного перевода необходимо умение владеть устоявшейся в языке перевода специальной лексикой. Отсюда следует, что понятие «термин» остается спорным и в настоящее время, и мы не можем точно утверждать, что под «термином» можно иметь в виду только лишь слово или целое словосочетание.

В китайском языке, словосложение — это основной способ образования новых слов и основ, в результате которого образуются сложные слова. Например, 机泵体 *jī bèng tǐ* (корпус насоса с пусковым механизмом), где 体 *tǐ* — корпус, 泵 *bèng* — насос, 机 *jī* — пусковой механизм. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в русском языке, где одним из способов образования терминов тоже является словосложение, например, «теплообменник» (тепло+обмен), «бурмашина» (буровая + машина).

Компоненты сложных слов неоднородны. Ими могут быть самостоятельные слова современного китайского языка, а также знаменательные морфемы, утратившие в современном языке синтаксическую самостоятельность.

В составе сложных слов и те и другие компоненты не обладают синтаксической самостоятельностью и, следовательно, являются морфемами. Например, 地球物理设备 *dìqiú wúlǐ shèbèi* — геофизическое оборудование, где 地球 *dìqiú* означает в сложных словах приставку «гео-», 物理 *wúlǐ* — физика, 设备 *shèbèi* — оборудование. В данном терминологическом сочетании 地球 *dìqiú* утратило синтаксическую самостоятельность.

Как в китайском, так и в русском языке многие термины и терминологические сочетания заимствуются из других языков. Русский язык перенял много терминов из европейских языков, таких как английский и немецкий, например, «штуцер» (от нем. *stutzen* — обрезать коротко), «сепаратор» (от англ. *separate* — отделять).

В современной китайской технической лексике присутствует ряд особенностей. В связи с этим, китайские термины, заимствованные из других языков, можно разделить на несколько групп. В. И. Кочергин предлагает следующую классификацию [4, С106–126]:

1. Термины, заимствованные полностью из языка оригинала, когда план выражения совпадает с планом содержания. Такие термины встречаются сравнительно не часто, и в своем большинстве представляют собой единицы измерения. Также можно встретить примеры терминологических заимствований из области науки и техники. К ним, например, относится «гравиметр» — 重力仪 *zhònglì yí*, где 重力 *zhònglì* — гравитация, 仪 *yí* — прибор.

2. Термины международного характера, которые передаются путем транслитерации, их другое название — «фонетические кальки». Например, «фланец» — 法兰 *fǎ lán*.

3. Гибридные заимствования так же относятся к этому виду. Они состоят из двух частей: чисто фонетической кальки и семантической зависимости. Например, «фланцевая катушка» — 法兰线轴 *fǎ lán xiànzhóu*, где 法兰 *fǎ lán* — фланец, 线轴 *xiànzhóu* — катушка.

4. Семантические заимствования. Представляют собой перевод на китайский язык семантического содержания иноязычного термина. Например, «взрывчатка» 炸药 *zhà yào*, где 炸 *zhà* — взрываться, лопаться, 药 *yào* — порох.

Для проведения анализа образования терминов в китайском языке на примере отрасли нефтедобывающего оборудования, было отобрано сто двенадцать терминов, взятых из статей на китайском языке. Перевод терминов на русский язык происходил под контролем специалиста нефтегазовой отрасли.

Основываясь на классификации, предложенной В. И. Кочергиным [4, С106–126], мы распределили терминологические единицы на три группы: полное заимствование термина, когда план содержания и план выражения слова или словосочетания полностью совпадают; фонетическое заимствование, когда при помощи китайских иероглифов передается звучание термина на исходном языке; и семантическое заимствование, когда совпадает только план содержания.

Самую малочисленную группу образовали термины, созданные при помощи фонетического калькирования. В эту группу вошло всего одно слово, которое представляет собой гибридное заимствование. 法兰线轴 fǎ lán xiànzhóu (фланцевая катушка) представляет собой фонетическое калькирование и семантическое заимствование.

В группу терминологических элементов, образованных семантическим заимствованием, вошло гораздо больше слов. Например, 塔器 tā qì (колонна), где 塔 tā — пагода, 器 qì — аппарат. В вышеприведенном примере план содержания термина в китайском языке и план выражения термина в русском языке примерно совпадают, о значении термина легко догадаться, но есть случаи, когда план выражения русскоязычного термина не всегда ясен для человека, близко не знакомого с нефтедобывающей отраслью. Например, 长钻 zhǎng zuān (шлямбур), где дословный перевод звучит, как «длинное сверло». Чтобы понять семантическое ли это заимствование, сначала следует обратиться к толковым словарям. Шлямбур — инструмент для пробивания отверстий в стене, имеет вид полый твердой трубки, с одной стороны у которой имеются зубчики. Таким образом «длинное сверло» является семантическим заимствованием.

Следующие термины мы также решили отнести к семантическим заимствованиям, хотя ситуация немного отличается от вышеописанных. Например, 吊卡 diào kǎ (элеватор, подъемник). 吊 diào означает «подвесной», поэтому исходя из способа, которым руководствуется семантическое заимствование, вторым иероглифом должен был быть непосредственно «лифт» или «кабина». Почему же здесь используется 卡 kǎ (карта)? Ответ предельно прост — потому что подъемник в Китае работает только после прикладывания специальной карты к считывающему устройству.

Более сложными примерами семантического заимствования послужили терминологические сочетания, которые представляют наибольший лингвистический и переводческий интерес. Так, например, «погружные центробежные насосные установки» 离心式潜水泵的安装 líxīn shì qiánshuǐ bèng de ānzhuāng, где одно из значений 离心 líxīn — центробежные устремления, однако данное слово не относится к научной сфере, оно скорее относится к политической сфере, так как в остальных случаях 离心 líxīn трактуется как сепаратистские настроения. Поэтому после 离心 líxīn добавляется 式 shì — форма, что вместе дает что-то, конкретно установку, в составе которой присутствует элемент, работающий на центробежной силе. 潜 qián означает «погружать в воду, течь под землей, глубина», что по смыслу схоже с «погружные». 水泵 shuǐ bèng — водяная помпа, что по структуре является на-

сосом. Таким образом, буквальный перевод опять имеет точки соприкосновения с терминологическим названием относительно плана содержания.

Перейдем к другой, также немалочисленной группе терминологических сочетаний, образованных способом полного заимствования, когда план содержания и план выражения совпадают. Самыми простыми примерами данного типа заимствования являются такие термины, как 换热设备 huàn rè shèbèi — теплообменник и 工业炉 gōngyè lú — промышленная печь. 换 huàn — менять, обменивать, 热 rè — тепло, 设备 shèbèi — оборудование, что как раз и является теплообменником, план содержания и план выражения совпадают. 工业 gōngyè — промышленность, промышленный, 炉 lú — печь, и опять буквальный перевод, как и план выражения, совпадает с терминологическим названием, так и совпадает с планом содержания.

В ходе исследования был проведен анализ отобранных терминов отрасли нефтедобывающего оборудования из статей на китайском языке. Были выявлены основные понятия терминологии, способы формирования терминов в китайском языке. На базе полученных знаний был произведен анализ имеющихся терминологических элементов, который показал, что в большинстве случаев термины китайского языка образуются путем семантического заимствования. Самую многочисленную группу терминов и терминологических сочетаний китайского языка образуют примеры, возникшие путем семантического заимствования, что составляет примерно 68% отобранного материала, то есть в эту группу вошло 76 терминологических элементов, из которых при переводе на русский язык 32 являются терминами, а 44 терминологическими сочетаниями. Второй по количеству группой является группа полного заимствования, на которую приходится примерно 31%, то есть 35 терминологических элементов, из которых при переводе на русский язык 9 являются терминами, 26 терминологическими сочетаниями. И лишь одно терминологическое сочетание возникло фонетическим, в нашем случае, гибридным заимствованием.

Дальнейший анализ терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования показал, что, в силу преобладания способа семантического заимствования, буквальный перевод термина или сочетания с китайского языка разнится, но, тем не менее, имеет точки соприкосновения с терминологическим наименованием. В 77 случаях из 112, буквальный перевод отличается от реального. Это связано с тем, что часто тот или иной процесс или функция прибора, в представлении русских и китайцев, выглядят по-разному в силу формирования культурных особенностей.

Литература:

1. 郭建光«石油装备行业分析报告»/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/17d9546c9b6648d7c1c74614.html> (19.05.2014)
2. 徐歆怡«石油工程毕业论文»/[Электронный ресурс] — <http://wenku.baidu.com/view/291d774733687e21af45a956.html> (19.05.2014)

3. Большой энциклопедический словарь/[Электронный ресурс] — <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/117098> (19.05.2014)
4. Головин, Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. — М.: Высшая школа, 1987. — с. 46.
5. Крылов, Н. А. О словообразовательном анализе в вузе и терминологии словообразования // Уч. зап. Московск. обл. пед. инта — 1967, — Т. 197 — с. 51–60.
6. Молодой ученый/[Электронный ресурс] — <http://www.moluch.ru/archive/89/18571/>
7. Молодой ученый/[Электронный ресурс] — <http://www.moluch.ru/archive/89/18565/>
8. Молодой ученый/[Электронный ресурс] — <http://www.moluch.ru/archive/87/16916/>
9. НиГМаш-Сервис/[Электронный ресурс] — <http://www.nigmash.ru/products.asp?id=8> (19.05.2014)
10. Реформатский, А. А. Введение в языковедение: учеб. для филол. фак. пед. ин-тов — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.

Концептосфера «любовь» в романном творчестве Маргерит Дюрас (на материале романа «Модерато кантабиле»)

Шапошник Нина Аркадьевна, старший преподаватель;
Чекалина Татьяна Владимировна, старший преподаватель
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

В данной статье рассматривается концептосфера «любовь» в романе М. Дюрас «Модерато кантабиле».

В качестве родового понятия любовь-межличностное чувство охватывает широкий круг эмоциональных явлений, характеризующихся положительным отношением к другому, — от простой симпатии до всеохватывающей страсти. В зависимости от объекта выделяются три основных вида собственно любви: 1) родительская, 2) сыновья и 3) половая. [3, с. 28] Следуя этому утверждению, представляется возможным выделить в анализируемых произведениях три концепта: «любовь» к матери, «любовь» к мужчине, «любовь» к ребенку.

Целью данной работы является изучение особенностей данных концептов, выявление их дифференциальных признаков, а также рассмотрение возможности их объединения в одну концептосферу. Для достижения поставленных целей необходимо *решить следующие задачи*: 1) выявление основы исследования и индивидуально-авторских особенностей выражения концепта «любовь» в романном творчестве писательницы; 2) отбор актуального для темы исследования художественного материала; 3) определение специфических признаков концептов «любовь» к матери, «любовь» к ребенку, «любовь» к мужчине в соответствующих контекстах; 4) рассмотрение вышеперечисленных концептов с точки зрения их сцепления.

Изучение такого феномена как «концепт» является одним из основных в современном литературоведении. Этой теме посвящены многочисленные труды, Степанова Ю. С., Зусмана В. Г., Лукова Вал. А., Лукова Вл. А. и других, концепту «любовь» в лингвокультурологии посвятил монографию Воркачев С. Г.

Концепт — это явление разнородное, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, ин-

дивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам. [6, с. 8] Это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. [8, с. 40] Чувство любви — это одна из универсалий культуры и по утверждению Эриха Фромма, — является единственным разумным и удовлетворительным ответом на вопрос о смысле человеческого существования. [3, с. 27]

Любовь — форма духовной культуры, представленная в тезаурусе человека как индивидуальное переживание чувства преданности людям, предметам и явлениям окружающего мира, идеям, мечтам, самому себе, когда объект этого чувства становится выше и ценнее личного «Я» и без слияния с избранным объектом, овладения им, единения человек не мыслит своего существования или, по крайней мере, ощущает глубокую неудовлетворенность, свою неполноценность, неполноту индивидуального бытия. Такое понимание любви включает в себя все ее виды (к жизни, сексу, женщине или мужчине, к детям и родителям, к себе, к деньгам, славе, власти, искусству, науке, Родине, Богу и т. д.) [7]

Современные французские критики называют Маргерит Дюрас романисткой абсолютной любви. Анализируя роман «Модерато кантабиле» Бернар Алязе приходит к выводу, что для М. Дюрас прославлять любовь, вовсе не сводится к тому, чтобы упиваться этим сладостным чувством, а напротив избавиться от него, чтобы приблизиться к «некоему подобию желанья», которое доводит до исступления индивидуальную природу человека. Она как будто описывает «паузу в сердцебиении, когда чувства перестают существовать» [2, с. 70]. Подтверждение

этого мнение мы находим в одном из телеинтервью, когда М. Дюрас рассказывает о том, что побуждает ее писать, признается: «Уничтожение чувства, вот, что интересует меня больше всего» [2, с. 70]. Таким образом, основным признаком концепта «любовь» у М. Дюрас выступает некое страстное желание, любовь-одержимость.

Как и большинство произведений М. Дюрас «Модерато кантабиле» является художественным отражением личного опыта писательницы. В данном случае речь идет о ее коротком, но бурном романе с журналистом Жераром Жарло, «который поил вином и сводил с ума» и о котором она упоминает в своем сборнике «Материальная жизнь» [2, с. 70].

В анализируемом нами тексте параллельно осуществляются две любовные истории. Первую, воображаемую, рассказывают главные герои романа: Анна Дэбаред, и Шовен, ставшие случайными свидетелями убийства. Некий мужчина застрелил свою возлюбленную: «В гостиной кафе... на полу, безучастная ко всему, лежит женщина. На ней, крепко вцепившись ей в плечи, лежал мужчина и тихонько звал ее: — Любовь моя... Любимая...». [5] Это происшествие является отправной точкой для обеих историй. В первом случае развитие сюжетной линии происходит от конца к началу, во втором, наоборот, от начала к концу.

Главная героиня, потрясенная и заворожённая увиденным, снова и снова возвращается в кафе, чтобы как можно больше узнать об отношениях несчастных влюбленных: «— Понимаете, у меня это прямо из головы не выходит со вчерашнего вечера, — призналась Анна Дэбаред, — ... Это как наваждение, все сильнее и сильнее. Вот я и пришла сегодня, просто не могла не прийти». [5] Это её страстное желание передается вербальными и невербальными средствами. К невербальным средствам мы относим морально-этический контекст. Мадам Дэбаред, жена, директора литейных заводов, одного из самых богатых и уважаемых людей небольшого приморского города, в течение недели приходит в рабочий квартал и, напившись допьяна дешевым вином в компании одного из рабочих завода по фамилии Шовен, выспрашивает у него очередную порцию информации об убийстве. По городу уже поползли слухи, и это может сильно навредить ее безупречной репутации, но стремление «познать» любовь, такого накала оказывается сильнее условностей.

Невербальными средствами подчеркивается непреодолимое желание героини возвращаться на место преступления. Анна с сыном каждый день преодолевает пешком большое расстояние от дома на Морском бульваре до кафе в рабочем квартале, чтобы еще раз услышать историю несчастных влюбленных. Мы читаем — *во второй главе*: «— Ну что, пойдём? — позвала сына Анна Дэбаред. И они зашагали по Морскому бульвару... Мальчик привык гулять... И все же, когда они миновали первый мол и дошли до второго причала для буксиров, ... он не на шутку перепугался. — Почему именно сюда? ... — Какая разница, сюда или куда-нибудь еще? Мальчик подчинился, после-

довал за ней до самого конца»; *в третьей главе*: «... — сейчас пойдём гулять... Они снова отправились по бульвару в сторону мола. — Так далеко, — захныкал было он, но смирился...»; *в начале четвертой главы*: «На другой день Анна повела сынишку в сторону порта... Анна Дэбаред добралась до порта, миновала первый мол и песчаную бухту с причалом для буксиров, откуда уже открывался вид на город, на его обширный промышленный квартал...» *в конце четвертой главы*: «Она плохо видела вдаль ... и старалась не глядеть в сторону конца Морского бульвара, дабы не пасть духом при виде долгого пути, который им предстояло преодолеть»; *в восьмой главе*: «На прогулку в сторону порта Анна Дэбаред отправилась лишь день спустя. Добралась она туда чуть позже обычного». [5] Весь роман пронизан повторами, которые наряду с музыкальной составляющей, заявленной в названии (*moderato cantabile* — музыкальный термин, обозначающий «умеренно и певуче»), отражают любовную одержимость, непреодолимое стремление друг к другу участников повествования.

Невербальными средствами выражения также являются жесты и взгляды, главных героев. Дрожащие руки Анны, бокал вина, всегда полный, которым Шовен спаивает свою собеседницу, их руки, внезапно очутившиеся рядом на столе, и вот уже Анна не может «ни на мгновение» оторвать взгляд от его рта. Эти многократно повторяющиеся детали создают впечатление некоего желания, вспыхнувшего между Анной и Шовеном, того самого желания, которое определяет концепт «любовь» к мужчине у М. Дюрас.

Вербальные средства выражения концепта «любовь» к мужчине также выстраиваются с помощью репризы. Со второй по шестую главы Анна и Шовен встречаются в кафе и беседуют. Они обсуждают нюансы взаимоотношений того мужчины и той женщины. В процесс «расследования» вплетаются факты жизни главных героев. У жертвы и у Анны есть семья (муж, дети), обе женщины пристрастились к вину, обе познакомились в кафе с мужчиной, у обеих случился адюльтер, который привел к смерти реальной или воображаемой. Как и убийца, свою возлюбленную, Шовена прогоняет Анну: «— Я хочу, чтобы вы ушли, — пробормотал Шовен». [5]. Чужая история любви становится зеркальным отражением их собственной. Почему же исчезает чувство? Маргерит Дюрас считает, что это происходит тогда, когда пропадает желание: «Ничто уже больше не доставляло им радость», «... им и в голову не приходило, что все закончится так быстро. Да, очень скоро ему пришлось гнать ее подалее от себя ...». Иссаящая страсть приводит мужчину и женщину к мысли о смерти как наилучшем исходе, так как быть вместе уже невозможно, а существовать порознь невыносимо: «...он выстрелил ей прямо в сердце, потому, что она сама попросила его об этом» [5].

Авторская логика приводит нас к следующим выводам: любовь отождествляется со страстным желанием, когда оно проходит, наступает смерть: «— Мне бы хоте-

лось, чтобы вы умерли, — проговорил Шовен. — Я уже мертва, — ответила Анна Дэбаред». [5]. Следовательно, страсть, одержимость объектом любви и скорое ее угасание, приводящее к смерти — вот специфические признаки концепта «любовь» к мужчине у М. Дюрас.

Для достижения целей исследования представляется необходимым рассмотреть также концепт «любовь» к ребенку и «любовь» к матери, которые наряду с концептом «любовь» к мужчине рассматриваются, с точки зрения межличностных отношений.

На протяжении всего текста имя сына мадам Дэбаред ни разу не называется. Писательница заменяет его перифрастическими номинациями, вкладывая в уста матери самые нежные и ласковые слова: «любовь моя» (I глава), «солнышко мое» (V глава), «сокровище мое» (V глава), «ах, ты мой любимый» (III глава). Анна относится к своему ребенку с сакральным трепетом: «Изумление, с каким глядела Анна Дэбаред на своего малыша с самого первого дня, ничуть не уменьшилось» [5]. Ни огорчения, ни боль, которые сын причиняет матери, не могут заставить ее быть строгой, напротив вызывают только умиление: «Ах, ты бесстыдник мой маленький, сокровище мое, — едва слышно шепчет она» [5], но, когда ребенок наконец покоряется, ей «делается как-то не по себе» [5] Анна страдает из-за упрямства своего мальчика, признается, что он ее поедом ест, «просто сжирает и все» [5], но и упреки учительницы музыки в адрес сына мучают ее не меньше «Я не хочу, чтобы тебя снова ругали, иначе я умру», (V глава) [5].

Только мать может уговорить сына заниматься музыкой и «безупречно» исполнять ненавистные гаммы, потому что «нежности этого голоса, такого родного, мальчик еще не научился противиться» [5]. Мадам Дэбаред всегда присутствует на уроках музыки, она сидит сзади, метрах в трех и с умилением наблюдает за своим мальчуганом, обращая внимание на малейшие изменения его мимики, считывая его жесты и любясь отражением заката в его во-

лосах: «Глаза его в этот вечер почти цвета неба, с той лишь разницей, что в них еще играют золотистые отсветы волос» [5]. Не случайно внешность Шовена и сына Анны М. Дюрас описывая в одних и тех же тонах: «Когда и он тоже поднялся, выпрямившись во весь рост, Анна Дэбаред не могла не заметить, что он еще совсем молод, что закатное солнце отражается в его глазах, таких же прозрачных и чистых, как глаза её малыша». [5]. Эротическая любовь и любовь материнская имеют один и тот же градус. Дифференциальным признаком материнской любви служит надежда на счастливое будущее: «Придет время, — заверяет мать, — он все выучит и будет отвечать без запинки, непременно, просто надо немного подождать» [5].

Отношение мальчика к своей матери можно охарактеризовать как нежная привязанность. В тексте взаимоотношения сын — мать выражаются в основном невербальными средствами: их частые объятия, ежедневные прогулки за руку, несмотря на то, что мальчику уже примерно десять лет, многозначительные взгляды во время уроков музыки. Однако и эта любовь причиняет боль и страдания. Анна, вспоминая крик женщины, умирающей от любовной страсти, сравнивает его со своим криком во время родов: «— Мне кажется, когда-то... да-да, один только раз в жизни и я тоже кричала, почти как она... Знаете, это было, когда я произвела на свет этого ребенка... А что, неужели этот малыш причинил вам такую боль? — Ах, слышали бы вы, как я кричала». [5].

По мнению Зусмана В.Г., ряд концептов, рассмотренный с точки зрения их сцепления, образует концептосферу. [6, с. 8]

Нам удалось установить, что концепты «любовь» к матери, «любовь» к ребенку, «любовь» к мужчине имеют общие признаки, а именно: страдание, боль, мука. Анна мучает своего ребенка, заставляя его заниматься музыкой, мальчик мучает мать своим упрямством, мужчина внушает мучительную страсть. Следовательно, мы считаем возможным объединить эти концепты в одну концептосферу.

Литература:

1. Duras Marguerite *Moderato cantabile: (roman)*/Marguerite Duras — Paris: Edition de miuit, 1958 г. — 117 p.
2. Alazet Bernard *Abolir le sentiment // Le Magazine Littéraire*, novembre 2011.
3. Воркачев, С.Г. *Любовь как лингвокультурный концепт. [Монография]/С.Г. Воркачев — М.: Гнозис, 2007. — 284 с.*
4. Дюрас, М. *Плотина против Тихого океана/Маргерит Дюрас. — М.: Астрель: АТС, 2011. — 317, [3] с.*
5. Дюрас Маргерит *Модерато кантабиле* (пер. с фр. Н. Хотинская, О. Захарова) [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.bookshop.ua/asp/annot.asp?bid=129687>, дата доступа — июнь 2010.
6. Зусман, В.Г. *Диалог и концепт в литературе: Литература и музыка: [монография]/Валерий Григорьевич Зусман. — Нижний Новгород: Деком, 2001. — 167 с.*
7. Луков Вал. А., Луков Вл. А. *Концепт любви в мировой культуре. [Электронный ресурс] // Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukovs_love/*, дата доступа — март 2015.
8. Степанов, Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования/Ю.С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры». — 1997. — 824 с.*

Язык в русских и вьетнамских пословицах: образы и смыслы

Щитов Александр Григорьевич, кандидат педагогических наук, доцент;

Доан Тхи Кам Чьеу, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Проведен тематический выбор и аналитическое сопоставление русских и вьетнамских пословиц о языке, их перевод и толкование, сопоставление их образов и смыслов на основе учения В.В. Виноградова о фразеологической эквивалентности. Учитывались также работы вьетнамских исследователей, посвященные сопоставительному изучению русской и вьетнамской фразеологии. При установлении эквивалентности в процессе перевода мы исходили из того, что базовые ценности во всех культурах общие, а различия словесных образов (социальные, психологические и этнические) выражают различные смыслы. В ходе сопоставления образов и смыслов в русских и вьетнамских фразеологизмах о языке не было выявлено полных эквивалентов. Не полные фразеологические эквиваленты возникают в ходе переводческих трансформаций, а безэквивалентные русские пословицы привязаны к национальным традициям и передают актуальные смыслы иными образными средствами. Сравнительно-сопоставительное изучение вьетнамских и русских пословиц обогащает межъязыковую коммуникацию и обеспечивает взаимопонимание коммуникантов.

Ключевые слова: фразеология, пословицы, фразеологический эквивалент, образ, смысл.

Язык относится к числу универсалий в любом социуме. Тема данного исследования достаточно строго ограничивает круг пословиц, отобранных для анализа. Во вьетнамской фразеологии несравнимо меньше пословиц и поговорок о языке по сравнению с русской фразеологией — это одна из особенностей вьетнамской лингвокультуры. Общей особенностью исследуемых фразеологических единиц является неделимый смысл всего высказывания, даже если каждый компонент его лишен метафоричности [1]. Значение фразеологизмов, пословиц и поговорок раскрывается в лингвокультурном сопоставлении вьетнамских и русских пословиц и поговорок, их различных переводов и толкований.

Актуальность данной работы определяется интересом к переводу русских и вьетнамских пословиц и поговорок, особенностям образов и смыслов в исследуемых фразеологизмах [2].

Целью работы является выявление своеобразия вьетнамских пословиц в процессе коммуникации в сравнении их с русскими пословицами. В работе решаются конкретные задачи: тематический выбор и сопоставление русских и вьетнамских пословиц о языке, их перевод и толкование, сопоставление их образов и смыслов. Материалом для анализа являются вьетнамские (>100) и русские (>500) пословицы. Основной метод исследования — сравнительно-сопоставительный [3].

Мы понимаем под термином образ наше представление о чем-либо, то видится нам в нашем воображении, смыслом — представление о предназначении тех или иных вещей, событий и действий. Мы обнаружили различные толкования термина смысл, что свидетельствует о сложности содержания данного понятия [5].

Вьет. *Rượu vào lời ra*/машинный перевод: *Вино в слово*/авторский перевод: *Вино входит — слова выходят; Вино входит в сердце, словно тигр в лес* — сравнимы с русскими эквивалентами: *Что у трезвого*

на уме, то у пьяного на языке; Пьяного речи — трезвого мысли; Трезвого дума, а пьяного речь. Определяющие смысл образы: вьет. — вино; рус. — трезвый, пьяный. Сходство смыслов выражается в том, что вино развязывает язык; отличия: вьетнамцы отмечают словоохотливость, вызванную вином; а русские пословицы предостерегают об опасности излишней откровенности после выпитого вина. Полные эквиваленты — это русские эквиваленты по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре, поэтому данный перевод и русские соответствия не являются полными эквивалентами.

Вьет. *Thuốc đắng dã tật, sự thật mất lòng* с помощью машинного перевода: *Горькое лекарство, которое хромает, правда теряется в долгосрочной* и авторского: *Прямые слова неприятны для уха* приводят к русским соответствиям: *Прямое слово рожном торчит; Всяк правды ищет, да не всяк ее творит; Прямиковое слово, что рогатина; Правду погубишь, и сам с нею пропадешь; Не все то правда, что люди говорят.* Анализ образов: *горькое лекарство* (вьет.) и *рожон, прямиковое слово* (рус.) обнаруживает двойственное отношение к правде — *правда лечит* (вьет.) и *правда опасна* (рус.). Ср.: *Правдивое слово, как лекарство — часто горько, зато вылечивает; Горькое лекарство рот вяжет, да болезнь излечивает* (вьет.) и *Во всяком камне искра, во всяком человеке правда, да не скоро ее выбьешь; Правда глаза колет* (рус.) с датской пословицей: *Говорить правду опасно, а слушать — скучно.* Кроме привлеченных в качестве эквивалентных русские пословицы о правде значительно расширяют смысловое поле: *Бог любит правду; Не в силе Бог, а в правде; Держись за правду, будут за тебя держаться все добрые люди; Засыпь правду золотом, затопчи ее в грязь, а она все наружу выйдет; Правда, как оса, лезет в глаза; Правда и в огне не горит,*

и в воде не тонет. Различия в толковании правды в речи, несомненно, имеют глубокие культурно-исторические корни и позволяют судить о ней как о *Боге*, как о *порядке* и как о *нравственном законе*. Фразеологический эквивалент полностью соответствует по смыслу и стилистической направленности фразеологизму в языке подлинника и основан на одном с ним образе.

Вьетнамскую пословицу *Lời nói, nết vợ, nết chồng* машинный перевод определяет как *Слова, так моя жена, так мой муж*, не разъясняя смысла изречения. В авторском переводе пословица становится понятнее: *Язык по-могает стать супругами*. Поиск русских пословичных соответствий: *Беседа найдёт соседа; Сядем рядком да поговорим ладком; Язык — переводчик сердца* — дает материал для сопоставительного анализа. Словесные образы: *жена, муж, супруги* (вьет.) и *сосед, поговорим ладком, сердце* (рус.) близки друг другу по смыслу: *супруги не могут жить вместе, не разговаривая; с соседом можно и не знаясь; ладком* — значит дружно, согласно; а *сердце* является общечеловеческим символом жизни и любви [7]. Сказанное сближает смысл вьетнамских и русских пословиц едиными представлениями о роли языка как коммуникативной ценности. Образы отличаются, а смыслы близки. Неполным фразеологическим эквивалентом называют эквивалент, полный и абсолютный, но не во всех ее значениях.

Вьетнамская пословица *Lời nói còn sắc bén hơn là gươm dao* в машинном переводе: *Слова более острое, чем меч, нож* также далека от понимания русскоязычному читателю, и только авторский перевод *Язык острее меча* придает смысл ключевым словам. Обращение к русским эквивалентам: *Слово не стрела, а сердце пронзит; Недоброе слово больней огня жжёт* расширяет пространство общих смыслов данных выражений. Образы *меча, ножа* (вьет.) и *стрелы, огня* (рус.) убеждают нас в том, что язык представляется опасным острым инструментом, оружием. Им можно пользоваться во зло и во благо. *Стрела* же может поразить и на расстоянии. Русская пословица предостерегает от недобрых слов, которые разрушают сердце того, кому оно адресовано и сжигает огнем и того, кто их произносит. Вьетнамская пословица смысл выражает сравнением, русские же прибегают к метафорам. Фразеологический эквивалент — такая образная фразеологическая единица в языке перевода, которая полностью соответствует по смыслу и стилистической направленности фразеологизму в языке подлинника и которая основана на одном с ним образе [4].

В русской фразеологии немало пословиц, в которых язык, слово оказываются в одном ряду с хлебом: *На хлебе, на соли да на добром слове; Разговором сыт не будешь, если хлеба не добудешь; Блюда хлеб на обед,*

а слово на ответ; Без хлеба, без соли — худая беседа; Язык хлебом кормит и дело портит; Разговором сыт не будешь, если хлеба не добудешь. Образ хлеба — соли в русских фразеологизмах соотносим с образом *риса* во вьетнамских пословицах: *Долго помнится дорога туда, где дали чашку хорошего риса; При дележке риса дрались, а поделили — пригласили друга друга в гости.* Сходство смыслов вьетнамских и русских пословиц в утверждении ценностей гостеприимства и доброжелательности, которые считаются важным условием успешной коммуникации; различия же отражают культурно-климатические особенности уклада жизни народов из ряда общечеловеческих ценностей. Безэквивалентные фразеологизмы — это «собственно национальные» идиомы. Своей образностью и значением они очень сильно привязаны к конкретному языку. Сходство смыслов вьетнамских и русских пословиц в утверждении ценностей гостеприимства и доброжелательности, которые считаются важным условием успешной коммуникации; различия же отражают культурно-климатические особенности уклада жизни народов из ряда общечеловеческих ценностей [6].

Рассмотренные примеры убеждают, что русские и вьетнамские пословицы и поговорки выражают общие для наших народов ценности и смыслы. Анализ вьетнамских фразеологизмов показал, что лишь некоторые из них имеют полный смысловой эквивалент в русской фразеологии (при наличии сходства образов, выражающих смысл фразеологизма) или обнаруживает частичное сходство (при наличии различий в словесных образах и тождества или близости выражаемых смыслов).

В процессе перевода и интерпретации смыслов пословиц и поговорок совершенствуются навыки лингвокультурного анализа сложных языковых явлений, адекватный перевод и понимание которых требуют не только знания грамматики, богатого словаря, но глубокого погружения в культурную жизнь народа изучаемого языка.

Сказанное выше и проанализированные примеры позволяют заключить, что в ходе сопоставления образов и смыслов в русских и вьетнамских фразеологизмах о языке не было выявлено полных эквивалентов.

Неполные фразеологические эквиваленты возникают в ходе переводческих трансформаций и выражаются разнообразно, на основе различий в образности и адекватной передаче смысла пословицы.

Безэквивалентные русские пословицы привязаны к национальным традициям и укладу (*хлеб — рис*) и способны передавать актуальные смыслы иными образными средствами.

Сравнительно-сопоставительное изучение вьетнамских и русских пословиц обогащает межязыковую коммуникацию и обеспечивает взаимопонимание коммуникантов.

Литература:

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm> (дата обращения: 16.04.2015).

2. День Тхыонг Хуен Русские пословицы с подчинительными союзами и их эквиваленты во вьетнамском языке (Tộc ng÷ Nga cã cËu tróc li^{ân} tō phō thuéc vư c, c @n vP tng @ng trong tiŌng ViŌt) [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.org/text/77/151/7471.php> (дата обращения: 16.04.2015).
3. Нгуен Хуи Кыонг Отражение национальной картины мира в русской паремиологии (в контрастивных данных паремиологии вьетнамского языка) [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/otrazhenie-natsionalnoy-kartiny-mira-v-russkoy-paremiologii#ixzz3W9sSTF2G> (дата обращения: 16.04.2015).
4. Нелюбин, Л. Л. Фразеологический эквивалент/Толковый переводоведческий словарь. — 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/translate/Frazeologicheski-ekvivalent-864.html> (дата обращения: 16.04.2015).
5. Новиков, А. И. Смысл: семь дихотомических признаков. [Электронный ресурс]. URL: <http://galactic.org.ua/Prostranstv/filocof-2.htm> (дата обращения: 16.04.2015).
6. Фунг Чонг Тоан Национально-культурная специфика русской фразеологии в сопоставлении с вьетнамской в целях обучения русскому как иностранному [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-natsionalno-kulturnaya-spetsifika-russkih-frazeologizmov-v-sopostavlenii-s-vietnamskimi-v-tselyah-obucheniya-russkomu-yaz#ixzz3W7FFE8tx> (дата обращения: 16.04.2015).
7. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%86%D0%B5> (дата обращения: 16.04.2015).

Иноязычная компьютерная терминология в русской и китайской лингвокультурах

Щитова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, зав. кафедрой;

Цзэн Шуаншуан, магистрант

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Развитие компьютерной сферы способствует повсеместной информатизации современного общества. В области информационных технологий происходит множество изменений и открытий, поэтому именно в данной сфере процесс заимствования новых слов идёт исключительно быстрыми темпами. Изучение заимствованной компьютерной терминологии и её сопоставление в разных языках является особенно **актуальным**, т.к. позволяет выявить интернациональный терминологический фонд, найти «точки соприкосновения» и особенности разных лингвокультур в профессиональной сфере, что также определяет **практическую ценность** подобных исследований.

Цель данной работы — выявить и сопоставить источники заимствования и типы иноязычной компьютерной терминологии в русской и китайской лингвокультурах.

Материалом для исследования послужили словари иноязычных неологизмов: «1000 новых иностранных слов» Л. П. Крысина [1], «Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием)» Н. Г. Комлева [2] и другие [3; 4]. Выделенные из данных словарей приемом сплошной выборки русские компьютерные термины (более 200 единиц) были переведены на китайский язык и изучены в аспектах происхождения и типологии иноязычных единиц.

С точки зрения способа заимствования компьютерной терминологии в русский и китайский языки были выделены следующие группы иноязычной лексики.

1. Лексические заимствования:
 - 1) иноязычные вкрапления,
 - 2) заимствования.
2. Семантические заимствования (кальки):
 - 1) структурные кальки (полные и неполные — полукальки);
 - 2) семантические кальки.
3. У лексических заимствований из иностранного языка заимствуется как значение, так и форма слова. Лексические заимствования компьютерной терминологии являются преимущественно интернациональными.

Интернационализмы — языковые единицы, бытующие во многих современных языках и составляющие основную массу общенаучной терминологии. Это, по словам Виктора Владимировича Виноградова, «словесный фонд мировой цивилизации».

1.1. **Иноязычные вкрапления** (нетранслитерированные иноязычные единицы) являются результатом лексического заимствования. Это слова и выражения, графически оформленные в языке-реципиенте средствами языка-источника [5, с. 279].

Иноязычными вкраплениями компьютерной сферы **в русском языке** являются неологизмы: Асег 'название компьютерной фирмы', CD 'компакт-диск', e-mail 'электронная почта', i-Pad 'планшет фирмы Apple', on-line 'интерактивный режим', twitter 'он-лайн-сервис для ведения микроблогов', Windows 'операционная система' и др.

В китайском языке также функционируют иноязычные вкрапления. К ним относятся названия компьютерных фирм, языков программирования, продукции информационных технологий и др. Данные иноязычные вкрапления известны также носителям русского языка.

Сокращенное слово (аббревиатура) AVI функционирует в китайском языке в английской графике и заимствовано из англ. AVI — Audio Video Interactive (буквально *аудио и видео поочередно*). Например: 他展示了AVI文件生成代码的解析过程./рус. Он показал процесс анализа файла AVI.

Кит. Асер 'название компьютерной фирмы' заимствовано из английского Асер 'то же'] и оформлено в китайской письменной речи английскими графическими средствами: 我妈妈给我买了一台电脑是Acer牌子的./рус. Мама купила мне компьютер фирмы Acer.

Кит. ALGOL [из англ. ALGOL — Algebraic Oriented Language; рус. Алгол 'язык программирования']. 我在学习的是ALGOL, COBOL以及各种汇编语言./рус. Я пока изучаю языки ассемблера, Алгол, Кобол и др.

Кит. BASIC [из англ. Basic; рус. Бейсик 'язык программирования']. BASIC语言是大学必学的科目之一./рус. Язык программирования Бейсик является одним из изучаемых в университете.

Кит. JPEG [из англ. JPEG — Joint Photographic Experts Group; рус. Джипег 'графический формат, применяемый для хранения фотозображений']. 请你把文件以JPEG格式发给我./рус. Отправьте мне документ с расширением JPEG, пожалуйста.

1.2. **Заимствования** — слова и выражения, вошедшие в принимающий язык и переданные графическими средствами языка-реципиента. Заимствованные компьютерные термины являются преимущественно интернациональными.

Среди компьютерных терминов-заимствований русского языка также значительное количество интернационализмов: *ассемблер, байт, бит, блог, браузер, веб, винчестер, дескриптор, дискета, дисплей, драйвер, имейл, монитор* и др. [Ср. 4; 6, с. 184 и сл.]. Компьютерные термины преимущественно «служат для обозначения новых предметов и явлений реальной действительности и не имеют в принимающем языке однословных аналогов с идентичной денотативной семантикой» [7, с. 194]. В развитии данного фонда слов особенно ярко дает себя знать тенденция к научной и культурной интеграции народов. В характеристике **интернационализмов** главным параметром является не время и условия распространения их в русском языке, а факт их бытования не менее чем в трех языках, не связанных происхождением и даже не относящихся к одному ареалу. Конечно, основная масса интернациональной терминологии объединяет русский язык прежде всего с другими языками «европейско-американского» ареала, но можно указать и такие слова, которые широко представлены в языках других ареалов, например в китайском языке: *бит* bǐ tè 'бит', *блог* bó kè 'блог' и др.

Термин *бит* bǐ tè 'двоичная единица информации' восходит к английскому bit от basic indissoluble information unit 'не делимая далее единица информации', рус. бит 'то же']. Например: 比特是计算机专业术语, 是信息量单位./рус. Бит — это компьютерный термин, единица информации.

Блог bó kè [англ. blog; рус. блог 'то же']. 我今天开通了自己的博客, 因为我想结识更多的朋友./рус. Я открыла свой блог сегодня, потому что я хочу, чтобы обо мне узнало больше друзей.

2. Семантические заимствования (кальки) — это «заимствования-переводы». Все кальки традиционно делятся на структурные и семантические.

2.1. **Структурные кальки**. Здесь из одного языка в другой переносится общее строение сложного или производного слова вместе с его значением, но на место всех иностранных морфем подставляются единицы (морфемы) принимающего языка. Примерами в русском языке являются слова *на-речие* (лат. ad-verbium), *небо-скреб* (англ. sky-scraper), *сверх-человек* (англ. super-man, нем. Übermensch), ср. *супер-мен*. Такие кальки получили название **полные**, для того чтобы противопоставить их частичным, которые будут рассмотрены далее. Итак, структурные кальки бывают полными и неполными (частичными).

2.1.1. К **полным** структурным калькам в китайском языке относятся следующие примеры компьютерной терминологии: *自动编码* zì dòng biān mǎ 'автокод', *升级* shēng jí 'апгрейд', *电子邮件* diàn zǐ yóu jiàn 'электронная почта' и др.

Китайское *自动编码* zì dòng biān mǎ 'автокод' калькировано из английского autocode 'язык программирования, соответствующий конкретному машинному языку'. В китайском компьютерном термине соответственно семантике английского слова auto-code выделяются два семантических компонента: 'автоматический' + 'код'. Приведем пример употребления термина: 这是一家自动编码软件厂家./рус. Это завод, который производит программу автокода.

Китайское *升级* shēng jí 'апгрейд' калькировано из английского upgrade — апгрейд компьютера (установка нового оборудования или новой версии программы); буквально данное слово означает 'повышение уровня (модернизации)', 'повышение качества'. В китайском компьютерном термине соответственно семантике английского слова up-grade также выделяются два семантических компонента: 'наверх' + 'уровень, качество'. Например: 电脑系统经过升级以后好用多了./рус. После апгрейда системы компьютера, он стал лучше работать.

Китайское *电子邮件* diàn zǐ yóu jiàn 'электронная почта' является калькой английского e-mail 'то же'. В китайской языковой единице, как и в английском слове, выделяются два семантических компонента: 'электронная' + 'почта, письмо', которые переданы средствами принимающего языка: *电子* + *邮件*. Контекст: 公司职员每天上班的第一件事就是查看电子邮件./рус. Первое, с чего персонал начинает работу каждый день, это проверка имейла.

2.1.2. **Полукальки** — слова, появившиеся в результате частичного (неполного) калькирования, например русское *свето-фор*, которое частично калькировано из греческого φως-φόρος [фос-фóрос] 'свет несущий'.

Русский компьютерный термин *видеокарта* 'устройство, преобразующее изображение, находящееся в памяти компьютера, в видеосигнал для монитора' является полукалькой английского videocard 'то же'. В полукальке первая часть слова (*видео*) перенесена в русский язык без изменения, а вторая часть (*карта*) калькирована, т. е. является переводом английского card на русский язык.

Примером полукальки в китайском языке является номинативная единица

因特网 yīn tè wǎng 'Интернет', восходящая к английскому Internet. Первая часть английского слова (Inter) передана графическими средствами китайского языка без перевода: 因特 yīn tè, а вторая часть (net) переведена китайским словом 网 wǎng 'сеть': 现在很多学生可以通过因特网获取学习资料./рус. *В настоящее время многие студенты могут через Интернет получить учебные материалы.*

2.2. **Семантические кальки** появляются в результате заимствования словом языка-реципиента только значения (или одного из значений) у эквивалентного слова иностранного языка.

Семантическое калькирование — это особый вид семантического заимствования — развитие у какого-либо исконного слова вторичных (переносных) значений по аналогии с соответствующими иностранными словами: Например, китайское 病毒 bìng dú 'компьютерный вирус' является семантической калькой английского слова virus, которое первоначально обозначало возбудителя болезни, а с развитием информационных технологий приобрело значение 'компьютерная вредоносная программа', так же как и русское слово *вирус*. Например: 由于我的电脑中了病毒, 我重装了系统./рус. *Так как мой компьютер заражен вирусом, я переустановила систему.*

Семантической калькой в китайском языке является и компьютерный термин 网 wǎng 'веб'. Его прямое значение — 'сеть (рыболовная)', вторичное (переносное)

появилось по аналогии с английским web 'паутина сеть; Всемирная Система, которая предоставляет доступ к связанным между собой документам, находящимся на разных компьютерах, подключенных к Интернету'. Например: 最近宿舍的网络很不好, 总是断网./рус. *В последнее время интернет в общежитии плохо работает, часто веб выключен.*

Выводы.

1. Компьютерная терминология является одной из зон активного лингвокультурного взаимодействия. Основным источником заимствования компьютерной лексики как в русский, так и в китайский языки является английский. В русском языке есть также слова, вошедшие из немецкого и французского языков, и термины латинского и греческого происхождения. Китайский язык на примере компьютерной терминологии в меньшей степени, чем русский язык, подвержен влиянию европейских языков, в первую очередь английского. Из числа иноязычных компьютерных терминов русского языка, переведенных на китайский язык, лишь 36% имеют иноязычное происхождение.

2. В русском и китайском языках встречаются разные типы иноязычной компьютерной терминологии: лексические и семантические заимствования. Лексические заимствования являются интернационализмами, среди которых распространены иноязычные вкрапления, а также транслитерированные и транскрибированные заимствования. В числе семантических заимствований наиболее распространены кальки, полукальки и семантические кальки.

3. Из всех типов иноязычной терминологии в русском языке количественным преимуществом обладают лексические заимствования, особенно транслитерированные; в китайском языке — семантические заимствования, особенно полные структурные (синтаксические) кальки (около 23% от числа всех компьютерных терминов). Следовательно, несмотря на то что китайский язык представляет собой систему, в целом «закрытую» для влияния европейских языков, его компьютерная терминология пополняется интернационализмами, что является следствием процесса мировой интеграции в области науки и современных технологий.

Литература:

1. Крысин, Л. П. 1000 новых иностранных слов. — М.: Эксмо, 2009. — 320 с.
2. Комлев, Н. Г. Словарь новых иностранных слов. — М.: Изд-во МГУ, 2012. — 144 с.
3. Толковый англо-русский словарь пользователя [Электронный ресурс]. URL: http://shans-i.narod.ru/Disk_PC/Stat_PC/Dop_MatPC/Stat_Dop_Mat/Stat_01.htm.
4. Щитова, О. Г. Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — с. 27–30. <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/355/image/355-027.pdf>.
5. Щитова, О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI в.: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. — Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. — № 1 (2). — с. 278–286 [Электронный ресурс]. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234>.
6. Щитова, О. Г., Савилова, С. Л. Функциональный статус новейшей ксенолексики в речи групповой языковой личности студента высшей школы // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — Вып. 10 (151). — с. 184–188. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/shitova_o._g._184_188_10_151_2014.pdf.

7. Савилова, С. Л., Щитова, О. Г. Прагматический статус новейшей ксенолексики в студенческом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — Вып. 10 (151). — с. 193–197. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/savilova_s._1._193_197_10_151_2014.pdf.

Ключ 目 mǐ «глаз» в составе китайских иероглифов (в продолжение вопроса)

Яковлева Екатерина Александровна, студент;

Данков Артем Георгиевич, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Китайская иероглифическая письменность уникальна, она обладает многотысячелетней историей. В древности китайцы пытались изобразить мир вокруг них с помощью рисунков. Впоследствии рисунки превратились в иероглифы. Многие из иероглифов сохранили свой внешний облик спустя тысячу лет. Значение иероглифа можно предположить по ключам, составным частям иероглифа.

В нашем предыдущем исследовании мы проанализировали значение ключа 目 mǐ «глаз» в составе китайского слова [2, с. 1454], более подробно остановившись на словах, которые являлись существительными, прилагательными или несколькими частями речи одновременно. В данном исследовании мы обратим Ваше внимание на глаголы, которые в своем составе содержат ключ 目 mǐ «глаз», и сравним результаты предыдущего и данного исследования.

Также как и ранее, мы возьмем за основу «Шесть категорий» знаков китайского письма [1, с. 335].

В Большом Китайско-русском словаре мы отобрали иероглифы, которые являются глаголом и содержат в своей структуре ключ 目 mǐ «глаз».

1. 盯 dīng. Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как принял звучание dīng от иероглифа 丁. 盯 является глаголом в значении 1) уставиться, обратить взор; пристально смотреть; 2) взглянуть, бросить взгляд; 3) неотступно наблюдать, пристально следить, не спускать глаз. В данном иероглифе ключ 目 mǐ сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

2. 窥 kōu является глаголом и имеет значение «глухо западать; запавший (о глазах)». Данный иероглиф относится к смешению идеографической и фонетической категориях, так как глагол 区 ōu «скрывать, прятать, укрывать (беглых, краденое)» частично передает свое звучание и значение. Здесь ключ 目 mǐ частично сохраняет свое значение, так как речь идет о глазах.

3. 眨 zhǎ является глаголом и имеет значение «моргать, мигать, подмигивать, перемигиваться; хлопать (глазами)». Данный иероглиф относится к идеографической категории, так как 眨 имеет второе значение «уставать, утомляться». В данном иероглифе ключ 目 mǐ сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

4. 眠 mián является глаголом и имеет значение «спать, засыпать; спящий». Данный иероглиф относится к фоне-

тической категории, так как он частично перенял звучание 民 mín. В данном иероглифе ключ 目 mǐ частично сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

5. 眯 mī — глагол со значением «шуриться, прищуриваться, сощуриваться, жмуриться; прикрывать веки». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он перенял звучание ключа в своем составе — 米 mǐ. В данном иероглифе ключ 目 mǐ сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

6. 眺 tiào — глагол со значениями: 1) смотреть вдаль; пристально смотреть, вглядываться, всматриваться; рассматривать, наблюдать; 2) косить глазами; смотреть искоса. Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он частично перенял звучание 兆 zhào. В данном иероглифе ключ 目 mǐ сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

7. 睁 zhēng является глаголом со значением «открывать, раскрывать (глаза)». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он перенял звучание 争 zhēng. Здесь ключ 目 mǐ частично сохраняет свое значение, поскольку речь идет о глазе.

8. 瞄 miáo — глагол со значениями: 1) брать на прицел (кого-л., что-л.); целиться, наводить (на что-л.); 2) взглянуть, бросить взгляд. Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он перенял звучание 苗 miáo. В данном иероглифе ключ 目 mǐ сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

9. 睬 cǎi является глаголом со значением «обращать внимание; принимать во внимание, считаться с..., придавать значение». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он перенял звучание 采 cǎi. В данном иероглифе ключ 目 mǐ частично сохраняет свое значение.

10. 睡 shuì является глаголом со значением «спать; уснуть, засыпать, ночевать; ложиться спать; спящий; спальный». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он частично перенял звучание от иероглифа 垂 chuí. В данном иероглифе ключ 目 mǐ частично сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза (закрывать глаза).

11. 瞅 chǒu глагол пекинского диалекта «смотреть, наблюдать; высматривать». Данный иероглиф относится

к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

12. 瞑 míng, mǐng — глагол со значением «закрывать глаза; сомкнуть очи». Данный иероглиф относится к идеографической и фонетической категориям, так как перенял и звучание и значение иероглифа 冥 míng «мрак, тьма; ночь». В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

13. 瞌 kē является глаголом со значением «дремать; быть в сонливом состоянии». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как частично перенял звучание иероглифа 盍 hé. В данном иероглифе ключ 目 mù частично сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза (прикрыть, закрыть глаза).

14. 瞞 mán — глагол со значениями: 1) оставить в неведении; утаить от; 2) плохо видеть. Данный иероглиф относится к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 mù частично сохраняет свое значение, поскольку оно связано с характерной чертой зрения.

15. 瞥 piē — глагол со значением «окинуть взором, скользнуть взглядом; мельком взглянуть». Данный иероглиф относится к идеографической категории, иероглиф 敝 bì имеет четвертое значение «бросать, оставлять; покидать». В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

16. 瞟 piào является глаголом со значением «взглянуть искоса; бросить косой взгляд». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как перенял звучание иероглифа 票 piào. В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

17. 瞠 chēng является глаголом со значением «всматриваться; тарашить (глаза)». Данный иероглиф относится к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 mù частично сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

18. 瞪 dèng, chēng — глагол со значениями: 1) пристально смотреть, уставиться; тарашить [глаза]; 2) устремлять (бросать) взгляд на... Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как перенял звучание иероглифа 登 dēng в своём составе. В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

19. 瞩 zhǔ — глагол со значением «[пристально] смотреть; всматриваться, глядяваться; устремлять [взор]; вперять [очи, глаза]; уставиться [глазами]; смотреть во все глаза; не сводить (не отрывать) глаз». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как перенял звучание иероглифа 属 zhǔ в своём составе. В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

лифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

20. 瞬 shùn является глаголом со значением «моргать, мигать». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как перенял звучание иероглифа 舜 shùn в своём составе. В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

21. 瞧 qiáo является глаголом со значениями: 1) смотреть; бросать взгляд; рассматривать, разглядывать; 2) смотреть украдкой, глядя тайком. Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как частично перенял звучание иероглифа 焦 jiāo в своём составе. В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

22. 瞻 zhān — глагол со значением «смотреть; смотреть вверх; издали взирать; оглядывать, наблюдать; ориентироваться на...»... Данный иероглиф относится и к фонетической, и к идеографической категориям, поскольку он перенял и значение и звучание иероглифа 詹 zhān «взирать». В данном иероглифе ключ 目 mù сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

Таким образом, нами было проанализировано 22 глагола с ключом 目 mù «глаз» в их составе. В 81% случаях значения глаголов были связаны с действием глаза, в 9% значений глаголов речь шла о глазах, в двух словах было частично сохранено значение ключа, и в 4% значение было связано с характером зрения. Среди глаголов, преобладают слова, образованные по фонетической категории (59%), 27% были образованы по идеографической категории, и 3 примера были образованы смешением категорий: фонетической и идеографической.

В первой статье, посвященной сохранению значения ключа 目 mù «глаз» в существительных, прилагательных и словах, которые являлись несколькими частями речи сразу, фонетическая и идеографическая категории встречаются практически с равной частотностью, однако, в данном исследовании, явление фонетической категории намного чаще. А также, в данном исследовании, встретились два случая частичного сохранения значения ключа в составе иероглифа. Стоит отметить, что все значения приведенных нами примеров связаны со значением ключа. Мы попытались классифицировать все значения по разным категориям: значения, связанные с действием глаза, со структурой глаза, с характером зрения и т.д. Больше всего примеров слов со значением действия глаза. Общее количество проанализированных нами примеров — 36, больше всего глаголов — 22 примера. Нами не было найдено ни одного примера указательной и заимствованной категории.

Литература:

1. В. А. Звегинцев Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае — М.: АСТ: Прогресс, 1989—472 с.
2. Е. А. Яковлева Ключ 目 MÙ «глаз» в составе китайских иероглифов. Молодой ученый № 9 (89), часть 14, 2015—1510 с.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 10 (90) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешнев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4